

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 28

Москва
2004

ББК 81
Я410

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*

д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безнонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. —
Вып. 28. — 192 с.

ISBN 5-317-01182-5

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27 – в 2004 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-01182-5

© Авторы статей, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

<i>Филимонова Е.Н.</i> Образ камня в традиционных представлениях некоторых народов Дальнего Востока.....	5
<i>Ляхно А. В.</i> Дихотомия смысла и значения имени собственного в теософии	27
<i>Табалова Н. Г.</i> Социальные стереотипы и особенности языка прессы (на основе анализа англоязычной прессы)	39
<i>Литвинов А.В.</i> О структуре межкультурной компетенции	51
<i>Чикилева Л.С.</i> Национально-исторические и культурно-лингвистические особенности американского тоста.....	58
<i>Глеб Арсеньев.</i> Дополнение к показаниям свидетеля защиты (сознание как хромотипический оппозитивный диалог).....	69

ЛИНГВИСТИКА

<i>Филиппова М.М.</i> Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса.....	75
<i>Мешкова Е. М.</i> Глоттальный взрыв и «смежные явления»	91
<i>Изотова А. А.</i> О некоторых критериях понимания английской идиомы.....	101
<i>Шубина Э. Л.</i> Проблема нормы и вариативности на уровне аналитических конструкций типа Nquant+AdjN	104
<i>Панков Ф. И.</i> Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы <i>близко</i>)	114
<i>Колтунова М. В.</i> Конвенционализация директивных иллокутивных актов в письменном и устном институциональном общении	131
<i>Нистратова С. Л. (Италия)</i> К вопросу о системе экспрессивных синтаксических средств в научной речи	142

<i>Шульскис С. А.</i> Прерванные конструкции устной речи в аспекте порождения и восприятия речи	151
<i>Рощина Ю. В. (Канада)</i> Лексика, связанная с современными информационными технологиями, и процесс анализаци русской грамматики.....	156
ЛИНГВОПОЭТИКА	
<i>Григорьян И.Т.</i> Ритм и просодия художественного текста в прагмастилистическом освещении.....	168
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Изотов А.И.</i> Бекасова Е.Н. Руководство по изучению старославянского языка. – Оренбург, 2004.	183
<i>Певак Е. А.</i> Свет голубой звезды (Новиков И. Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. – Мценск, 2004).....	187

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Образ камня в традиционных представлениях некоторых народов Дальнего Востока

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2004

*В мире лишь одно
Неизменно – камень.
Юн Сондо.*

Камень, как символическое понятие, занимал и занимает важное место в культурах разных стран и народов. Долговечность, постоянство и величественность форм материального воплощения *камня* всегда производили глубокое впечатление на сознание человека.

На Дальнем Востоке *камень* считался материалом полуприродным и получеловеческим, так как, хотя он и создан природой, но поддается обработке человеком. Главные достоинства *камней* в глазах их дальневосточных ценителей определялись традиционным представлением о том, что «чистейшая семенная энергия Неба и Земли, сгущаясь, превращается в *камни* и, выходя из земли, принимает диковинный облик». *Камни*, как вместилища чистейшего субстрата жизни, были объектом поклонения, святыне *камни*, *камни-обереги* – распространенный атрибут китайских и корейских народных культов. По китайским и корейским понятиям, присутствие «чистого *камня*» оказывает благотворное, облагораживающее влияние: твердость *камня* учит дух быть *каменной* твердыней. *Камень* – молчаливый свидетель вечности – входил в круг объектов, обозначавших качества подлинной человечности, по мнению древних китайцев, среди которых были сосны, кипарисы, орхидея и бамбук (см. об этом: Малявин 2000, 437). *Камень* – самый надежный друг возвышенного мужа: он «навевает думы о древнем». На Дальнем Востоке он считается одним из десяти символов долголетия («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 817).

Следует заметить, что на Дальнем Востоке магия и этика *камня* не отделимы от его эстетики. Редкостный облик, увлекательные переливы цветов, затаенная мощь его массы делали *камень* не только вместилищем мировой энергии, но и художественно ценным предметом. *Камни* созерцали, к ним прикладывали руки, их даже слушали. Границы эстетического восприятия *камня* в дальневосточной традиции очень широки. По мнению Е. В. Завадской, они определяются даосской традицией

уподобления себя простоте обычного *камня* (ши) и конфуцианским стремлением к самосовершенствованию, доведенному до той изысканности, которой отличаются *яшма* или *нефрит* (юй) (см.: Завадская 1977, 124). В средневековом Китае сложилась целая классификация эстетических признаков *камней*. Знатоки толковали о красоте *камней* дырчатых и ноздреватых, морщинистых и волнистых, пористых и продолговатых, «похожих на водяные каштаны», «наполовину вросших в землю» и т. д. В особенности ценились три свойства *камней*: «проницаемость», позволяющая ощутить их пассивную толщину; «худоба», производившая впечатление изящества, легкости, парения; «открытость» - красота пустот и отверстий в камне, делавших его как бы разверстым в окружающее пространство. Крайне разнообразны были и способы установки *камней* в саду дальневосточных народов. Важным элементом композиции китайского сада были и остаются искусственные горки *из камней*. Ученый XVII века Чжан Чжао советовал: «под сливовым деревом *камни* должны навевать аромат древности, под соснами *камни* должны быть шероховатыми, среди бамбука – высокими, а в низине – изящными». В дальневосточном фольклоре распространены рассказы *о камнях-оборотнях*, способных превращаться, например, в красивого юношу (см. об этом: Малявин 1995, 207-208; 2003, 321).

Бо Цзюйи утверждал, что мир *камней* подобен миру людей, что камни, как люди, имеют свой нрав и характер: среди них, как среди людей, есть благородные и подлые. «Есть *камни*, - писал Бо Цзюйи, пышно-величественные, словно влиятельные монархи; есть грозно-торжественные, точно строгие чиновные люди; есть прихотливо-изысканные, словно писанные красавицы. Есть среди них *камни* подобные драконам и фениксам, демонам и тварям земным. Они точно сгибаются в поклоне или шагают, крутятся или прыгают, разбегаются в разные стороны или стоят толпой, поддерживают друг друга или друг с другом борются...» (цитируется по: Малявин 1995, 208-209; 2003, 322).

В Корее *камень* считается символом твердости и стойкости характера:

«... Чхунхян, стойкая как железо и *камень*, не пошла к нему в наложницы и за это жестоко наказана» («Роза и Алая Лотос» 1974, 345); «Будь инспектор Ян тверд, как железо или *камень*, он против ее чар не устоит!» («Сон...» 1985, 255).

О выносливом и неприязнательном человеке корейцы говорят: «*Он и на камне выживет*» (см. «Корея. Карманная энциклопедия» 2000, 317).

Из драгоценных и полудрагоценных *камней* китайцы и корейцы с незапамятных времен особенно ценили *яшму*, считавшуюся самым «одухотворенным *камнем*» и символом державной власти, а также воплощением «крайнего ян» в минеральном царстве, «семенем дракона» на земле (см.: Малявин 2000, 21). Древние китайцы считали ее предше-

ственницей всех драгоценных камней (см. «Энциклопедия для детей. Геология» 1995, 398).

Яшма – лапидарный камень Правителя Неба и императоров Китая, символизирующий космическую энергию, совершенство, силу, власть, неподкупность, бессмертие. В дальневосточной традиции олицетворяет целый ряд добродетелей: моральную чистоту, справедливость, искренность, мужество, гармонию, преданность, благожелательность и мудрость. Считалось также, что *яшма* укрепляет дух и предотвращает несчастья. *Яшму* наделяют и свехъестественными лечебными свойствами (см.: Тресиддер 2000, 236; Малявин 1997, 353; Jobs. Part 2. 1962, 859-860).

Яшма издавна была предметом особого почитания, мистической поэтизации дальневосточных народов. Китайская поговорка гласит: «*Золото имеет свою цену, но яшма бесценна*». Китайцы и корейцы до сих пор относятся к *яшме* с трогательной благоговейностью, поразительным трепетом и нежностью. Любое непочтительное отношение к этому *камню* может вызвать грусть, а порой гнев и негодование у представителей этих народов. Вот как писал об этом корейский поэт Хон Сом:

«*О яшме* сказали: *камень!* // Это печально!» («Классическая поэзия...» 1977, 430).

Китайский термин *яшма* (юи) относился к нескольким видам минералов, среди которых наибольшее значение имели *нефрит* и *жадеит*. По своему химическому составу *нефрит* представляет собой силикат кальция и магния, *жадеит* – силикат алюмокарбоната. Оба минерала были бы полностью белыми, если бы не присутствие в них различных окислов. Древние китайцы различали шесть видов драгоценной *яшмы*: голубая, символизирующая Небо и считавшаяся принадлежностью властелина Поднебесного мира (на практике ее часто заменяла белая *яшма*), желтая (символ Земли и принадлежности императрицы), а также четыре вида *яшмы*, соответствующие сторонам света: зеленая, красная, белая и черная. Узоры в *яшме*, как уже говорилось, слыли прообразом «небесных» узоров мироздания, ее прозрачные, нежные цвета – символом душевной чистоты благородного мужа (см.: Малявин 2000, 329).

Сложно найти корейское или китайское литературное произведение, где бы не упоминалась *яшма*. В дальневосточной литературе понятие *яшма* распространялось на все твердые, пестро окрашенные *камни*, в том числе *нефрит*, так как, по мнению Н. И. Сукаленко, в корейском и китайском «обыденном сознании *яшма* и *нефрит* не разграничивались» (Сукаленко 1992, 83-84). «*Яшмой, бирюзовой, словно вода*» в дальневосточных странах называли и горный хрусталь. Об этом свидетельствуют древние «Записи о ритуале» (Ли цзи), придворные сановники в ранге дайфу носили на поясе подвески из «*бирюзовой воды*» (см. об этом: «История цветов» 1991, 634).

Яшма и нефрит в корейской и китайской художественной литературе зачастую подменяют друг друга, поэтому в нашей статье мы не разделяем эти два камня, а рассматриваем их вместе.

Обращает на себя внимание тот факт, что метафорический эпитет *яшимовый*, ни о чем не говорящий русскому человеку, для корейца и китайца это – эпитет ко всему дорогому, лучшему, как к предметам, так и отвлеченным понятиям. Имеется целый ряд приложений этого эпитета к следующим словам: девушка, доблесть, милый, прекрасный человек, весна, музыкальные инструменты, столица, чарка вина, сосуды, луна, небо, чистое сердце, друг, облик, письмо, лицо, красота, царь, бог и т. д. и т. п. (см.: Ду Фу 2000, 501-502).

При описании идеальной картины природы в дальневосточной литературе часто встречаются метафорические эпитеты: *яшимовый* и *нефритовый*.

«На нефритовом гребне горы // Изумрудные копыта бамбука» («Классическая поэзия...» 1977, 481); «Осеннее озеро – яшимовой зеленью // тихо струится вода» («Классическая поэзия...» 1977, 448); «Кругом цветут необыкновенные цветы и яшимовые травы» («Верная Чхун Хян» 1960, 47).

Однако в русской языковой ментальности трава, скорее всего, будет *изумрудной*.

Воды, водные просторы в корейской и китайской литературе также связываются с эпитетом *яшимовый*. Здесь *яшма* выступает как символ чистоты:

«Но водой серебряной стремнины // Водопада, голубого моря, // Чистого ключа, ручья, как *яшма*, // Иль реки широкой ты не будешь» («Верная Чхун Хян» 1960, 64); «Рокотом града земле водопад // о себе подает весть. // Возносятся россыпи брызг в пустоту – // зерна: *яшма* и жемчуга» («Классическая поэзия...» 1977, 431); «...мою в *яшимовом* ручье, полощу в синих водах» («Повесть о зайце» 1960, 319).

В русском языке для чистой холодной воды существует метафорический эпитет – *хрустальная*, для волн – *бирюзовые*.

Яшма и нефрит часто выступают в качестве метафор и метафорических эпитетов и при описании снежной зимы:

«Опустели горы и реки, порывистый холодный ветер нес белые хлопья снега, и они, кружась, покрывали *белояшимовой* пеленой землю» («Сон...» 1982, 124); «Снег перестал только к первой страже. Земля оделась в серебряный наряд. Весь мир казался выточенным из *нефрита*... Она откинула занавеску и еще издали заметила запорошенного снегом У Суна, шагающего по ослепительным россыпям осколков *нефрита*» («Цветы сливы...» Т.1.1998, 37).

Раньше в дальневосточных странах только император мог пользо-

ваться предметами *из белой яшмы*, или «*яшмы как бараний жир*» – самой красивой и ценной. Несколько уступала ей по качеству *яшма* цвета «льда» или «рисовой каши» (см. об этом: Малявин 2000, 486; 2003, 334). Обязательной принадлежностью китайского и корейского императоров, а также их сановников была вырезанная *из яшмы (нефрита)* печать. Императорская *яшмовая (нефритовая)* печать символизировала, что власть императору дана небом (Тресиддер 2000, 236). *Из нефрита* и других драгоценных камней изготавливались знаки отличия императоров и придворных. Ранги чиновников различались в Китае по поясам, инкрустированным различными драгоценными камнями: *нефритом*, красным кораллом, сапфиром и т. д. (см.: Сидихменов 2000, 298).

За заслуги чиновников награждали и *нефритовыми украшениями*. *Нефритовые украшения* были символом высокого положения вельмож при дворе китайских и корейских императоров.

«Император наградил Яна алым халатом и поясом *с нефритовыми украшениями*, двумя конями, музыкальными инструментами из придворного театра, пожаловал ему звание члена императорской академии и дом в Запретном городе» («Сон...» 1982, 96).

Яшмовая (нефритовая) дощечка – принадлежность чиновника. Одна половина этой бирки из бамбука или *яшмы (нефрита)*, вручалась чиновнику как знак его полномочий, а вторая хранилась во дворце. *На яшмовой (нефритовой) дощечке* указывались должность и звание чиновника, носили их на поясе (см. об этом: «Бамбук в снегу» 1978, 308; «Записки...» 1985, 454). В феодальной Корее *на нефритовых*, бамбуковых или из слоновой кости дощечках также записывались приказы и распоряжения (см. об этом: «Роза и Алый Лотос» 1974, 410; «Повесть о Сим Чхон» 1960, 683). Все это нашло отражение в художественной литературе:

«Получил на служенье // *Нефритовую дощечку* – // Доверья и власти знак» («Бамбук в снегу» 1978, 251); «Он заявил, что лишает отца Чан титула королевского тестя и всех его чинов и званий, приказывает арестовать и сослать на остров Чечжу ее брата Чан Хи Чже и, наконец, разбивает жалованную Чан *нефритовую пластинку* – символ ее высокого положения» («Записки...» 1985, 83); «На четвертый день император показался в дверях дворца: на нем были парадный головной убор и алый шелковый халат, в руке – *нефритовая дщица* для записи повелений» («Сон...» 1982, 372).

Яшмовые (нефритовые) ступени – метафорическое название королевского дворца («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 819).

«*Ступени из яшмы* // Давно от росы холодны»; «Я стою... у *яшмовых ступеней* // Иней появляется осенний» (Ли Бо 2000, 169; 296); «По-

сле трехдневного пира юноша посетил могилы предков, а потом взошел с поклоном на *нефритовые ступени*» («Роза и Алый Лотос» 1974, 354).

Яшмовый (мраморный) помост – крыльцо на женской половине императорского дворца (Ли Бо 2000, 268).

«*Яшмовый помост* рождает белые росы...» (Ли Бо 2000, 248).

В убранстве дворцов также использовались различные драгоценные камни, включая *яшму (нефрит)*:

«Повсюду хрусталь, *яшма*, кораллы, вазы из драгоценного камня!» («Подвижница Сим Чхон» 1990, 240).

Одежды и головные уборы знатных особ в древности украшали *яшмовые (нефритовые)* подвески. Эти искусно вырезанные белые пластинки в Китае и Корее подвешивались к головному убору или поясу и при ходьбе издавали мелодичный звон, который призван был отгонять злых духов (см.: Малявин 2000, 329; 486).

«С навеса короны у него свисают одиннадцать шнуров с *нефритовыми шариками*, черный халат расшит драконами, пояс украшен *нефритом*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 31; 406); «...на этой женщине была одежда ярко-розового цвета, в волосах – малахитовые шпильки, на поясе – *яшмовые подвески*» (Ким Ман Чжун 1961, 122).

Лик короля именовался *яшмовым (нефритовым)*:

«Король отказался от еды и сна, *яшмовый лик* его осунулся» («Записки...» 1985, 89); «*Нефритовый лик* Сына Неба искажился от страдания» («Сон...» 1982, 447).

Даже ладони царственной особы отождествлялись с *яшмой*:

«Император... хлопнул *яшмовой ладонью* по столику...» («Сон...» 1982, 365).

Словосочетание *нефритовая хозяйка* в дальневосточной художественной литературе служит обозначением образа принцессы:

«*Нефритовая хозяйка* не чувствует отвращения к моему подлому происхождению», - ответил ей Сёный» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 88).

Китайские мастера из всех драгоценных и полудрагоценных камней отдавали предпочтение *яшме*. Почитание *яшмы* в Китае объясняется еще и обстоятельством, что этот твердый *камень* с трудом поддается обработке. Считалось, что хорошим резчиком *по яшме* мог стать только человек сильной воли и доброй души. Парадоксально, но в истории китайской культуры обработка и изготовление художественных изделий *из яшмы и нефрита* стали делом народных мастеров, тогда как простой *камень* обрел свое место в живописи великих художников и в знаменитых садах (см. об этом: Новикова 2004, 408, 409). Изготовление ювелирных изделий и композиций *из яшмы* требовало длительного времени, нередко многих лет. Однако в глубокой древности китайцы считали

яшму настолько священной, что ограничивались минимальной обработкой естественного камня, придавая ему, например, круглую (символ Неба) или квадратную (символ Земли) форму. Император использовал такой *нефритовый диск* при обращении к небу, который и олицетворял небо, а квадратное отверстие в нем означало землю (см.: Малявин 2000, 486; Сидихменов 2000, 64).

Помимо официальной и ритуальной роли *яшма (нефрит)* имела широкое применение в частной жизни китайцев и корейцев. Древние изделия из *яшмы (нефрита)* были ценной реликвией любого китайского и корейского дома. Еще в иньскую эпоху из *яшмы (нефрита)* делали культовые предметы, ритуальные вазы для вина, зерна и воды, а также топоры, алебарды, различные служебные регалии, украшения и даже человеческие маски и т. д. (Малявин 2000,329;486).

«И чаша *яшмовая* вновь полна...» (Ли Бо 2000, 295); «В *яшмовом кувшине* вино, от которого прозревают слепые» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 141); «Стояла глубокая ночь, поэтому принцесса зажгла *нефритовый светильник* и, опершись о перила, декламировала стихи» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 90); «На *белояшмовых полках* теснилось множество книг» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 499); «Из *яшмы* экраны и ширмы стоят» («Цветы сливы...» Т.2. 1998,130); «... те готовят *белояшмовые носилки* и ждут» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 224); «Она вынула из ушей *яшмовые серьги...*» («Чанхва и ее сестра Хоннён» 1990, 310); «Он подозвал молодую, взял маленький ларец и, вынув из него драгоценное зеркало и *яшмовое кольцо*, отдал ей» («Скидания госпожи Са по югу» 1960, 332) и мн. др.

Дальневосточные мужчины предпочитали курить трубки с *яшмовыми (нефритовыми) мундштуками*, так как считалось, что этот камень может нейтрализовать ядовитый дым:

«... трубки с янтарными и *яшмовыми мундштуками*» («Повесть о зайце» 1990, 336).

В Китае изготавливали небольшие деревья из самоцветов, и в том числе *нефрита*, которые ставили в кадки и плоски, чтобы они выглядели как живые (Би Сяошэн 1992,187).

«Женщины походили на *нефритовое деревце*, выросшее на нескольких комелях!» (Там же, 175); «Была она прекрасна, словно *яшмовое дерево* из рощи бессмертных» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 261).

Яшмой (нефритом), жемчугом и золотом расшивали одежду дальневосточные модницы, а дальневосточные щеголи украшали седла для лошадей:

«Парча на прелестницах вся жемчугами расшита, // И сколько шитья золотого и сколько *нефрита!*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 44); «Надевает седло, расшитое *яшмой...*» («Верная Чхун Хян» 1960, 38).

Яшма широко применялась для декоративной отделки различных бытовых предметов:

«... маршал взял хлыст с *белояшмовой рукояткой...*» (Ким Ман Чжун 1961, 214); «... ножницы, инкрустированные *яшмой...*» («Книга прозрений» 1997, 390) и т. п.

Яшму (нефрит) дарили невесте на свадьбу, а также первой жене, второй жене обычно преподносили бриллианты. На Дальнем Востоке до сих пор существует поверье, что *яшма* или *нефрит*, подаренные на свадьбу приносят удачу и оберегают от несчастий всю оставшуюся жизнь (см.: Jobes. Part 2. 1962, 859-860; Сидихменов 2000, 381; 64).

«Эти *яшмовые драгоценности*, сказала Цайфэн, когда женщины остались одни, – подарены нам нашим супругом» («Записки...» 1985, 159).

Китайцы и корейцы наделяют *яшму (нефрит)* еще и музыкальностью, так как *яшма (нефрит)* при дроблении издает мелодичный звук (см.: «Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 815). Считалось, что звучание *яшмы (нефрита)* способно немедленно возродить в человеке духовную гармонию. Эта способность издавать при ударе приятные звуки была использована при создании литофонов (музыкальных инструментов, состоящие из каменных пластин. Пластины обычно имели трехугольную или полукруглую форму, достигая пятидесяти сантиметров в длину и ширину). *Яшмовые пластины* были в древнем Китае самым почитаемым музыкальным инструментом. В Корее существует музыкальный инструмент пхёнген – набор из шестнадцати *нефритовых пластинок*, по которым ударяют роговым молоточком. Высота зависит от толщины *нефрита*. Тонкие пластины *из нефрита* способны издавать чистый и протяжный звук (см.: Малявин 2000, 329; 440; «Корея. Карманная энциклопедия» 2000, 428).

За некоторыми китайскими и корейскими духовыми инструментами в художественной литературе закрепились поэтические эпитеты *яшмовый* и *нефритовый*, хотя некоторые из них изготавливались из бамбука:

«Затосковала я, стала *на нефритовой флейте* изливать свою тоску». («Верная Чхун» 1990, 87); «Вы будете играть на пятиструнном цине Шу-ня, *на яшмовой свирели* Ван Цзы-цяо...» («Повесть о зайце» 1960, 305).

Яшма (нефрит) также широко применялась и для декоративной отделки музыкальных инструментов:

«Вслед за этим он достал тхунсо, отделанное белой *яшмой*, сыграл сначала сам одну мелодию, потом стал обучать Яна» (Ким Ман Чжун 1961, 64).

В художественной литературе *яшма (нефрит)* - звуковой образ:

«Нежно звенят подвески *из яшмы*» («Верная Чхун Хян» 1960, 35); «Словно *яшма*, звенит ручей...» («Сон...» 1982, 614).

Яшма (нефрит) – цветовой образ: за ней закреплены голубой, красный, зеленый и белый цвета.

«Один из них держал тушечницу из голубой *яшмы* и кисть из пятилистного бамбука» (Ким Си Сып 1972, 103); «... шпильки из красной *яшмы*, – отвечала Юесян <...> – подвески из зеленой *яшмы*» («Записки...» 1985, 159); «... юные прислужники в зеленых одеяниях, волосы собраны на затылке в пучок, держат в руках, кто кувшин из белого *нефрита*, кто поднос из зеленой *яшмы*...» («Сон...» 1982, 620).

Яшма (нефрит) входит в состав имен:

«Дочь министра зовут Оннан – *нефритовая орхидея*» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 65); «О, белая *яшма* с вершины Синшань, // Прекрасная светлая *яшма* – Мёнок!» («Верная Чхунхян» 1990, 70); «Это «*Яшмовый лотос*» – Оннён»; «Как весной, зеленеет листок. То «*Яшмовый лепесток*» – Огён»; «В свете ясной луны все прекрасны они. Словно «*Чистая яшма*» – Оксон» («Корейские повести» 1954, 117); «... Цзиньянь оказалась вместе с Юй-лянь – «*Яшмовой лилией*», прозванной так за нежно-белое лицо» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 32).

Яшма (нефрит) часто встречается в названиях, например, книг, стихов, песен и т. п.:

«Это «*Цветы на яшмовом дереве*» Чэнь Хоу-чжу, то есть та самая песня, о которой, как говорится, надо его самого расспросить, коль доведется встретиться на том свете» (Ким Ман Чжун 1961, 99); «Министр взял его и прочел. Сочинение, как говорится, достойно «*Яшмового кубка*» и «Небесной книги!»» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 382); «В «*Книге Нефритового ларца*» сказано, что на девятое приходится день рождения Небесного государя...» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 29-30).

«*Яшмовый кубок*» - название книги, написанной во II веке до н.э. ханьским ученым Дун Чжун-шу, а «*Книга Нефритового ларца*» – старинное астрологическое сочинение, приписываемое даосскому наставнику – проповеднику Сюю» (Там же, 405).

Нефрит применялся в религиозных обрядах. Он считался наиболее ценным из всех жертвоприношений. Желтый *нефрит* входил в состав жертвоприношений во время важной государственной церемонии жертвоприношения в честь земли – супруги неба (по китайской дуалистической концепции). Голубой нефрит использовался во время обряда жертвоприношения в храме неба (см.: Сидихменов 2000, 64; 273; 2004, 79).

Яшма (нефрит) играла ведущую роль в ритуальных целях и обрядах погребения. В *яшмовые одежды* наряжали знатных покойников. Кусочки *яшмы (нефрита)* в виде цикады клали в рот и нос умершего – это придавало силу и жизнестойкость духу покойного, а также, по народным поверьям, приостанавливало процесс гниения трупа, способствовало мумификации (см.: Малявин 2000, 329; 486; Сидихменов 2000, 64; 91). Также в

гробы усопших высокопоставленных особ клали *нефриты* разной расцветки: красный *нефрит* клали в голову как дань Югу, белый – с правой стороны как дань Западу, черный – в ногах усопшего как дань Северу, зеленый нефрит – под спину как дань Небу и желтый – на живот как дань Земле (Jobes. Part 2. 1962, 860; Chevalier 1994, 548-550).

Некоторые ритуалы нашли отражение в художественной литературе:

«Выходит и на роскошном халате вельможи отыщутся грязные пятна, ибо если богатство нажито не собственным трудом, оно – грязное. Не потому ли, когда толстосум расстается с жизнью и переселяется в мир иной, ему в рот кладут *нефритовую бусинку* как символ очищения» («История цветов» 1991, 585); «Они были прекрасны, как юные феи, и казались спящими *на яшмовом ложе*» («Чанхва и ее сестра Хоннён» 1990, 320); «После смерти завернут тебя в шелка, *из белой яшмы* и янтаря сделают гроб и саркофаг, похоронят в красивейшем месте» («Повесть о зайце» 1960, 316).

Образ *яшмы (нефрита)* буквально насквозь пронизывает китайскую и корейскую мифологию, легенды, поверья, а также поэтическую традицию. Ср. *Яшмовый (Нефритовый)* император – верховное божество в даосской мифологии; *Яшмовый (нефритовый)* заяц, который, по преданию, живет на Луне и без усталости толчет в ступе снадобье бессмертия, известное и под другими названиями: пилюли бессмертия или *яшмовый (нефритовый) эликсир*; столицу небесного царства называли *Яшмовой (Нефритовой)*; около *Яшмового (Нефритового) пруда* (кит. Яочи), который находится в горах Куньлунь, *в Яшмовом дворце* живет сама повелительница Запада, богиня Сиванму. *Яшмовый (Нефритовый) пруд* в корейской литературе символизирует красивую природу (см. Троцевич 1971,123;1975,190); *Яшмовые беседки* – места обитания бессмертных красавиц (см.: «Сон...» 1985, 746). В дальневосточной литературе часто упоминаются эти мифические персонажи, а также места их обитания:

«На ложе из девяти драконов восседает золотой немеркнущий Учитель десяти тысяч небес, *Нефритовый владыка, Великий государь*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 31); «В награду жалует меня *Яшмовый император* званием «Отошедшего на покой в леса и горы...»; «Все кругом, как *в Яшмовой столице!* А если это *Яшмовая столица*, то нет ли здесь Хэн-э из Лунного дворца?» («Верная Чхун Хян» 1960, 133; 40); «Словно Ванмо устроила персиковый пир у *Нефритового пруда*» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 96); «О, *заяц яшмовый*, куда бежишь ты?» («Бамбук в снегу» 1978, 201); «... Хуан... совсем как бодисатва, стряхнувшая с себя мирской прах, или Фея *Яшмовой беседки!*» («Сон...» 1985, 518).

Существовало поверье, что небесный трон Будды сделан *из яшмы (нефрита)*:

«... благовещий красный туман *перед яшмовым тронном* владыки» («Классическая поэзия...» 1977).

Во дворце мифического Царя-Дракона прислуживают небожительницы, *нефритовые девы*:

«Он подошел к центральным воротам и увидел четырех *нефритовых дев*, которые ткали в павильоне из белого серебра» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 25); «*Нефритовая дева*, прислужница *Нефритового государя!* - возгласил он» («Сон...» 1982, 25).

Во дворце мифического Царя-Дракона обитают мифические животные и растут *цветы и травы из драгоценных камней*:

«На высоких-высоких вершинах парами гуляли изумрудные птицы луань и пурпурные фениксы, повсюду пышно цвели *цветы из драгоценных камней и нефритовые травы*» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 25).

Дворец мифического Царя-Дракона выстроен *из нефрита* и золота: «*Нефритовые башни*, [изукрашенные] золотом залы выглядят грациозно»; «У меня *в нефритовых покоях* и золотых залах полно всяких развлечений, но сердце грустит» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 26; 93).

В этом дворце подают фантастический, божественный напиток – *нектар из белой яшмы*. Считалось, что *яшма* в виде порошка, смешанная с росой, продлевает жизнь. Этот напиток следовало пить *из нефритового кубка* (см. Chevalier 1994, 550).

«Может ли житель этого брэнного мира оценить по достоинству нектар *из белой яшмы*, мясо красного дракона!» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 280).

По преданию, ханьский император У-ди (правил в 140-86 гг. до н.э.) построил террасу с перилами из кипариса, на которой была построена чаша. В эту чашу собиралась влага от ночных испарений, посылаемых на землю Северным Ковшом (Большой Медведицей). У-ди подмешивал в эту росу лучшую *яшму*, истолченную в порошок, и пил. От этого он, будучи старцем, казался отроком (см. «Верная Чхунхян» 1960, 665).

Много разных легенд, преданий и поверий связано с *яшмой (нефритом)*:

«А *про яшму* люди вот что рассказывают. Однажды в горах Куньлуня случился пожар, и вся *яшма* и прочие камни сгорели. А из этой *яшмы*, что кое-где уцелела, Чжан Цзыфан смастерил себе флейту и печальной игрой на ней в лунную ночь на горе Цзиминшань привел в смятение восемь тысяч цзяндунских воинов» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 138).

По другому преданию, в эпоху Борющихся царств (403-221 гг. до н.э.) в княжестве Чу на горе Цзиньшань был найдена драгоценная белая *яшма (нефрит)*. Эта *яшма* была подарена чуйскому князю. Впоследст-

вии этот *камень* попал в сокровищницу князей Чжао. Циньский Чжао-ся предложил за этот камень чжаоскому князю пятнадцать своих городов, чжаоский князь нашел это выгодным и отправил *яшму* к Чжао-ся, но чжаоский посланник Линь Сян-жу, прибыв в циньскую столицу, заподозрил обман и, скрыв *яшму*, вернулся на родину. Циньский Чжао-ся, считая себя оскорбленным, вторгся в удел Чжао и покорил его (см.: «Верная Чхун Хян» 1990, 364; 1960, 682).

В корейской литературе белая *яшма* (*нефрит*) - символ ценной вещи (Троцевич 1975, 189).

С *нефритом* так или иначе некоторые историки связывают обычай бинтования ног в Китае. По одной из версий, у императора династии Тай Ли Хоучжу была наложница по имени Яо Нян. Император повелел ювелирам сделать золотой лотос высотой в шесть футов. Внутри цветок был выложен *нефритом* и другими *драгоценными камнями*. Яо Нян приказано было туго забинтовать свои ноги, придав им форму молодого месяца, и в таком виде танцевать внутри цветка. Говорили, что танцующая Яо Нян была столь необыкновенно легка и грациозна, что, казалось, скользила по верхушкам золотых лилий. По преданию, с того дня и началось бинтование ног (см. об этом: Сидихменов 2000, 354).

В старой Корее был распространен обычай при расставании брать по одному перстню, браслету и т. д., которые изготавливались парами, совершенно одинаковыми. Узнавание после долгой разлуки близких людей посредством сличения перстней – очень распространенный мотив в корейской средневековой литературе (см.: «Черепеховый суп» 1970, 238).

«Он незаметно бросил в окно *один из яшмовых перстней*, всегда хранившихся у него в кармане» (Там же, 84).

В Китае с *яшмой* связывают и традицию отставки или восстановления чиновника в должности - *яшмовое цзюэ*. Цзюэ, как иероглиф, пишущийся с левым определителем «*яшмы*», значит полукольцо; но с левым определителем «слова» означает расставание. Таким образом, подарок этот символически говорит: «Прощай!». В древности император таким путем вежливо сообщал чиновнику о его отставке и, наоборот, посылая полное кольцо (*хуань*), велел ему вернуться к должности (см.: Пу Сун-лин 1999, 356). Эта традиция нашла отражение в художественной литературе:

«Ван развернул платок. Там оказалось ввязанным в узел *яшмовое цзюэ*» (Там же, 356).

Китайцы и корейцы верили в необыкновенные свойства *яшмы* с горы Куньшань:

«Да ведь это же белая *яшма* с горы Куньшань, а жемчужина добыта очень глубоко в море. Наденешь этот перстень зимой – станет тепло. А ночью темной от него исходит яркое сиянье» («Записки...» 1985, 139).

С *яшмой* и *нефритом* образовано большое количество метафорических выражений:

Так, ночное небо с сияющими в нем луной и звездами называли *яшмовыми* (*нефритовыми*) *чертогами* («Верная Чхун Хян» 1960, 50), *яшмовым сводом*, а также *яшмовыми ширмами* («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 284). *Яшмовая нить* – метафора человеческой жизни, быть уподобленным *яшме* – высшая похвала для китайского ученого мужа (см. об этом: Сукаленко 1992, 83-84; Малявин 2000, 487).

Яшма (*нефрит*) символизировала богатство. Наличие в китайском или корейском доме посуды из *яшмы* или *нефрита* свидетельствовало о достатке хозяина:

«Прежде халлим Лю жил припеваючи. Ходил в парчовом платье, ел с *яшмовых* блюд...» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 384).

Золотой жир и *светильники из нефрита* тоже символизируют богатство народа (см.: Троцевич 1975, 182).

Драгоценная яшма (*нефрит*) *в руке* – предмет, которым особо дорожат (см. об этом: Троцевич 1975, 187):

«Он дорожил обоими сыновьями, как *драгоценной яшмой в руке*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 352).

Нефритовые (*яшмовые*) *листья на золотой ветке* – китайское выражение, обозначающее сына или дочь государя, а также наследника в знатном доме, любимого ребенка. *На нефритовом дереве драгоценные ветви* – хорошие потомки (Троцевич 1975, 183; 190; «Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 149).

«Я – жена последнего чиновника двора, а вы, принцесса, [как говорится], *нефритовый листок на золотой ветке*» (см. «Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 105); «Холили ее, как *яшмовый листочек на золотой ветке*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 494); «О моя доченька, моя Чхун Хян! *Золотая веточка, яшмовый листик!*» («Корейские повести» 1954, 160).

Яшмовый зал – образное выражение, обозначающее центральное строение в буддийском храме, где помещается изображение Будды и совершаются богослужения (см.: «История цветов 1991, 634).

«Только она опять меня спросила: «А белые жертвенные хлебцы, что приносят в *Яшмовый зал* храма, твой учитель сам, что ли съедает?» (Там же, 127).

Расплавленная яшма – метафорическое название изысканных сортов вина:

«В зеленых кубках из *нефрита* вино играет – *расплавленная яшма*» («Цветы сливы...» Т. 1.1998, 123).

Яшма, белая, нежная, с неизъяснимой прелестью колорита часто служит поэтическим сравнением с внешностью и душой прекрасного

человека. Национально-культурная специфика мышления корейского и китайского этносов проявляется в традиционных эталонных сравнениях, связанных с портретом человека. Сразу следует отметить, что многие образные сравнения являются нетипичными для носителя русского языка и подчас могут вызывать удивление.

В корейской литературе *жемчуг* и *нефрит* – символ красоты (см.: Троцевич 1975, 187), а *яшмовый (нефритовый)* облик – образ красивой женщины («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 140). Образ *девы-яшмы* – популярнейший образ в дальневосточной литературе, восходящий еще к «Книге песен» (см.: «Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.» 1984, 303). Китайский литератор XVII века Вэй Юн писал, что «красавица рождается из тончайших испарений Неба и Земли, из *яшмовой росы*, скапливающейся на бронзовом диске» (Малявин 1997, 314-315).

Весь облик красавицы соотнесен с *яшмой (нефритом)*:

«Она была прелестна, как *яшма!*» («Черпаховый суп» 1970, 17); «Сейчас моя дочь Чхун Хян прекрасна, как белый *нефрит* и цветок» («Верная Чхун Хян» 1990, 59); «Они походили... на россыпь драгоценных крупных *яшм*» (Би Сяошэн 1992, 152).

Яшме (нефриту) уподобляются отдельные части тела красавицы, например, лицо, нос, зубы, плечи, грудь, руки, пальцы, ноги, кожа и т. д.

Лицо: «... лицо ее было прекрасно, как белая *яшма*...» («Записки...» 1985, 56); «Сама – словно белый *нефрит*, а лицо – словно красная *яшма!*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 516).

Читая о девушке «с лицом - словно красная *яшма*», русскоязычный читатель вряд ли сможет принять это за эталон красоты. Для русского человека будет ближе сравнение лица красавицы с *маковым цветом*.

Нос: «Нос будто из *нефрита* выточен» («Цветы сливы...» Т. I. 1998, 44).

Зубы: «Среди них оказалась какая-то красавица, румяная лицом, с *нефритовыми зубами*, искусно подкрашенная и в нарядном платье» («Корейские предания и легенды...» 1980, 123).

Для русских зубы обязательно будут *жемчужными* (ср. *жемчуг зубов*).

Красота голоса девушки отождествляется с *яшмой (нефритом)*. Это является излюбленным сравнением на Дальнем Востоке:

«Она... сказала нежным, словно звон *нефрита* голоском...» («Верная Чхун Хян» 1960, 46); «Тогда Хун поднялась, склонила голову и начала голосом прекрасным, как *яшма*, читать стихи один за другим» («Сон...» 1982, 47).

Однако некоторые образные сравнения настолько оригинальны, что могут вызвать у русскоязычного читателя удивление:

«Шпилька! Шпилька! – крикнула Чхун Хян, и голос ее зазвенел, словно раскололи *яшмовое блюдо, нарезая овощи*» («Верная Чхун Хян»

1960, 42); «... зазвенел голос Чхунхян, будто коралловая шпилька раскололась о яшмовое блюдо» («Верная Чхунхян» 1990, 27); «Хун... запела – словно драгоценная яшма Наньтяня рассыпалась на столах пирующих...» («Сон...» 1982, 43).

На Дальнем Востоке даже слюна красавицы была предметом обожествления, ее называли «нефритовым настоем» (Малявин 1997, 330).

Плечи: «И, словно изваянные из нефрита, // прекрасные, белые плечи...» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 265).

Для русских же плечи будут мраморными или алебастровыми.

Грудь: «матово-белая и нежная, словно нефрит, грудь» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 150).

Руки: «... зачерпнула своей яшмовой ручкой прозрачную воду» («Повести страны зеленых гор» 1966, 218); «Нежной нефритовой ручкой она подобрала подол синей шелковой юбки» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 335); «Она протянула ручку, которую можно было сравнить с куском нефрита...» (Би Сяошэн 1992, 106).

Пясти рук: «И выточенные как будто из яшмы // тончайшие пясти красавиц...» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 265-266).

Пальцы: «Та почтительно взяла его своими тонкими, словно выточенными из белой яшмы, пальцами, ногти которых были покрыты красным соком бальзамина, как вдруг император схватил ее за руку» (Семанов 2000, 49); «Там она заключила Цзин-цзи в объятия и тонкими и нежными, как нефрит, пальчиками стала отстегивать ему пояс» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 383).

Ноги: «Палач ударил два раза, выждал немного, ударил еще раз – на ногах Чхунхян, белых как нефрит, выступила кровь» («Роза и Альпий Лотос» 1974, 336).

Яшма-росточек – в Китае так называли маленькие женские ножки, которые были искалечены вечным компрессом и действительно были похожи на белый росток бамбука, оканчивающий острием (Там же, 378).

«... бросила башмаки в огонь, приговаривая...: “Когда-то они вмещали яшму-росточек; // Надеть, показать, от тысяч людей хвала!”» (Пу Сун Лин 1999, 301).

Кожа: «На щеках румянец горит, // Кожа белая, словно яшма...»; «У каждой, нефриту подобная, нежная кожа» (Би Сяошэн 1992, 54).

Нефрит также ассоциировался с мягкой красотой женского тела.

«Чхунхян, раздетая, была белее и прекраснее нефрита с горы Цзиньшань...» («Верная Чхунхян» 1990, 46); «Пин-эр стояла на солнце, и сквозь тонкую юбку просвечивало ее нежное, как белый нефрит, тело» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 291).

В художественной литературе Дальнего Востока *яшма (нефрит)* –

эротический образ. Сексуальные отношения называли «нефритовой игрой» (см.: Тресиддер 2000, 236). Отсюда, наверное, появились метафорические названия женского «тайного» места: «яшмовый цветок», «нефритовые врата», «нефриту подобное лоно», «нефритовые чертоги», «яшмовый цветок» (Би Сяошэн 1992, 27; 29-30; 109) и «яшмовая ваза» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 111).

В дальневосточной литературе *яшма* (*нефрит*) символизирует и красоту мужчины (Троцевич 1975, 182).

Весь облик мужчины, а также различные части тела уподобляются *яшме* (*нефриту*): «И собой хорош, как *яшма*» («Черепеховый суп» 1970, 15); «Этот братец красотой подобен ценному *нефриту*» (Би Сяошэн 1992, 64).

Лицо: «лицо было как *яшма*, он не имел себе равных среди людей» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 62); «Красивый... с лицом прекрасным, словно чистый *нефрит*» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 311).

У средневекового красавца «нефритовые черты» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 146), хотя русскоязычному читателю трудно понять, что здесь имеется в виду: красивые черты лица или что-либо другое.

Зубы: «как белая *яшма*» («Корейская классическая поэзия» 1956, 91).

У мужчины «нефритовая осанка»; «[У Сёных] сложение [будто] из *нефрита*, облик выдающийся...» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 80; 89).

Голос его звенел «словно белую *яшму* положили в пустынных горах» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 28).

На Дальнем Востоке *нефрит* считался символом Солнца и «ян». (Тресиддер 2000, 236). В эротической литературе Дальнего Востока использовался специальный так называемый «сексуальный код». *Яшму* (*нефрит*) связывали с образом фаллоса. Метафорические названия фаллоса в художественной литературе: «яшмовый стебель» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 21); «нефритовый посох»; «нефритовый перст»; «нефритовый жезл» (Би Сяошэн 1992, 33; 150) и мн. др.

Наряду с золотом, серебром, жемчугом, агатом, кораллом и хрусталем *яшма* (*нефрит*) входила в число *семи сокровищ*, которые считались символом богатства в Корее и Китае, а также эталоном совершенства («Записки...» 1985, 451). *Семь сокровищ* часто встречаются в образных сравнениях при описании неземной красоты:

«Лицо прекрасное, как *семь сокровищ!*» («Верная Чхун Хян» 1990, 80).

Яшма и *нефрит* всегда холодны, даже в самые жаркие дни; на Дальнем Востоке они символизировали целомудрие и нравственную чистоту (Сидихменов 2000, 64). В Китае даже есть поговорка: «*Нравственность благородного человека подобна нефриту*». Сравнение девушки с *яшмой* или *нефритом*, говорило о ее чистоте, «ибо, как к нефриту

не пристаёт никакая грязь, так не пристанет она к целомудренной женщине» («Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.» 1984, 303).

«Она, добродетельная и (чистая), как *яшма* и лед...» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 56); «... душа его чиста, как белый *нефрит* с Куньлуня» («Верная Чхунхян» 1990, 118).

Не только нравственная, но и телесная чистота уподобляется *нефриту*:
«Душой и телом чисты, словно *нефрит*» (Би Сяошэн 1992, 52).

Яшме приписывается и такое качество как твердость духа:

«*Яшма* неизменно тверда и чиста... Оставайся же чист и тверд душой, как эта *яшма*...» («Корейские повести» 1954, 108).

Яшма наделяется и такими качествами, как верность, преданность и неизменность:

«Цветок непостоянен. Непрочно // Его любви блистающая нить. // Но *яшмовое сердце* никогда // Не сможет разлюбить иль изменить» (Ли Бо 2000, 170).

Опозоренная, брошенная девушка соотносится с *расколотой яшмой*:

«Судьба моей дочери, чистой как *яшма*, будет тогда, словно *расколотая яшма*...» («Верная Чхун Хян» 1960, 58).

Радостное состояние девушки соотнесено с *лучистыми звездой и нефритом*:

«Алые глубки чуть приоткрыты, зубки – белые, она лучится, как *звезда* и *нефрит*, кажется даже, будто напудрена и нарумянина» («Верная Чхунхян» 1990, 30).

Сравнение иероглифов с *нефритом* и *жемчугом* обозначало высокое каллиграфическое искусство («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 144).

«Каждый иероглиф был что *жемчуг* и *нефрит*, а каждая строка – целое литературное сочинение» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 100).

Для русских отождествление подстилки с *нефритом* может показаться странным: как *нефрит* может быть нежным и мягким, когда всем известно о его необыкновенной твердости?!

«... под ней подстилка мягкая и нежная, словно *нефрит*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 258).

Вопреки распространенному у русских мнению, что глубокий сон могут обеспечить лишь хорошо взбитые перина и пуховая подушка, китайцы и корейцы считали, что хорошо отдохнуть можно лишь на жесткой подстилке и подушке, сделанной зачастую из *камня*, иногда из *нефрита*. Недаром в настоящее время в Корее приобрели большую популярность матрасы и кровати, покрытые тонкими *нефритовыми пластинками*, с подогревом.

Яшма и *нефрит* встречаются и в других сравнительных конструкциях:

«Каждое слово – жемчуг и *яшма*» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 54);
«... на столе рис белее белого *нефрита*» («Верная Чхунхян» 1990, 116);

«Каждое зернышко благоухало и напоминало крупинку *яшмы*» («Сон...» 1982, 608) и мн. др.

Яшма и *нефрит* отмечены в речениях фразеологического характера (далее РФХ).

РФХ *золото, жемчуг и яшма во сне* – символ мимолетного сна:

«Но радость любви также быстро исчезла, // Как *золото, жемчуг и яшма во сне*» («Верная Чхун Хян» 1960, 82).

В корейском языке существует РФХ *женщина (как нефрит) в тысячу золотых*, символизирующее необыкновенную красоту. (Троцевич 1975, 188).

РФХ *узнать радость игры с яшмой* означает ‘познать радости супружеской жизни’:

«Выберете себе добрую женщину и познаете, как говорится, “*радость игры с яшмой*”» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 333).

РФХ *к блеску золота прибавить сияние яшмы* имеет значение ‘выбрать подходящую супругу (или супруга)’; в корейской литературе *золото и яшма* – символ достойной супружеской четы («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 78).

«Если взять эту девицу в жены супругу Ли – все равно, что *к блеску золота добавить сияние яшмы*» (Там же, 64).

РФХ *под нефритовым седлом и при золотой плетке*, а также *сбруя из нефрита, седла золотые* означают ‘быть знатным и богатым’.

«А какое убранство он на него одел! Пурпурного цвета сбруя, вся в алых кисточках, кнут с коралловой рукоятью, как говорится, *под нефритовым седлом и при золотой плетке*» («Верная Чхунхян» 1990, 22); «Скачут всадники – *сбруя из нефрита, седла золотые*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 225).

РФХ *яшмовые кости и облик небожителей* имеет значение ‘дети высокопоставленных родителей, так называемая голубая кровь’:

«Лим за десять лет жизни в доме Лю родила трех сыновей, и у всех были, как говорится, *яшмовые кости и облик небожителей*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 406).

РФХ *яшма из Цзинских гор* означает ‘непризнанную драгоценность, непонятый талант’. В основе этого РФХ лежит рассказ древнекитайского философа Хань Фэй-цзы. В эпоху Чжоу, в китайском царстве Чу жил некий Бянь Хэ. Однажды он нашел *яшму* в горах Цзиншань (на территории нынешней провинции Хубэй) и приподнес ее государю Ли-вану. Тот не распознал в необработанном камне драгоценность и велел отрубить Бянь Хэ за обман левую ногу. Когда к власти пришел У-ван, Бянь Хэ вновь приподнес ему *яшму*, но ему опять не поверили и отрубили вторую ногу. В царствование Вэнь-вана однажды, в присутствии государя, Бянь Хэ заплакал, обняв камень. Вэнь-ван велел огранить его.

Оказалось, что это и в самом деле драгоценная *яшма* (см.: Ким Си Сьп 1972, 169-170).

«Вы как *неотшлифованная яшма из Цзинских гор*, брошенная в пыль; как ясная луна, потонувшая в омуте» (Там же, 92).

Яшма отмечена во многих иносказательных выражениях. Приведем примеры лишь некоторых из них:

«Женщины в наше время обречены на затворничество в родительском доме, глаза и уши у них закрыты для всего мирского. Не могут созерцать они ни вод лазурного моря, ни облаков над горой Ушань, и поэтому познания их ничтожны. Разве это хорошо? *Но пусть яшма с гор Хэньшань прячет блеск и не выставляет напоказ свою красоту, пусть жемчужина не выглядывает из раковины – все равно это сокровища!*» (Ким Ман Чжун 1961, 234); «Но вот уже несколько лет, как я знаю Хун, и не могу упрекнуть ее ни в каком недостатке. Если бы я был разумнее, то больше заботился бы о ней. *Яшма разбивается от легкого удара, самые красивые цветы увядают быстрее других*»; «Ты долго пробыл в изгнании, достаточно пережил. Но ведь известно: *яшма от времени не тускнеет, а меч становится от огня крепче*. Забудь обиды, думай о будущем» («Сон...» 1982, 281;126); «... [она принялась] расхваливать строку за строкой... – *Белый нефрит скрыт в горах Консан, но стоит [его] достать, сияние уж не спрячешь*. Вы говорите, что рано расстались с родителями, а кто же научил [вас] такому искусству?» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 89).

Яшма отмечена в пословицах:

«*И белая яшма может оказаться в пыли*» (Лим Су 1982, 112); «*И у нефрита бывают изъяны*» (Лим Су 2003, 288); «*Не обработав яшмы, не сделаешь чашу*. Разве ваше сегодняшнее счастье не есть награда за прошлые бедствия!» («Записки...» 1985, 241).

Яшма зарегистрирована и в крылатых выражениях. Общественные нравы того времени нашли отражение в речении, которое было популярно в древнем Китае, взятом из «Книги песен»: «Когда рождается мальчик, его кладут на постель и дают ему играть *с яшмой*; когда рождается девочка, ее кладут на пол и дают ей играть с черепком» (Малявин 2000, 543).

«Стихотворец Оу Ян писал: “*Яшмовый лик издревле причинял в жизни много бед телу*”» («Корейские повести» 1954, 126).

С яшмой (нефритом) связывались и разного рода приметы:

Увидеть во сне гору из камней *нефрита* – к большой удаче, в каком-нибудь виде золото, серебро, жемчуг и *нефрит* – к удачному делу (см. об этом Баранов 1999, 288).

В художественной литературе Дальнего Востока *яшма* и *нефрит* иногда встречаются в одном предложении и рассматриваются как два различных камня.

«Что же это пилюли... Формой они напоминают куриное яйцо, желты, словно цыпленок. Сам Лао-цзы трижды их выпарил, как сказано в рецепте Сиванму. Посмотришь – с виду прах или помет, на деле же ценней *нефрита*, хоть золото отдай – нигде их не добудешь, а *яшма* в сравнении с ними – обыкновенный камень» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 98).

Нами зарегистрирован случай, когда в одном предложении *нефрит* употреблен в прямом значении, а *яшма* – в переносном:

«Сидя на *нефритовых перилах* и прислонившись *яшмовым личиком* к коралловым занавескам, она грустила...» («Подвижница Сим Чхон» 1990, 249).

Итак, отношение к *яшме* (*нефриту*) на Дальнем Востоке особое. Она является как бы образом жизни этих народов, его философией, мерилom материальной и духовной культуры, частью быта и медицины. Как показали исследования, символика *яшмы* (*нефрита*) многозначна - это и эталонная базовая драгоценность, и символ императорской власти, символ совершенной красоты, а также чистоты и добродетели. Она является символом бессмертия, твердости, эротическим символом и т. д. *Яшма* (*нефрит*) - это неотъемлемая часть свадебных, похоронных обрядов, а также ритуалов, связанных с жертвоприношением. С этим минералом связаны многочисленные легенды и поверья, образовано большое количество речений фразеологического характера, пословиц и поговорок.

В заключение хочется привести слова академика В. А. Алексеева: «В литературе – это самый классический и изысканный образ. *Яшма* чиста, струиста, тепла, влажна, одновременно легка и тверда. Она не грязнится, не зависит от окружающей ее температуры и, следовательно, есть лучший образ благородного человека, не зависящего от условий жизни. *Яшма в руке поэта* – это стихи. *Яшма в порошке* – это разбросанные на бумаге перлы каллиграфа (а каллиграфия в Китае ценится наравне с живописью). *Яшма* – это красивая девушка, это человеческая доблесть; *яшма* – это милый, прекрасный человек, ибо чистое сердце его сквозит и струится, как *яшма*. Наконец, *яшмовый сок* – это вино... Решительно все лучшее – это *яшма*» (цит. по: Сидихменов 2000, 64).

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
Баранов И. Г. Вера и обычаи китайцев. М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999.
Би Сюшен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.

- Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.113-190.
- Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Ду Фу. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Завадская Е. В. Эстетика камня в китайской живописи // Искусство Востока и Античности. М. 1977.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1999.
- Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
- Ким Си Сын. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Китайская пейзажная лирика III-XIV вв: стихи, поэмы, романсы, арии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худож. литер., 1975.
- Книга прозрений. / Сост. В. В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
- Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худож. литер., 1980.
- Корея. Карманная энциклопедия. М.: ИД «Муравей-гайд», 2000.
- Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2003.
- Лим Су. Корейские народные изречения на корейском и русском языках. М.: Гл. ред. восточ. литер., 1982.
- Малявин В. В. Китай в XVI-XVII веках. Традиция и культура. М.: «Искусство», 1995.
- Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
- Малявин В. В. Молния в сердце. М.: Изд-во «Наталис», 1997.
- Малявин В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: Изд-во «АСТ», 2003.
- Новикова Е. В. Китайский сад – модель взаимоотношений Человека и Природы // Человек и Природа в духовной культуре Востока. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. С.396-417.
- Повести страны зеленых гор. М.: Гос. Изд-во худож.литер., 1966.
- Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
- Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
- Повесть о Чан Хва и Хон Нён // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.605-629.
- Повесть о Чёк Сёные Чён (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
- Подвижница Сим Чхон // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.193-252.
- Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжяя о чудесах. СПб.: Изд-во Азбука», 1999.
- Роза и Альий Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Семанов В. И. Из наложниц в императрицы. М.: ИД «Муравей», 2000.
- Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
- Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. Минск: «Миринда», 2004.
- Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
- Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.

- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
- Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ.литер., 1962.
- Сукаленко Н. И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев: Наукова думка, 1992.
- Тресиддер Джек.* Словарь символов. М.: Изд-во торг. дома «Гранд» и др., 2001.
- Троцевич А. Ф.* Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
- Троцевич А. Ф.* Символы в языке корейской средневековой повести // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. № 6. М.: Изд-во «Наука», 1971.
- Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.: Худож. литер., 1991.
- Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х тт. 1998.
- Чанхва и ее сестра Хоннён // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.303-324.
- Черепашьей суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Энциклопедия для детей. Геология. Т. 4. М.: «Аванта+», 1995.
- Chevalier Jean, Gheerbrant Alain.* A Dictionary of Symbols. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.
- Jobber Gertrude.* Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. New York: The Scarecrow Press. 1962.

Дихотомия смысла и значения имени собственного в теософии

© А. В. Лахно, 2004

Главный вопрос в теории категоризации имени собственного (ИС) касается наличия или отсутствия у них лексического значения. Значение – это взаимоотношение имени и смысла, которые способны вызывать друг друга в сознании человека¹. В лингвистике сосуществуют две основные теории собственного имени: это теория индивидуализации (Е. Курилович, Б. Рассел, Х. Серенсен), согласно которой собственные имена суть имена индивидуальных объектов, и теория номинации, или отсутствия значения (Ж. Вандриес, А. Гардинер, Дж. Милл, Э. Пулграм, Д. К. Реформатский, Ф. Ф. Фортунатов и др.). Последователи первого направления считают, что наличие одинаковых имен свидетельствует об омонимии имен собственных, которые являются «скрытыми, или сокращенными дескрипциями»², а сторонники второй теории утверждают, что имя собственное лишено лексического значения, его главная функция – номинация³. Ведущий отечественный ономастолог А. В. Суперанская поддерживает теорию отсутствия значения, однако пишет об ослабленной связи ИС с понятиями: «Ввиду особо тесной связи со своими обозначаемыми, вне которой они не мыслятся, имена собственные имеют ослабленную связь с понятиями, с которыми они непосредственно не связаны» [6, 124].

Если схематично отобразить для ИС, к примеру, Вера, связь слова с понятием и предметом в виде треугольника Фреге, то для теории индивидуализации он будет выглядеть следующим образом:

¹ См. также идеи Л. С. Выготского, для которого «значение... есть единство обобщения и общения, коммуникации и мышления». Цит. по: *Леонтьев А. А.* Психоллингвистика. Ленинград: Наука, 1967. С.81.

² По мнению Рассела и Серенсена, референт ИС может быть описан либо остенсивным (наглядным) определением, либо посредством «описания, которое уникально удовлетворяется объектом», то есть все то множество различных дескрипций, которые различные говорящие могли бы дать по отношению к данному имени, входит в эту скрытую дескрипцию ИС [4, 136].

³ Ср., напр.: «Имя собственное Иван не может обозначать класс людей, объединенных свойством быть Иванами. потому что такого свойства нет» [5].

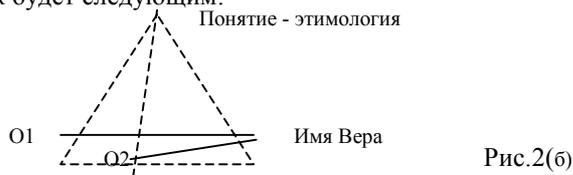

В данном случае для каждой новой девушки с именем Вера потребуется создание новой схемы, уникальной для нее одной.

Для теории отсутствия значения, которая, однако, признает, что имя обладает «смыслом» – внутренней формой, этимологией⁴, эта схема будет выглядеть так:

В данной схеме семантическая редукция обозначена пунктирными линиями. Для многочисленных конкретных объектов, людей с одним именем рисунок будет следующим:

Однако проблема смысла и значения имени собственного не ограничивается исследованиями лингвистов и философов. Имена собственные

⁴ Ср., напр.: «Вообще все имена мотивированы: вопрос только в том, воспринимаем мы их мотивированными или нет...» [3, 136]; те же идеи прослеживаются в работе «Словарь культуры XX в.: Имя собственное» [5].

привлекали пристальное внимание богословов, которые имели свою точку зрения на то, чем являются ИС и какое значение они имеют. Цель данной статьи - попытка осветить размышления ведущих исследователей-теософов о природе и смысле имени. Для этого проанализируем тексты Ветхого Завета на предмет имени собственного.

Имя собственное в Библии

О том, что имени собственному в Ветхом Завете придаётся огромное значение, очевидно каждому, кто знаком с Библией. Достаточно прочитать всего несколько псалмов, чтобы это почувствовать: например, Пс.8.2 – «как величественно имя Твоё по всей земле»; Пс.75.2 – «Ведом в Иудее Бог; у Израиля велико имя Его»; Пс.123.8 – «Помощь наша – в имени Господа, сотворившего небо и землю».

Иногда в Ветхом Завете «имя» настолько тесно соотносится с Богом, что в некоторых текстах оно начинает олицетворять собой само Божество, являющее себя творению или присутствующее среди своего народа. В этом отношении примечательным является Божье обещание Соломону, данное после окончания строения храма: «Я освятит сей храм... чтобы пребывать имени Моему там вовек; и будут очи Мои и сердце Моё там во все дни» (3Цар.9.3).

Существительное «имя» (*shem*) встречается в Ветхом Завете приблизительно 770 раз в единственном и 84 раза во множественном числе. Этимологически это слово связывают с корнем «*waw*» (от араб. «*wasama*») – ‘знак’, ‘печать’, ‘клеймо’ или глаголом «*shamah*» – ‘служить знаменем, знаком’ [5]. В Ветхом Завете слово «*shem*» употребляется в нескольких значениях:

а) в большинстве случаев это слово означает «имя»;

б) «*shem*» часто имеет значение репутации, славы и известности;

в) слово «*shem*» в значении славы, репутации тесным образом связано с другим ветхозаветным словом «*zeker*», которое означает ‘память’, ‘поминание’, ‘памятник’, что в отдельных случаях также имеет значение имени и славы. Употребление «*shem*» в союзе с «*zeker*» служит признаком «увекочивания памяти», как в Исх.3.15: «Вот имя Моё на веки, и памятование обо Мне из рода в род»;

г) несколько раз слово «*shem*» употребляется в абсолютном смысле и является эквивалентом имени *YHWH*, а также Самого Бога в Его проявлении человеку.

Очевидно, что имя играет в Ветхом Завете особую роль. Это всегда нечто большее, чем просто личное название человека, даваемое при рождении, отличительный признак или титул. Имя для библейского

народа есть фактор самой действительности, отражение личности его носителя. В концептуальном мире древней семитской культуры имя и реальность были тесно взаимосвязаны. Эта связь берет свое начало от самого творения. В книге Бытие содержится рассказ о том, как Бог приводит к человеку животных, чтобы «видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена...» (Быт.2.19-20).

Вообще при наречении имени в Библии было важно, чтобы человек соответствовал имени, и, наоборот, чтобы имя точно отражало характер личности. Поэтому учитывалось все, что говорилось и происходило во время рождения ребенка. История Иакова – яркий пример библейской ономастологии: «И сказал Исав: не потому ли дано ему имя: Иаков, – что он запнул меня уже два раза? Он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение мое» (Быт.27.36). Во время родов он выходил из чрева матери, «держась рукою своею за пята Исав; и наречено ему имя Иаков» (Быт.27.26) – «он держится за пята». Исав, однако, связал это имя с другим семитским глагольным корнем «aqab», означающим ‘обманывать’, ‘вытеснять (хитростью)’, с тем чтобы оно послужило колким выражением самой важной отличительной черты брата – его хитрости. Такое объяснение помогает понять, почему Иакову было дано новое имя – «Израиль», которое усиливает присущую ему отличительную черту.

Библия дает много случаев, когда особенно отмечается наречение имен, причем с самим именем соединяется определенное значение, четко прослеживается внутренняя форма имени собственного – то есть часты случаи мотивированных имен собственных. Например: «И нарек Адам имя жене своей: Ева⁵, ибо она стала матерью всех живущих» (Быт.3.20). Или, например, Быт.30 – вся глава посвящена наречению детей Иакова: «И сказала Рахиль: судил мне Бог, и услышал голос мой, и дал мне сына. Посему нарекла ему имя: Дан» (Быт.30.6); «И сказала Лия: к благу моему, ибо блаженною будут называть меня женщины. И нарекла ему имя: Асир» (Быт.30.13) и т. д.

Перемена в характере, образе действий, социальном положении человека часто фиксировалась изменением его имени. Новое имя говорит о новых возможностях, новом начинании, статусе и новом человеке. Иаков, «обманывающий» брата, становится Израилем – тем, кто борется с Богом: «И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Быт.32.28); Аврам,

⁵ Ева – ‘жизнь’.

‘великий (высокий) отец’, переименовывается в Авраама, ‘отца многих’, а имя его жены «Сара», по мнению Элсона Смита⁶, означающее ‘придирчивая’, ‘сварливая’, меняется на «Сарра» – ‘княгиня’: «И не будешь ты больше называться Авраомом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов» (Быт.17.5).

В Ветхом Завете очень важным является вопрос наречения имени. Существует мнение, что наречение использовалось для того, чтобы провозгласить власть над именуемым человеком или предметом. В пример приводится Адам, который получил право господствовать над животными, назвав их. Также некоторые считают, что Адам, дав своей жене имя, таким образом завладел ею, стал для нее «господином». Выражение «нарекать что-л., кого-л. своим именем» в ветхозаветном Израиле стало своего рода юридическим термином, который означал ‘взять что-л. во владение’, ‘сделать что-л., кого-л. своим’.

Учитывая столь явную значимость имени собственного в Библии, так заметно отличающуюся от того, что мы видим в обычной жизни, от того, что является предметом исследования лингвистов, становится очевидно, что для теософии имя – совершенно другой концепт, и стоит обратиться к исследованиям богословов, которые трактуют имя в контексте религии.

Учения об имени у религиозных мыслителей

Исследование имени богословы начинают с более общего вопроса – что такое слово? Слово – это первичный элемент, человеческое познание совершается в слове и через него, поэтому он и интересует философов прежде всего. Человек мыслит в словах и его мысль, разум неразрывно связаны со словом, логосом. Исходя из философии Платона, С. Булгаков замечает, что слово – воплощение замысла-формы [2]: «Форма, присущая известному образу, есть энергия, сила, не материальная, идеальная, неразрывная от материи, в ней только сущая... Это есть идеализированная материя...». Звуковая оболочка, однако, тоже имеет немаловажное значение – смысл вложен в звук, срощен с его формой, являя тайну слова.

По Булгакову, всякое слово является отражением идеи. Слова рождаются, а не изобретаются, они возникают ранее того или иного употребления – и это чрезвычайно важно, так как получает продолжение и в философии имени. «Слова, как первоэлемент мысли и речи, суть носители мысли, выражают идею как некоторое качество бытия, простое и

⁶ *Elsdon C. Smith* “Personal Names”. NY, 1988.

далее неразложимое»⁷. Но тут возникает другой вопрос – что значит, что слова имеют значение, каково происхождение слов-идей? Исходя из теории психофизиологии, Булгаков пишет, что «слово возникает из потребности иметь условное и сокращенное обозначение для известного психологического содержания, более или менее сложного... оно представляет собой как бы бумажные деньги в металлической валюте, есть необходимый и полезный суррогат, условная аббревиатура психологического комплекса»⁸. Это означает, что не может существовать мыслей без слов, также как и слов без смысла – эта онтологическая невозможность лежит в природе самой речи и мысли и устанавливает их неразрывность. «Логос имеет двойную природу, в нем нераздельно и неслиянно слиты слово и мысль, тело и смысл». Итак, слова не были изобретены, они существуют в своей первозданности, слово и смысл сопоставляются с идеей и ее воплощением. *Внутренним ядром слова является идея, смысл, а реализация слова в разных языках – лишь оболочка слова.* Говоря, мы возбуждаем в сознании смыслы.

С. Булгаков придерживается концепции единого языка, праязыка, который потом был «смешан», называя языки «наречиями». При доказательстве этого утверждения он приводит цитату из Библии, когда в Пятидесятницу, после сошествия Св. Духа на апостолов, они стали говорить новыми языками, как это и было им обещано Спасителем после воскресения: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками» (Мар.17.17). Дар языков неоднократно отмечался в Библии как проявление благодати Св. Духа и особенного вдохновения. Булгаков понимает это как исцеление болезни, состоящей в «затуманенности смысла», и возвращении естественной, первозданной его прозрачности и единстве, которое было свойственно ему от Адама до вавилонского смешения.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что слово в теософии является символом, воплощением идеи, а не просто набором букв или выражением мысли, и эта мысль чрезвычайно важна для исследования тайны и природы «собственного» имени.

Всякое имя имеет смысл, внутреннюю форму. Однако с ходом времени оно может побледнеть в своем значении, станет звучать как прозвище, кличка – как «собственное имя». Такова судьба многих имен и географических названий. Отличием собственного имени в данном случае является его бессмысленность, отсутствие внутренней формы. Но это же собственное имя станет «нарицательным», если его наполнить

⁷ Там же, с. 21.

⁸ Там же, с. 24.

содержанием, дать внутреннюю форму – и примеров тому множество – так появились такие названия, как бойкот, кардиган, шовинизм, сэндвич, грог, никотин, садизм... «Что может собственных платонов и быстрых разумом ньютонов российская земля рождать...» С. Булгаков дает следующую характеристику этому процессу: «сгусток слова расплавляется и переплавляется, получает новую жизнь»⁹.

Рассуждая об отличии имен собственных от имен нарицательных, теософы различают два направления:

- вопрос о природе самого имени и
- вопрос о природе его носителя.

В ходе исследования первого вопроса Булгаков опирается на свое исследование слова – «всякое имя в своем возникновении есть слово, т. е. смысл, идея, содержание; бессмысленных и бессодержательных имен в их генезисе не существует». Только в ходе времени возник класс слов, не имеющих другого значения, как быть именами определенных предметов и лиц, индивидуальными кличками. Таким образом, история имен собственных стала историей так сказать выветривания, линяния смысла, сохранения одного звука. Итак, имя – потерявшая свою внутреннюю форму кличка, «это как бы жест указательного местоимения, звуковым образом окрашенный, или счетный номер»¹⁰, или какой-либо иной значок отличия, вспомогательное средство для наших познавательных операций в экономии познавательных и словесных средств.

Собственное имя в строгом смысле с этой точки зрения даже не является словом, оно стоит на самой грани слова, являясь словом только по звуковой оболочке¹¹. Можно предположить, что имя дается произвольно, по прихоти же и меняется, хотя переименование встречается довольно редко. Однако С. Булгаков доказывает, что, давая человеку имя, мы делаем это не произвольно, имя не является кличкой до конца. Наречение – творческий акт, и в христианском календаре имена даются в честь определенных святых: «имя дается не вообще, но определенного качества, от разных посевов того же имени». Но и имя дает себя взять, говорит Булгаков, просто мы этого не осознаем. Имя, по Булгакову, есть «софийный человек, одно из выражений антропософской его сущности». Таким образом, имя выражает собой определенный духовный тип человека, и даже его общие физиологические свойства.

⁹ Там же, с. 235.

¹⁰ Это восприятие имен отражено в литературе, например, в романе Е. Замятина «Мы». Так же в Древнем Риме рабы нередко назывались номерами, не имея имен.

¹¹ Там же, с. 235.

Следуя своей теории слова как воплощения идеи, Булгаков идет далее и говорит, что имя есть идея человека в платоновском смысле. Эта идея, имя, приклеивается неотрывно к данному его обладателю, более того, он становится носителем имени. Его имя есть его *идейное ядро*. «Если его сила обладания удовлетворяется и исчерпывается этим именем, то, напротив, сила имени вовсе *не истощается на одного носителя*, но может изливаться на неопределенное число их. И тогда все они являются его носителями, но ни один не обладает им исключительно: идея и имя, содержась во многих, пребывает и в себе не изменяясь, как из одного корня могут идти многие побеги». Так воплощается платоновское учение об идеях в философии Сергея Булгакова. Имя представляется ему общим, генетическим признаком, философ сравнивает имя (силу, семя, энергию), которое формирует и определяет изнутри своего носителя, с ядром, желудем, зерном, из которого развивается дуб или колос соответственно тому, что заложено в семени. То есть идея дуба будет реализована только в дубовых деревьях, колоса – в колосьях. Так, все Сергейи причастны имени, идее «Сергей», но между ними есть разные, плохие и хорошие Сергейи, то есть лучше или хуже удавшиеся воплощения данной идеи, оттого что почва, на которую брошено то или иное семя, не одинакова.

Подобно С. Булгакову, П. Флоренский ставит вопрос, считать ли имена пустыми кличками, условно присоединенными к их носителям и поэтому ничего не дающими познанию носителя, или же можно найти «форму личности, ключ к складу и строению личного облика, некоторое *universale*, весьма конкретное, весьма близкое к *этости*, *haecceitas* человека, хотя с *этостью* и не тождественное» [7, 184].

Исследуя этот вопрос, П. Флоренский обращается к типологии личных имен. Имена отражают определенные типы личности – не только в смысле психологического склада и нравственного характера, но и в смысле жизненной судьбы и линии поведения. Имя предугадывает судьбу и биографию, считает Флоренский. Это, по его мнению, подтверждают многочисленные пословицы и поговорки об именах, дразнилки, частушки, песни... Он видит внутреннюю необходимость и естественность в фонетической природе таких сопоставлений, в рифме, которая «намекает на единство смысла». Источником исследований Флоренского служат также былины, духовные стихи и легенды и сказки, которые, по его мнению, выразительно представляют биографическое движение личности известного имени, ее путь, судьбу. «Имя – лицо, личность, а то или другое имя – личность того или другого типического склада. Не только сказочному герою, но и действительному

человеку его имя не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты в его судьбу»¹².

Предопределение судьбы начинается в момент крещения человека – «если священник даст крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика – и жизнь сойдет на одно сплошное мучение». И здесь Флоренский пытается раскрыть типическое в имени, при этом *тип* он понимает как предельное *обобщение* действительности, сгущающее восприятие и позволяющее четко узреть и выразить конкретные духовные формы. Имена в своей типической функции, обеспечивающей постижение духовного существа личности, которое «само о себе невыразимо», суть, таким образом, величайшие произведения человеческой культуры, во все времена и у всех народов неразрывно связанные с личностным бытием. «Имя оценивается Церковью, а за нею – и всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея, а святой – как наилучший ее выразитель, свое эмпирическое существование соделавший прозрачным так, что чрез него нам светит благороднейший свет данного имени»¹³.

Как и С. Булгаков, П. Флоренский заявляет, что имя – онтологически первое, а носитель его (хотя бы и святой) – второе. Именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное настроение.

Опровергая мнение о том, что имя является пустой кличкой, он говорит, что мы дарим имя детям своим и не сознаем его *ничем*. За распространенностью и популярностью имен скрывается убежденность, что имена действительно являются ценным даром. «Может быть, имена и *ничто*, но их признают народы за *нечто* и в силу этого признания имена ведут себя в жизни общества как некие фокусы *социальной энергии*»¹⁴. Сама многовековая история имен подчеркивает их значимость и необходимость. «Если бы не было имен, их нужно было бы изобрести», заявляет П. Флоренский.

Опять же в согласии с С. Булгаковым, Флоренский говорит о воплощении идеи имени в человеке, также сравнивая имя с желудем, попадающим в человека как в благодатную почву (так, например, он прослеживает историю имени Яков, говоря, что «от древности и до наших дней с ним, и в больших и в малых масштабах, связаны вихри, около

¹² Там же, с. 187.

¹³ Там же, с. 188.

¹⁴ Там же, с. 195.

имени Якова возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет» [7, 200].

Имя – ядро, формообразующее начало. На него наслаиваются социальные, личностные, общественные отношения, культура, привычки и т. д. Имя наиболее обобщенно показывает нам личность, ее индивидуальный тип, без которого она не была бы сама собою. *Имена – инварианты личности*. Они чрезвычайно далеки от прямой связи с внешне учитываемыми признаками, однако они отражают главные линии строения личности в их индивидуальной целостности. Флоренский называет имя «*архетипом духовного строения*». Они являются наиболее устойчивым фактом культуры и важнейшим из ее устоев. Как нельзя отрицать действительность культуры, связующей человеческий род, так нельзя отрицать и познавательную значимость имен как типов духовного строения.

Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы ее жизни. Но это не значит, утверждает Флоренский, что определенная именем личность не свободна в своем имени – в его пределах. Имя имеет как бы два полюса: верхний – первообраз совершенства, и нижний – полное извращение божественной истины данного имени, однако даже эти полюса остаются инвариантными для данного имени. То есть все носители одного имени, как бы они ни различались между собой, имеют один инвариант духа, один духовный тип. Сравнивая метафору желудя и дуба, можно сказать, что из одного желудя может вырасти мощный красивый дуб или хилое кривое деревце, но каким бы оно ни было, все это будет дуб, а не другой вид дерева.

Исследуя текст Библии, богословы приводят многочисленные примеры тому, как неслучайно нарекаются в ней люди: «И сказал (Агари) Ангел Господень: вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь имя ему *Измаил*, ибо услышал Бог страдания твои» (Быт.16.11). Все три величайших праотца – Авраам, Исаак и Иаков – получают имя свое или непосредственно (Исаак), или через переименование (Авраам и Израиль) прямо от самого Бога. Имя Иисус было наречено ангелом прежде его зачатия во чреве.

Так же глубоко значение и священных переименований, которые осуществлял сам Господь при призвании своих учеников, самых избранных и близких – Петра, Якова и Иоанна. Булгаков с негодованием отвергает мысль о том, что «Господь просто менял прозвища, занимался изобретением псевдонимов и не было здесь действия по своей значительности отвечавшей его торжественности». Переименования в Ветхом Завете совершались в торжественные моменты, когда определялся ду-

ховный переворот в судьбах Израиля, над праотцом Авраамом и Иаковом, Богом, который именует Себя Иегова. Не мог же Бог заниматься изобретением псевдонимов или более выразительных кличек? Единственное, что здесь представляется возможным предположить, что это был творческий акт, и Божие переименование есть новое творение. Это не новая кличка, а новое рождение¹⁵.

Заключение

Подводя итог рассуждению о смысле и значении имени собственного в теософии, можно заметить, что хотя имя дается при рождении, оно не является произвольным. Для богословов имя - выражение сущности человека, его бытийной субстанции. «Имя есть неизменное сказуемое для всякого **я**, его эквивалент, откровение о личности, не в отдельных ее частных определениях, но в ядре» [2, 267]. Имя – семя, и оно попадает в человека, как в почву, прорастая и реализуясь. Имя не просто слово, а даже «сгущенное слово». В нем живет не только его семя, но и морфема и фонема. Оно обладает *синергийно-символическими* свойствами еще в большей степени, чем простое слово.

Если попытаться составить схему «слово–понятие–предмет» для теософской традиции, подобную треугольникам Фреге для лингвистических теорий, то может получиться следующее:

Рис.3(а)

Если же представить схему для нескольких людей с одним именем, то получим следующее:

¹⁵ Ср., напр., ритуал пострижения в монахи, когда человек принимает новое имя, оставляя старое – «прежнего себя», как бы рождаясь заново.

Рис.3(б)

Опровергая позицию, считающую имя собственное лишь прозвищем, кличкой, теософы заявляют, что в содержании имени потенциально заложены (закодированы, запрограммированы) основы будущего характера, поведения, пристрастий и других аспектов жизнедеятельности человека, носящего это имя. Сохраняя свою инвариантность, имя задает некий идеальный образ личности, ее характерологические координаты, намечает границы ее жизни и судьбы.

Л и т е р а т у р а

1. Библия. М.: Российское библейское общество, 2000.
2. Булгаков С. Философия имени. СПб.: Наука, 1999.
3. Гарагуля С. И. К проблеме категоризации английского личного имени // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 26. М.: Макс-пресс, 2004. С. 134-141.
4. Павленис Р. И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.
5. Руднев В. П. Словарь культуры XX в.: Имя собственное. М.: Аграф, 1997.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
7. Флоренский П. Имена // П. Флоренский. Соч. в 4-х тт. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000.
8. Штейнберг О. Еврейский и халдейский этимологический словарь. Вильна, 1878. Т.1.
9. Переписка между митрополитом Сергием и митрополитом Вениамином <http://stjhouse.narod.ru/biblio/Name/letters/let2.htm>
10. Созина Е. Символы. http://poetical.narod.ru/statii_s/glava3.htm

Социальные стереотипы и особенности языка прессы (на основе анализа англоязычной прессы)

© Н. Г. Табалова, 2004

Вопрос о влиянии языка на жизнь общества, о его роли в формировании мировоззрения общества представляется крайне интересным как для исследователей-лингвистов, так и для представителей других гуманитарных наук, изучающих вопросы общественного сознания, мышления, взаимодействия людей в обществе. В современном мире язык перестал быть только средством общения, он все чаще используется как инструмент влияния, убеждения, внушения, как инструмент создания новой действительности. При этом большой интерес вызывают те языковые механизмы и приемы, которые создают и передают скрытые смыслы, воздействуют на наше сознание на имплицитном уровне, создавая новые категории, образы, определяя тем самым наше поведение. Исследователь в области структурной антропологии Эдмонд Лич кратко и емко выразил отношение языка к действительности: «Действительность – это репрезентация категорий языка, на котором мы говорим, а не наоборот». Таким образом, в смысле восприятия и познания язык действительно в значительной степени создает реальность вокруг нас.

Эта способность языка широко применяется во всех сферах деятельности человека, и особенно в общественно-политической, направленной на создание реальности, которая диктует нам стереотипы мышления и поведения, требуемые именно в этом обществе и именно в это время.

В своем исследовании мы изучаем социальные стереотипы и языковые способы их выражения в прессе. Стереотип – это категория нашего сознания, это прагматичная, емкая форма хранения и передачи нашего знания-представления об объекте действительности. Стереотип – это сложный когнитивный конструкт, часто не имеющий коррелята в реальной действительности, и обретающий реальность именно в языке и посредством его. В общественно-политическом дискурсе они чаще бывают не средством передачи информации, а самой целью этого дискурса. Наше мышление, язык, действия во многом стереотипны, и управление нашим мышлением и поведением происходит именно через активацию либо уже существующих стереотипов, либо посредством создания новых, причем в первую очередь на языковом уровне. Язык является как бы строительным материалом. Как пишет Роджер Фаулер в своей

монографии 1991 года¹, «...формы языка кодируют социально сконструированное представление о мире».

Не ставя знак полного равенства между общественным, политическим действием и языковым, нельзя отрицать, что общественное мышление, общественное действие и языковая форма находятся в тесном единстве. Общественные действия либо имеют форму высказывания, текста, либо сопровождаются как созданием текстов, так и их восприятием и осмыслением. При этом речевые произведения общественно-политической сферы коммуникации характеризуются особенно высокой степенью прагматической направленности, так как их целью является, прежде всего, повлиять на действия слушающего или читающего.

Естественным является предположить, что языковые правила построения общественно-политического дискурса также зависят от их основной функции. Как пишет Т.В. Юдина, «правила построения общественно-политической речи отражают механизмы политического манипулирования. Языковые правила часто приобретают сознательно установочный, умело навязываемый характер»². Иначе говоря, централизованное установление языковых правил находится в зависимости от процесса формирования общественного мнения, что, по мнению автора, «накладывает в свою очередь очень большую ответственность при строительстве общественной жизни на основе свободно высказанного мнения и свободной критической мысли на тех, в чьих руках находятся «строительные инструменты»»³.

В настоящей статье ставится задача попытаться выявить, какие языковые средства в наибольшей мере находят применение в общественно-политическом дискурсе. Материалом нашего анализа являются газетные и журнальные публикации так называемой качественной прессы на английском языке, имеющие общественно-политическую тематику.

Прежде чем перейти к анализу материала, хотелось бы остановиться на основных чертах, которые традиционно выделяются как характерные для языка прессы. Эти черты в большой степени определяются назначением и функциями прессы.

В первую очередь перед редактором стоит задача из огромного количества событий выбрать главные, отвечающие ориентации данного издания, интересам тех общественных сил, чьи интересы данное издание выражает. Кроме того, любое печатное издание ограничено четко установленным количеством страниц, и печатная площадь должна использоваться экономно. Поэтому текст должен быть изложен компакт-

¹ *Fowler R.* Language in the Use. Discourse and Ideology in the Press. L., N.Y., 1991. P. 37.

² *Юдина Т.В.* Теория общественно-политической речи. Москва, 2001. С. 24.

³ Там же.

но, но в тоже время четко и достаточно подробно излагать суть проблемы.

Говоря о характерных особенностях языка прессы, нельзя забывать и о том, что язык различных рубрик газеты или журнала (например, передовая статья, раздел коротких новостей, раздел объявлений и т.д.) будет иметь свои характерные особенности. У нас же, исходя из предмета нашего исследования, главный интерес вызывает стиль статей и коротких новостей и заголовков. В качестве их основных стилистических характеристик традиционно выделяют⁴:

1. Большой процент политических и экономических терминов в текстах: democracy, president, Parliament, gross domestic product (GDP), inflation, corruption и т.д. Это объясняется тематикой газетных публикаций.
2. Частое использование нейтральной лексики, относящейся к политической и общественной жизни: public, peace, discrimination, public opinion, welfare, public services и т.д. Всеми исследователями также отмечается большой процент собственных имен: топонимов, антропонимов, названий учреждений, организаций и т.д., большее количество числительных и слов, обозначающих количество и множество, а также обилие дат.
3. Высокий процент интернациональных слов и неологизмов. Первое объясняется экономической, политической и общественной тематикой публикаций, а второе тем, что газеты и журналы сообщают читателям обо всем новом, что происходит в обществе, политике, экономике, науке и т.д., и, соответственно, быстро включают в свой язык слова, которые обозначают эти новые явления, постепенно вводя их в слой лексики общего употребления.
4. Аббревиатуры. В целях экономии печатного пространства, из-за необходимости поместить как можно больше информации на ограниченном количестве страниц газет и журналов использование аббревиатур стало отличительной чертой языка прессы. В основном это названия общественных, экономических и политических организаций (UNO, WTO, EU, NATO, и т.д.), экономические и др. термины (VAT, GDP, MP (Member of Parliament) и т.д.).
5. Клише и устойчивые выражения. Газетные и журнальные публикации – это тексты на один день, потому что завтра они становятся уже неактуальными. Кроме того, текст должен сжато и по существу излагать содержание. Общая тематика статей постоянно повторяется: это политические, экономические и общественные вопросы, выборы,

⁴ В данном вопросе мы приводим перечень характеристик газетного стиля, приводимых проф. И.В. Арнольд, проф. И.Р. Гальпериным, В.Л. Наер и рядом других исследователей.

переговоры, саммиты, экономические форумы и т.д. Повторяющаяся тематика, требование компактности изложения и недостаток времени у журналистов на тщательную обработку материала приводит к частому использованию клише и общеупотребительных штампов. Такие стереотипные выражения, как *vital issue, pressing problem, to escalate conflict, overwhelming majority, pillars of society, well-informed sources, to manipulate the electoral process*, и т.д. автоматически вызывают определенные ассоциации в сознании читателей, ментальные образы определенной стереотипной ситуации, передавая, таким образом, большой кусок информации. И самое главное, данные клише не требуют никаких мыслительных затрат, так как те концептуальные связи и цепочки, которые они вызывают, прочно сидят в нашем сознании, легко узнаваемы и ведут к однозначным выводам. Вместе с тем, наряду с обычной, постоянно повторяющейся тематикой в прессе появляется практически любая тематика, почему-либо оказывающаяся актуальной. Затем эти новые ситуации и аргументы тоже начинают повторяться, что ведет к их использованию как штампов.

6. Использование эвфемизмов и идеологизированной лексики. В последние десятилетия, начиная с 70-ых годов 20 века, стал набирать силу вопрос о политической корректности, и это требование в первую очередь стало предъявляться к речи общественных и политических деятелей, а также к текстам газетных и журнальных публикаций.
7. Высокая частотность косвенной речи. Как известно, при помощи косвенной речи

Рассматривая лексику в денотативном плане, отмечают также такую особенность языка прессы, как наличие большого количества абстрактных слов, при том, что информация, как правило, вполне конкретна.

Что касается коннотаций, то присутствуют скорее не эмоциональные, а экспрессивные и оценочные коннотации. Исследователи отмечают усиление эмоциональных и оценочных коннотаций в публикациях, и даже в статьях, которые по своей функции являются чисто информативными⁵. Объясняется это тем, что пресса давно перестала выполнять только информативную функцию, и даже короткие газетные сообщения со своим лаконичным языком и, на первый взгляд, только информационными функциями, могут нести оценку и влиять на общественное мнение. Например:

Russia's reform.

⁵ Например, см.: Романовская Н.В. О глагольной экспрессии в газетном стиле. Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 73, М., 1973.

Lurching ahead (“lurch” – to move with irregular swinging or rolling movements). (The Economist)

Глагол “to lurch” в данном контексте не является нейтральным, на первый план выходит экспрессивная и оценочная коннотации его семантической структуры. В данном контексте этот глагол позволяет сравнивать состояние российских реформ со слабым, нездоровым организмом.

While President Vladimir Putin wows the West, Russia is changing, slowly (“wow” – [slang] to cause surprise and admiration in someone). (The Economist)

Использование глагола “to wow” выражает ироничное отношение авторов к некоторым действиям российского президента.

But for all the current backslapping, Russia must still grow faster if it is to catch up with the West reasonably soon (“backslapping” – too much noisy cheerfulness, showing admiration for one’s own success) (The Economist).

Глагол “backslapping” также придает ироничный характер высказыванию, передавая, таким образом, настороженное и скептическое отношение авторов.

Кроме того, журналисты любят использовать приподнятую, претенциозную лексику, которая придает значимость тем событиям, фактам и предметам действительности, о которых они рассказывают, тем самым, создавая последним определенный пиаровский фон и формируя у общественности такое мнение, которое необходимо определенным общественно-политическим силам. Например:

From the halls of Montezuma to the shores of Tripoli – and now to the dust of Kandahar: the deployment of American marines in Afghanistan this week proves more powerfully than all the supposedly epochal utterances made since September 11th that the United States is both serious about the campaign against al-Qaeda and well on the way to winning it. (The Economist)

Помимо особенностей лексики, газетный стиль также имеет ряд отличительных особенностей и в области грамматического оформления текстов. А в текстах коротких сообщений грамматические конструкции приобретают еще большее значение, чем лексика.

Так, к грамматическим особенностям данного стиля можно отнести следующие языковые явления:

а) Сложные предложения с несколькими придаточными предложениями, например:

Swiss Re said it expected losses of SFr200 m (\$118 m) for 2001 after the world's second-biggest reinsurer put costs from September 11th at nearly SFr 3 billion. (The Economist)

В данном случае за коротким главным предложением следует придаточное изъяснительное, которому подчиняется придаточное времени.

One month after the felling of New York's twin towers, just before the United States began to drop bombs on Afghanistan, Tony Blair said that the events of September 11th marked a turning point in history. (The Economist)

Это предложение начинается с именного оборота, за которым следует придаточное времени, относящееся к главному предложению (Tony Blair said), которому подчинено придаточное изъяснительное.

Такие предложения в краткой форме передают содержание всей статьи в целом, тем самым соблюдая принцип “компрессии информации” в газетном стиле.

б) Отглагольные конструкции (инфинитивные, причастные, герундиальные) и конструкции с отглагольными существительными, например:

Georgian President Eduard Shevardnadze on Monday assailed Russia for having unilateral contacts with Georgia's separatist region of Abkhazia – a statement that highlighted new tension in long-strained relations. (The Moscow Times)

в) Предложения со сложными дополнениями и подлежащими, особенно номинативные конструкции с инфинитивом, например:

The condition of Lord Samuel, aged 92, was said last night to be a 'little better'. (The Guardian)

Данный лингвистический прием также используется для того, чтобы избежать упоминания источника информации, чтобы представить какое-либо событие или факт как объективный, а также с целью снять ответственность с кого-либо за сообщение о чем-либо.

г) Группы существительных, выполняющих атрибутивную функцию, например:

A report by international investigators at the Justice Department has identified dozens of recent cases in which department employees have been accused of serious civil rights and civil liberties violations involving enforcement of the federal antiterrorism law known as the USA Patriot Act. (The New York Times)

Использование таких конструкций позволяет более компактно передавать информацию и обусловлено аналитизмом английского языка.

The national income and expenditure figures announced by the Minister give not much optimism about the reform carried out in the financial system of the country. (The Times).

д) Долгое время журналисты придерживались особого порядка слов, используемого в коротких сообщениях, а также в начале газетных и журнальных статей. Строгий порядок слов в структуре английского предложения, а также многолетняя журналистская практика, которая насчитывает примерно 4 века, дали развитие так называемому правилу «пяти 'wh'» - “who-what-why-how-where-when”. С точки зрения частей предложения эту схему можно представить следующим образом: Subject – Predicate (Object) – Adverbial modifier of reason (manner) – Adverbial modifier of place – Adverbial modifier of time.

Вместе с тем исследователи отмечают, что в последнее время это правило соблюдается все реже и реже, и даже в коротких сообщениях, где зародилась эта структура и распространилась на весь стиль. Статистика показывает, что это правило так же часто нарушается, как и соблюдается. И изменения коснулись, прежде всего, обстоятельств времени и места: обстоятельство времени либо занимает место сразу после подлежащего или после сказуемого, либо вообще опускается как несущественное, так как газетная информация, как правило, описывает события, имевшие место накануне. Таким образом, и здесь соблюдается правило компрессии информации.

Как еще один вариант используется следующая структура с обстоятельством места в начале предложения⁶:

1. *Woodbridge, England – British novelist and disgraced politician Jeffrey Archer was freed on parole Monday after serving half of a four-year jail sentence for lying in a libel case over a prostitute. (The Moscow Times)*

2. *Foreign Minister Igor Ivanov on Thursday called for a new UN resolution on Iraq that would speed up election of a sovereign Iraqi government and would recognize the US-appointed Governing Council as an interim ruling body.*

3. *In a state-of-the-union address, Russia's president, Vladimir Putin, said that the military phase of the conflict in Chechnya was “over”. (The Economist)*

⁶ Данная структура замечена нами как в коротких сообщениях, состоящих часто из одного сложного предложения с несколькими придаточными, так и в первых предложениях более длинных заметок и статей.

С помощью таких приемов достигается максимальная лаконичность и информативность текстов.

В двух последних примерах обстоятельство времени либо стоит сразу после подлежащего, либо отсутствует вовсе. Это объясняется тем, что наличие обстоятельства времени в конце предложения переносит смысловой акцент предложения на время события, помещая его в речитическую часть предложения. Однако в газетных статьях обстоятельства времени не свойственна функция ремы предложения, и выполняют ее скорее обстоятельства места, образа действия и т.д., поэтому обстоятельства времени либо отодвигаются в тень, либо просто опускаются.

е) Сложные прилагательные, которые также играют роль «компрессоров информации», так называемые *phrase words* и даже *sentence words* как, например:

Schmidtbank, a 170-year-old family-owned bank, was rescued from some decidedly modern investments by a consortium of bigger peers... (The Economist)

Отдельно нужно остановиться на заголовках газетных и журнальных статей. Они выполняют очень важную функцию – привлекают внимание читателя и вызывают у него интерес к статье или заметке. Иногда заголовки представляют собой краткое содержание статьи, ясно давая понять, о чем будет идти речь в статье.

В бульварной прессе широко используется другой прием: для заголовка берутся чьи-либо слова, данные в интервью, вырванные из контекста, укороченные или упрощенные до такой степени, что заголовок приобретает сенсационный и даже скандальный оттенок, притягивая, таким образом, внимание читателей. Часто журналисты отягощают заголовок коннотациями, эпитетами, сравнениями, гиперболами, что может придать несколько искаженный смысл заголовку. Но в нашем исследовании мы концентрируем внимание на так называемой качественной прессе (*quality press*), для которой стремление к сенсационности менее характерно.

Здесь также наблюдается разнообразие способов оформления заголовков. В некоторых газетах и журналах статьи сопровождаются одним заголовком (The Moscow Times), в других статьи могут сопровождаться еще и подзаголовком, а иногда и двумя (The Times, The New York Times, The Guardian и т.д.). Иногда подзаголовок может представлять собой мини-текст, где, как правило, дается комментарий автора к событиям и фактам, освещаемым в статье, или просто кратко излагается тематика статьи, например:

1. Putin's success

President Vladimir Putin's engagement with the west continues this month when he stays at Buckingham palace as part of a state visit. State building is a preoccupation for Britain and America, especially in Iraq. It's something that has been at the heart of Vladimir Putin's political project. (The Observer).

2. Changing Russia

Hope gleams anew

At home and abroad, things have never looked brighter for Russia's president, Vladimir Putin. Will it last? (The Economist)

Кроме всего прочего, издание "The Economist" также примечательно сопровождением первых статей в тематических разделах карикатурами, которые также несут информацию, и причем, прежде всего оценочную информацию, передавая общее настроение и отношение авторов к фактам, содержащимся в статье.

В некоторых газетах также используется следующий прием: в текст статьи, оформленные крупным шрифтом, особым образом вставляются факты, упоминаемые в ней, которые имеют сенсационный или шокирующий характер, тем самым, привлекая внимание читателей. Эти вставки оформляются графически: печатаются шрифтом, отличным от общего шрифта статьи, заключаются в рамку и т.д.

Кроме структурных особенностей, заголовки имеют лексические, грамматические и синтаксические особенности.

Так, исследователями отмечается сочетание в тексте заголовков элементов информации с элементами оценки, когда используется лексика, обладающая различной стилистической окраской, например:

1. Russia's reform

Lurching ahead ('lurch' – to move with irregular swinging or rolling movements – двигаться покачиваясь, шатаясь из стороны в сторону)

While President Vladimir Putin wows the West, Russia is changing, slowly. ('to wow' – [slang] to cause surprise and admiration in someone). (The Economist)

2. Russia and Chechnya

Jaw-jaw at last

A gleam of hope for peace in miserable, war-weary Chechnya. (The Economist)

В данном заголовке используется сразу два стилистических приема. Во-первых, употребляется слово ('jaw-jaw') с явной стилистической окраской. В словаре оно сопровождается пометой 'informal', 'derog', и переводится как «болтать, пережевывать одно и то же». Употребление этого слова в заголовке к статье о ситуации в Чечне, а точнее о начале

долгожданных переговоров между президентами Чечни и России показывает скептицизм, а также сдержанность автора в оценке их перспектив и реальных результатов в ближайшем будущем. Кроме того, те, кто увлекается политическими цитатами, заметят здесь аллюзию на цитату Уинстона Черчилля (“To jaw-jaw is always better than to war-war” – из речи в Белом Доме 26 июня 1956 г.). И с этой точки зрения, несмотря на осторожность в оценках этого события и некий скептицизм, заголовок показывает также и общее одобрение авторов, которые все же надеются, что эти переговоры могут стать «проблеском надежды на мир в несчастной, измотанной войной Чечне» (“*A gleam of hope for peace in miserable, war-weary Chechnya*” – подзаголовок статьи).

3. *The very long arm of its law*. (The Economist)

В данном случае в заголовке к статье о задержании Владимира Гусинского испанской полицией при въезде в страну используется фразеологический оборот, который независимо от контекста всегда имеет отрицательные коннотации. ‘To have the [very] long arm/reach’ («иметь длинные руки») значит ‘to have authority, power to do evil or undesirable things’.

А вот еще примеры аллюзий:

3. *Clinton’s visit*

The importance of being Bill (The Economist)

В заголовке статьи, посвященной визиту Билла Клинтона в Белфаст с миротворческой миссией, явно просматривается аллюзия на произведение Оскара Уальда “The Importance of Being Earnest”. Заголовок придает иронический смысл статье, весь текст которой наполнен иронией и скептицизмом относительно миротворческой деятельности в вопросе мирного урегулирования в северной Ирландии.

4. *The PC is dead – long live the PC* (The Economist)

Ещё одним стилистическим приемом, используемым в заголовках статей, являются фразеологические обороты, поговорки и другие устойчивые выражения. Они также притягивают внимание читателей благодаря своей образности и экспрессивности. Кроме того, они обладают огромным культурологическим и аксиологическим содержанием, характерным для данного языка и менталитета людей, говорящих на нем. Поговорки и фразеологические обороты часто представляют собой целые ментальные конструкции, которые мгновенно вызывают в сознании ассоциации и стереотипные ситуации, например:

5. *East, west, home’s best* (The Economist)

Статья под этим заголовком рассказывает о роли Японии в международных отношениях, об участии в военных операциях и о том, как они регламентируются конституцией страны, об ее отношениях с США. Статья является скорее информационно-аналитической и по своему тону нейтральна. Поэтому и заголовок не несет в себе никаких коннотаций, а указывает скорее на геополитическое деление мира.

А вот пример преобразованной автором той же самой поговорки:

6. *East, West – what is best?* (The Moscow Times)

Статья под этим заголовком посвящена внешней политике России. Россия исторически имеет корни с Востоком, и недаром орел на Российском гербе двуглавый, смотрящий на восток и на запад. И эта двунаправленность имеет не только исторический и географический характер. Даже в современной международной политике, в моменты кризиса в отношениях с Западом, Россия ищет поддержку у своих восточных соседей и, прежде всего, у Китая. Такое метание в политике не случайно. По мнению авторов, оно отражает путаницу и неясность в определении своей роли и места в мире, в менталитете в целом.

Статья пронизана скептицизмом и даже иронией, что передается уже заголовком.

Прием контекстуального преобразования фразеологических единиц широко используется как действенное юмористическое и ироническое средство. Сущность этого стилистического приема точно определил А.И. Смирницкий, который писал, что стилистическое преобразование идиом «основано на подстановке под данный лексико-фразеологический вариант того или иного слова другого его лексико-фразеологического варианта, имеющего обычно свободный характер. О.С. Ахманова определила данный прием как «деформацию», что есть «фигура речи, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологической единицы, в оживлении составляющих ее слов как самостоятельных единиц»⁷. Эмоциональная и оценочная нагрузка деформированной фразеологической единицы основывается на эффекте обманутого ожидания.

Для привлечения внимания читателей, как в заголовках, так и в текстах статей часто используются и другие стилистические приемы, которые привлекают внимание читателя необычностью формы (звучания), придают экспрессивность тексту статьи или заголовка, выражают отношение автора и задают тон всей статье, например:

7. *Minor majors* (The Independent) – оксюморон

8. *Corruption, construction, conservatism* (The Economist) - аллитерация

⁷ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

9. *More metal for Mittal* (The Economist) – аллитерация и ритм

10. *Russia's murky politics* (The Newsweek) – эпитет

Таким образом, мы видим, что функции, реализуемые сегодня газетными и журнальными публикациями, позволяют использовать в них огромное разнообразие языковых средств, которые наполняют эти тексты экспрессивными и оценочными смыслами, выражая тем самым мнение авторов, формируя определенные мнения, а в конечном итоге, определенное мировоззрение у широкой аудитории читателей.

Прослеживается параллелизм смысла, интенции и языковой формы: двусмысленность мысли – двусмысленность выражения, метафоричность смысла – метафоричность высказывание и т.п. И это неудивительно, ведь именно бесконечное многообразие языковых средств, их экспрессивный и смысловой потенциал придают смысловое богатство и вариативность общественно-политическому виду дискурса. И преувеличить значимость языка здесь невозможно. Как говорит А.Ф. Лосев, «язык всегда в той или иной мере и в том или ином смысле, положительном или отрицательном, является орудием переделывания, орудием перестройки, переустройства действительности»⁸. Более того, взаимосвязь языка и мышления позволяет языку чувствовать и даже предвосхищать изменения в сознании людей. А изменения в смысловой нагрузке, замена одних понятий на другие в речи тех, кто в состоянии влиять на общественное сознание, могут указывать на изменение их интенций, могут быть сигналом грядущих общественных и политических трансформаций, которые на речевом уровне проявляются раньше, чем на уровне свершившегося факта.

⁸ Лосев А.Ф. Имя. С-Петербург, 1997. С. 315

О структуре межкультурной компетенции

© А.В. Литвинов, 2004

Во многих работах, посвященных проблемам обучения иностранному языку, проблемам межкультурной коммуникации, можно встретить следующие виды компетенций: предметную, профессиональную, лингвострановедческую, страноведческую, культурологическую, поведенческую, - и все они рассматриваются как определенные уровни коммуникативной компетенции, представляющей собой определенную систему знаний, умений и навыков. Применительно к обучению иностранным языкам понятие коммуникативной компетенции получило детальную разработку в рамках исследований, проводимых Советом Европы для установления уровня владения иностранным языком [Common... 1996], и определяется как способность к выполнению какой-либо, в том числе и профессиональной деятельности на основе приобретенных в ходе обучения знаний, умений, навыков, опыта работы. Согласно документу «Общеввропейская компетенция владения иностранным языком. Проект» (1996) выделяются следующие виды компетенций:

- лингвистическая (языковая), предполагающая владение знаниями о системе языка;
- социолингвистическая (речевая), предполагающая умения формулирования мыслей с помощью единиц и правил языка;
- социокультурная, предполагающая знание национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка;
- социальная (прагматическая), проявляющаяся в желании и умении вступать в коммуникацию с другими людьми;
- стратегическая (компенсаторная), определяющая способность корректировать речь, совершенствовать другие виды компетенций, восполнять пробелы в коммуникации;
- дискурсивная, позволяющая использовать стратегии для конструирования и интерпретации текста;
- предметная, определяющая способность ориентироваться в содержании информации;
- межкультурная компетенция, определяющая способность к успешной коммуникации средствами иностранного языка.

Множество выделяемых компетенций требует установления неразрывной связи между ними, представления отдельных компетенций как определенной уровневой системы. В этой связи именно межкультурная компетенция может выступить как ведущий фактор интеграции всех вышеназванных компетенций. Так, коммуникативная компетенция мо-

жет быть представлена как совокупность лингвистической, речевой и социальной компетенций. В работах О.Д. Митрофановой и В.Г. Костомарова представлена несколько иная точка зрения на исследуемый объект. Ученые полагают, что «коммуникативная компетенция с очевидностью включает языковую, или лингвистическую, и речевую; она же обязательно вбирает в себя и значение культуры страны изучаемого языка, что составляет предмет страноведческого и лингвострановедческого аспектов занятий иностранным языком, или лингвострановедческую и страноведческую компетенции» [Митрофанова, Костомаров 1990: 15]. Представляется, что данная точка зрения гораздо ближе к той интерпретации понятия, которая представлена в лингвистических работах. Очевидно, что авторы рассматривают прагматические параметры общения как часть страноведческой и лингвострановедческой компетенций.

В.В. Сафонова отмечает, что «иноязычная коммуникативная компетенция представляет собой определенный уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками и умениями, позволяющими обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое поведение в зависимости от функциональных факторов одноязычного или двуязычного общения, создающий основу для коммуникативного бикультурного развития» [Сафонова 1996: 97].

Таким образом, можно отметить определенные терминологические различия в понимании видов компетенций следующего характера: национально специфические стереотипы общения относятся разными учеными к различным типам компетенций. Одни исследователи относят их к социокультурному пласту знаний и умений, другие – к социальным или речевым умениям. Данное противоречие заложено уже в самом разделении стереотипов, усильных норм и стратегий общения на универсальные и национальные, когда первые следует относить к социальной (социолингвистической, прагматической) компетенции, а вторые – к социокультурной (страноведческой, культурологической).

«В структурном плане иноязычная коммуникативная компетенция состоит из языковой (Chomsky N., 1965; Carroll J.B., 1980), речевой (Сафонова В.В., 1991, 1993) и социокультурной компетенции (Сафонова В.В., 1991, 1993). Последняя, в свою очередь, включает лингвострановедческую (Мустайоки А.О., 1980), социолингвистическую (Canale M., Swain M., 1980; Stern H.U., 1984, pp.343-345) и культуроведческую (которая может не совпадать с лингвострановедческой) (Krasnick N., 1989; Bretz M., 1990; King C.P., 1990).

Различия между ними обнаруживаются в характере знаний, навыков и умений, которыми оперирует говорящий (слушающий) в процессе порождения или восприятия иноязычных речевых произведений, а так-

же в тех способностях и качествах, которые могут быть развиты в процессе овладения определенной совокупностью иноязычных знаний и умений» [Сафонова, 1996. С. 98]. Таким образом, предлагается уровневая модель отношения компетенций, в которой коммуникативная компетенция состоит из компетенций первого уровня: языковой (лингвистической), речевой и социолингвистической, а последняя, в свою очередь представляет собой сумму компетенций второго уровня: социальной (прагматической), социокультурной и страноведческой (культурологической). Такая модель представляется нам обоснованной, так как позволяет не только дифференцировать универсальное и национальное, но и интегрировать их как в процессе описания, так и в ходе обучения.

В.В. Воробьев, вслед за В.В. Сафоновой, также дает следующую уровневую модель социокультурной компетенции: «Социокультурная компетенция является комплексным явлением и включает в себя набор компонентов, относящихся к различным категориям.

Можно выделить следующие компоненты социокультурной компетенции, развитие которых посредством обучения иностранным языкам может и должно быть эффективным:

- *лингвострановедческий компонент* (лексические единицы с национально-культурной семантикой и умение их применять в ситуациях межкультурного общения);
- *социолингвистический компонент* (языковые особенности социальных слоев представителей разных поколений, полов, общественных групп и диалектов);
- *социально-психологический компонент* (владение социо- и культурнообусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре);
- *культурологический компонент* (социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон)» [Воробьев 1997: 31].

В документах Совета Европы «Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching» о содержании компетенций говорится следующее: к компетенциям использующего язык относятся два типа: базовые компетенции и коммуникативные лингвистические компетенции. В состав базовых компетенций входят: знания о мире, социокультурные знания и межкультурное понимание, или межкультурная коммуникация. Социокультурные знания составители документа описывают следующим образом: «Аспекты знания мира, знание общества и культуры сообщества или общин, в которых говорят на изучаемом языке, имеют достаточное значение для изучающего язык и заслуживают специального внимания, тем более, что в отличие от многих других аспектов знания они, вероятно, будут лежать вне предшествую-

щего знания учащегося или могут быть искажены стереотипами родной культуры. Особенности характеристики конкретного европейского общества и его культуры могут иметь отношение к:

1. повседневной жизни (еда и питье, время еды, поведение во время еды, выходные дни, рабочие часы, досуг);
2. условиям жизни (региональные, классовые и этнические нормы жизни, условия проживания, уровень жизни);
3. межличностным отношениям, включая отношения между властью и обществом (классовая структура общества и отношения между классами, гендерные стереотипы, семья и семейные отношения, отношения между поколениями, служебные отношения, отношения между гражданами и государственными организациями, расовые и общественные отношения, отношения между политическими и религиозными группами);
4. главным ценностям, верованиям и отношениям (социальные группы, профессиональные группы (академические, управленческие, коммунальное обслуживание, общественная деятельность, квалифицированные и неквалифицированные работники), богатство (доход и наследование), региональная культура, безопасность, организации, традиции, история, меньшинства, национальная идентификация, политика, музыка (популярная музыка и песни), религия);
5. языку тела (жесты, мимика, позы, контакт глазами, телесный контакт, проксемика);
6. посещениям (пунктуальность, подарки, одежда, угощение, условности и табу, период пребывания);
7. ритуалам (религиозные обряды, аудитория и поведение зрителя на публике, танцы и под.)» [Common... 1996: 38-39].

Таким образом, овладение межкультурной компетенцией невозможно без учета:

- предшествующего социокультурного опыта и знаний обучаемого;
- нового опыта и знания жизни в социуме, которые учащиеся должны приобрести для участия в коммуникации на изучаемом языке;
- понимания отношений между родной и изучаемыми культурами для формирования соответствующей межкультурной компетенции.

В этой связи можно утверждать, что наряду с родной культурой под влиянием сложившихся стереотипов об изучаемой культуре формируется новая культура. Решающим фактором при этом будет влияние родной культуры на представление о культуре страны изучаемого языка. В этой связи учет родной культуры во взаимодействии с культурой страны изучаемого языка находит отражение как в названии соответствующего принципа обучения (принципы межкультурного взаи-

модействия), так и в «диалоге культур» как средстве межкультурного общения [Сафонова 1996], [Щукин 2004].

Помимо межкультурной компетенции в указанных работах упоминается социолингвистическая компетенция, которая, являясь компонентом коммуникативной компетенции, связана с лингвистическими аспектами социокультурной компетенции. Эти аспекты связаны с лингвистическими маркерами социальных отношений коммуникантов, правилами этикета, выражениями мудрости народа (фразеология), стилевыми регистрами, диалектами.

В указанных работах последовательно разделяются социокультурная компетенция, которая является частью общей компетенции, и социолингвистическая компетенция, включающая в себя лингвокультурный аспект, и являющаяся компонентом лингвистической компетенции в составе коммуникативной; межкультурная компетенция рассматривается в составе базовой компетенции, наряду с предметной и социокультурной. Безусловно, данная модель совершенно не противоречит всему изложенному в работах российских исследователей. Однако мы не можем не признавать наличие устойчивых связей между межкультурной и коммуникативной компетенцией, так как сам процесс формирования первой рассматривает присвоение знаний, умений и навыков, которые традиционно включаются в ее состав. Исходя из этого мы можем утверждать, что в основе интерпретации компетенций, которые сделаны в работах российских исследователей, лежит интегративный принцип, не разграничивающий когнитивный и вербальный аспекты знаний о мире.

Важнейшей составляющей межкультурной компетенции является психологическая и психолингвистическая установка, нацеленная на положительную оценку воспринимаемых явлений и положительную мотивацию к участию в межкультурной коммуникации. Участники этого процесса должны научиться осознавать, что позитивное отношение к себе является важнейшим элементом толерантности в целом, что оно формируется и сосуществует на основе положительного отношения к окружающим и доброжелательным отношением к миру. С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации настолько очевидны, что вряд ли нуждаются в пространных разъяснениях. Каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [Тер-Минасова 2000: 25].

Процесс изучения культуры идет от частного (единиц языка) к общему. Однако такой путь самостоятельной реконструкции чужой куль-

туры на основе языка может осуществляться только через призму знаний, сформированных в процессе овладения родной культурой. В связи с этим следует отметить и особые функции, которые реализуются в межкультурной коммуникации. К ним следует отнести:

- информационную, благодаря которой происходит обмен информацией и опытом, накопленный каждым участником в освоении социокультурного пространства;
- когнитивную, благодаря которой происходит совместное познание окружающего мира, и в том числе взаимопознание;
- креативную, благодаря которой осуществляется трансформация опыта и его включение в культурно-образовательный контекст, происходит активное использование новой информации и опыта;
- стимулирующую, осуществляющую развитие и изменение личности участника коммуникативного акта;
- подтверждающую, ответственную за укрепление самосознания и самоидентификации в результате сравнения и рефлексии при осмыслении результатов коммуникации [Гейхман 2003], [Тер-Минасова 2000].

Следует особенно подчеркнуть, что реализация всех названных функций позволяет достигать наиболее ощутимых успехов в процессе обучения. Однако нельзя и не заметить определенного параллелизма функций языка и речи, с одной стороны, и межкультурной коммуникации, с другой, так как основным средством реализации последней является именно иностранный язык и речевая деятельность на иностранном языке. Отсюда следует, что содержание межкультурной компетенции можно рассматривать как иерархическую структуру, в состав которой входят социокультурные знания и умения, установки на сопоставление и контрастивный анализ элементов культуры, языка и коммуникации, а также коммуникативная компетенция в области использования иностранного языка в целях межкультурной коммуникации.

Еще одной важной проблемой, связанной с обучением иностранному языку по модели межкультурной коммуникации, является вопрос о статусе формируемого индивида. В одних случаях исследователи говорят о билингвальной языковой личности, в других – о бикультуральном индивидууме. Совершенно очевидно, что это не одно и то же. Бикультурность не всегда предполагает двуязычие и наоборот, особенно, если речь идет о языках международного общения, формировании коммуникативной компетенции в рамках профессиональной и под. Мы полагаем, что формирование бикультуральной личности в процессе обучения иностранному языку невозможно по многим причинам. Ограничение содержания обучения в рамках уровней владения языком подтверждает этот факт. Поэтому постановка таких задач, правомерная при решении

социальных проблем аккультурации, интеграции с другой культурой, не корректна при решении проблем обучения иностранным языкам, равно как обучение общению на иностранном языке не предполагает полной интеграции индивидуума в иную культуру. Изучение иностранного языка, в зависимости от условий обучения (период обучения, наличие языковой среды), в состоянии сформировать определенный фундамент для последующей аккультурации, межкультурную толерантность как важнейший фактор для успешного опыта коммуникации с представителями данной культуры, но, как показывает опыт, не всегда достигает такого уровня «вживания» в иную культуру.

Профессиональное владение иностранным языком в целях межкультурной коммуникации должно создавать условия для понимания иной культуры и ее трансляции средствами родной культуры, в основе которых лежат указанные выше функции межкультурной коммуникации. Следовательно, формирование межкультурной компетенции должно предполагать дифференциацию всего пласта культурологических, страноведческих, социокультурных и лингвистических знаний, коммуникативных и стратегических умений. Основное внимание должно быть направлено на поведенческую культуру, ту ее часть, в которой закреплены регулятивные правила речевого и неречевого поведения. Можно понимать культуру как совокупность чувств, идей и отношений, можно понимать ее как определенный тип ментальности, как определенную когнитивную базу. Совершенно очевидно одно: культуру страны нельзя изучить по учебным пособиям, культуре нельзя обучить, пользуясь совершеннейшими методиками, ее можно освоить в процессе межкультурной коммуникации, так как усвоение определенного фрагмента культуры является конечным итогом всякой коммуникации.

Л и т е р а т у р а

- Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching. Draft 1 of a Framework proposal. Language Learning for European Citizenship. – Strasbourg, 1996.
- Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г.* Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 1990.
- Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж, 1996.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997.
- Шукин А.Н.* Обучение иностранным языкам: Теория и практика. – М., 2004.
- Тер-Минасова С.Г.* Сопоставительная лингвистика и проблемы преподавания иностранных языков. – М., 1994.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
- Гейхман Л.К.* Интерактивное обучение общению и межкультурная коммуникация // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. № 3. – С. 138-149.

Национально-исторические и культурно-лингвистические особенности американского тоста

© кандидат филологических наук Л.С. Чикилева, 2004

Готовность языковой личности обогатить порождаемый ею текст, как письменный, так и устный, фрагментами из воспринятых ранее текстов или аллюзиями на них, то есть текстовыми реминисценциями, наблюдается во всех видах дискурса. Не является исключением и тост, который представляет собой разновидность риторического дискурса.

Известно, что *тост* (от английского слова *toast*) означает краткую речь во время обеда во здравие кого-либо или чего-либо. Тост представляет собой форму выражения любых эмоций, от любви до ненависти. Тосты могут быть сентиментальными, лирическими, комическими, короткими и длинными, могут выражаться одним словом. Традиции, связанные с данной формой ораторского искусства, уходят в далекое прошлое. Если в давние времена тосты готовились заранее, отличались значительным разнообразием, то постепенно они изменились как по содержанию, так и по форме. Одной из причин было отсутствие времени для составления и заучивания длинных тостов. Таким образом, тосты можно рассматривать как автопрецеденты (если говорящий неоднократно употребляет один и тот же тост в течение длительного времени), как социумные прецеденты (если тост употребляется среди членов определенной социальной группы) и как национальные прецеденты (если тост употребляется в определенном лингвокультурном сообществе).

В конце XVIII – начале XIX вв. появляется новый обычай – за произнесение тостов, а также за объявление имен тех, кто будет их произносить, отвечает тамада – *toastmaster*. Тамада был подобен судье: он должен был дать всем присутствующим равные возможности для произнесения тостов, при этом оставаться трезвым и никого не обидеть. Тосты того периода отличались краткостью и остроумием. Например, тост за моряков:

*“The wind that blows, the ship that goes
And the lass that loves a sailor.
Damn his eyes,
If he ever tries
To rob a poor man of his ale”.*

В историю вошел обед в честь капитана Мак Дугала и его 44 друзей, который состоялся в Нью-Йорке в 1770 году. За обедом было произнесено 45 тостов.

В XIX в. появился обычай поднимать тост «за прекрасных дам» (*“saving the ladies”*). Проводив после вечера представительниц прекрасного пола домой, мужчины возвращались в банкетный зал. Один из присутствующих произносил тост за здоровье любимой дамы и опустошал свой бокал. Затем следующий гость делал то же самое, и начиналось своеобразное состязание, победители которого определялись на следующее утро.

Тосты, которые произносились в то время, не отличались большой оригинальностью, например: *“May the hand of charity wipe away the tears from the eyes of sorrow”*; *“May the pleasure of the evening bear the reflections of the morning”*.

В 1517 году было образовано общество (*temperance society*), целью которого была отмена тостов. В 1634 году в американских колониях был введен закон, который запрещал обычай распития спиртных напитков за чье-либо здоровье. Данный закон никем не соблюдался и был отменен в 1645 году.

Как правило, женщинам не разрешалось принимать участие в застольях, на которых произносились тосты, в связи с тем, что многие тосты были не совсем приличные, например: *“The modest maid who covers herself with the lover”*.

В США шло формирование новой нации, что придавало американцам вдохновение, нашедшее отражение в тостах того времени. Во время Гражданской войны можно было услышать проклятия врагам: *“To the enemies of our country!”* *“May they have cobweb breeches, a porcupine saddle, a hard-trotting horse and an eternal journey”*.

После Гражданской войны во время всех официальных обедов и различных празднеств обязательно произносилось тринадцать тостов, по одному тосту за каждый штат. На протяжении многих лет во время празднования Дня Независимости 4 июля обязательно произносилось 13 тостов. После каждого тоста раздавался артиллерийский салют, три приветственных возгласа (*cheers*) со стороны собравшейся толпы и звучала песня.

Хотя по содержанию тосты несколько отличались в зависимости от того, в какой местности они произносились, обычно они были патриотическими, например: *May it ever be held in grateful Remembrance by the American people!* Тосты произносились также в честь предшествующих президентов: *In the evenings of well-spent lives pleased with the fruits of their labours, they cheerfully await the summons that shall waft them to brighter abodes.* Неизменно произносился тост за тех, кто подписывал Декларацию независимости, например: *From this act of treason against the British Crown sprang a chart of Liberty and Emancipation broad as the universe*

and filled with glad tiding and a good will towards men. They who periled their lives by this noble act will live and be cherished in the hearts of free men.

Происхождение традиции произносить тринадцать тостов связано с теми временами, когда проводились банкеты по случаю ухода в отставку Дж. Вашингтона. На одном из таких банкетов в Анаполисе Дж. Вашингтон произнес свой собственный тост, который был четырнадцатым по порядку следования тостов: *"Sufficient Powers to Congress for general purposes!"* Традиция произносить 13 тостов постепенно была забыта, однако недавно она была возрождена в одном из музеев Нью-Йорка во время празднования Дня Независимости.

Первые политические деятели Америки часто практиковались в произнесении тостов. Одним из лучших в этой области был Бенджамин Франклин. Наиболее известным является его тост, произнесенный в Версале, когда он был американским послом во Франции. Сначала выступил британский посол, который сказал следующее: *"George the Third, who like the sun in its meridian, spreads a luster throughout and enlightens the world"*. С ответным тостом выступил французский министр, который сказал: *"The illustrious Louis the Sixteenth, who, like the moon, sheds his mild and benevolent days on and influences the globe"*. Затем выступил Б. Франклин: *"George Washington, commander of the American armies, who, like Joshua of old, commanded the sun and the moon to stand still, and both obeyed"*. Как следует из приведенных выше примеров, каждый выступающий восхваляет своего правителя. Так, английский консул сравнивает своего короля с солнцем, которое освещает мир. Французский министр сравнивает своего короля с луной, которая влияет на нашу планету. Б. Франклин сравнивает Дж. Вашингтона с Иисусом Навином, который приказал солнцу и луне остановиться и они подчинились его приказу: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим» (Иисус Навин, 10:13).

Золотым периодом, расцветом тостов принято считать период с 1880 по 1920 годы. В это время появляется большое количество книг с тостами, тосты публикуются в специальных колонках в газетах и журналах, ежемесячно проводятся конкурсы среди читателей на лучший тост. Особой известностью в то время пользовались такие писатели как Фред Эмерсон Брукс (Fred Emerson Brooks), Мина Томас Антрим, (Minna Thomas Antrim), поэты Оливер Херфорд (Oliver Herford) и Уоллес Ирвин (Wallace Irvin), которые также являются авторами десятков тостов. Например, О. Херфорд является автором тостов, которые произносились перед распитием шампанского, например: *"You'll miss me, brother, when you are dead"*.

Тосты сочинялись по различным поводам для самых разнообразных мест: штатов, городов, колледжей и т.д., по поводу праздников, для

спортивных команд, для толстяков и низкорослых людей, для неудачников и глупцов. Например, был написан тост длиной в несколько страниц в честь открытия электростанции. Было много тостов в честь той или иной профессии. Существовал обычай начинать обед в каком-либо клубе или обществе с тостов, посвященных людям разных профессий, сидящим за столом. Приведем в качестве примера несколько таких тостов:

– The Grocer: *Whose honest tea is the best policy!*

Or, may we spring up like vegetables, have turnip noses, red-dish cheeks, and carrot hair, and may our hearts never be heard, like those of cabbages, nor may we be rotten at the core.

– The Paper Hanger: *Who is always up against it and still remains stuck up!*

– The Conductor: *May he always know what is fare.*

– The Conductor: *The queerest of animals, their tales come out of their heads!*

– The Baker: *Who loaf around all day and still makes the dough!*

– The Well-Digger: *Always feel above your business and be glad of the fact that you do not have to begin at the bottom and work to the top!*

– Undertakers: *May they never overtake up!*

– The Painter: *When we work in the wet may we never want for dryers.*

– The Shoemaker: *He's a stick to the last... He left his awl... He pegged out... He was well-heeled but lost his sole... He was on his uppers.*

В приведенных выше тостах юмористический эффект достигается за счет лексической полисемии и омонимии.

Длинным размером отличались политические и военные тосты. Например, тост, посвященный Т. Рузвельту (an anti-Teddy Roosevelt toast) заканчивается следующими словами:

But honest old Bill Bryan,

With kindness will wear

Away all Republican lyin'.

No! Teddy don't play fair.

В 1920 году в США был введен сухой закон, в результате чего были запрещены не только спиртные напитки, но и реклама, книги, журнальные статьи, так или иначе популяризирующие их распитие или содержащие тосты. Появляются тосты, направленные против этого закона:

Here's to Prohibition.

The devil take it!

They've stolen our wine.

So now we make it.

Несмотря на все запреты, традиция написания и произнесения тостов сохранилась, и в период с 1930 по 1950 годы вновь стали появляться тосты. Например:

*Here's to the new radio
Here's to our neighbor's loudspeaker,
So loud we need none of our own.
May its volume never grow weaker.
Here's to today!
For tomorrow we may be radioactive.*

Первый из приведенных выше тостов был написан в честь изобретения радио. Второй тост появился в период повышенной ядерной опасности, после испытания атомной бомбы.

Представляется интересным упомянуть завещание Мак Элви (the Mc Elvi Legacy), согласно которому после смерти мистера Мак Элви в 1973 году было оставлено 12000 долларов, чтобы друзья вспоминали его и произносили тосты в его честь в годовщину его смерти. Оставленных денег хватило на три года, однако его друзья продолжали собираться в Новый год в том же самом баре, чтобы выпить и произнести тост за покойного.

В связи с перестройкой и гласностью изменились к лучшему отношения между Россией и США. Во время встреч на высшем уровне между лидерами двух держав часто звучали тосты. В качестве примера можно привести тост, произнесенный Дж. Бушем на Мальте: *“(To) the memories of the days we spent in Malta – friendship, cooperation, seasick pills...”* (Dickson, 1991:26).

Если начало данного тоста вполне традиционно: «За дружбу, сотрудничество, в память о нашей встрече на Мальте...», то конец звучит несколько неожиданно, что и придает тосту юмористический эффект: «и лекарство от морской болезни...» По всей вероятности, кто-то из участников встречи на высшем уровне, проходившей на Мальте, страдал от морской болезни, о чем в шуточной форме и упомянул президент.

Приведем пример тоста, посвященного США:

*To Uncle Sam:
Addition to his friends,
Subtractions from his wants,
Multiplication of his blessings,
Division among his foes.*

В данном примере упоминаются четыре арифметических действия: addition, subtraction, multiplication, division (сложение, вычитание, умножение и деление). Выражается пожелание иметь больше хорошего (друзей, благословения) и меньше плохого (разделения в стане врагов).

Иногда в качестве тостов использовались цитаты из Библии, в которых говорится о вине, например: *Drink no longer water but use a little wine for thy stomach's sake* (1 Timothy 5:23).

Eat the bread with joy and drink thy wine a merry heart (Ecclesiastes 9:7). Forsake not an old friend, for the new is not comparable to him. A new friend is as new wine: when it is old, thou shalt drink it with pleasure (Ecclesiastes 9:10).

Give... wine to those that be of heavy heart (Proverbs 31:6).

Wine maketh glad the heart of man (Psalms 104:15).

Интересными представляются тосты, которые произносятся в день рождения. Они различны как по форме, так и по содержанию:

God grant you many and happy years,

Till when the last has crowned you,

The dawn of endless days appears,

And heaven is shining round you.

To your birthday, glass held high,

Glad it's you that's older – not I.

Many happy returns of the day of your birth,

Many blessings to brighten your pathway on earth,

Many friendships to cheer and provoke your mirth,

Many feasting and frolics to add to your girth (Dickson, 1991:49).

Если первый тост в приведенных выше примерах отличается серьезностью, глубиной, в нем содержится упоминание Творца, благодаря которому мы появились в этом мире и к которому мы все уйдем, то второй тост имеет шутовскую форму – в день рождения мы все становимся старше; в тосте выражается радость по поводу того, что старше стал кто-то другой.

Во многих тостах достигается юмористический эффект, например:

– *It's a mighty good thing for your wife that you're not married* (Вашей жене очень повезло, что Вы не женаты).

– *Here's to the glorious – the last in the fight and the first out* (За прославленных – тех, кто последними вступают в борьбу и первыми из нее выпадают).

– *Here's to your wedding and many of them* (За вашу свадьбу – и не последнюю из них).

– *May every patriot love his own country, whether he was born in it or not* (Пусть каждый патриот любит свою страну, неважно, родился он в ней или нет).

– *To our health. May it remain with us long after we die* (За наше здоровье. Пусть оно остается с нами надолго и после нашей смерти).

Приведенные выше тосты несколько ироничны по своему содержанию. Оратор как бы подшучивает над теми, о ком говорит.

Не рекомендуется во время тостов делать какие-либо другие замечания. По этому поводу можно привести следующий пример. Во время второй мировой войны И. В. Сталин устроил прием в советском посоль-

стве в Тегеране. После того, как Черчилль, Рузвельт и другие политические лидеры произнесли тосты, Сталин что-то быстро сказал на русском языке. Все присутствующие на банкете русские заулыбались. Американцы и англичане подумали, что Сталин сказал остроумный тост, и взяли в руки бокалы. В это время переводчик пояснил смысл слов Сталина: «Маршал Сталин сказал, что мужской туалет находится направо».

Существуют различные традиции, связанные с произнесением тостов. Например, тосты часто сопровождаются звоном бокалов и переливанием содержимого бокалов:

This is my bottom (Clink the lower edges)

And if you're nice to me,

I'll give you a little (Pour some of your drink into the other person's glass).

В большинстве случаев в тостах выражаются пожелания благополучия, благословения Господа, благосостояния, верных друзей. Напр.:

May there always be work for your hands to do.

May your purse always hold a coin or two.

May the sun always shine on your windowpane.

May a rainbow be certain to follow each rain.

May the hand of a friend always be near you.

May God fill your heart with gladness to cheer you (Dickson, 1991:125).

Известно, что существуют определенные традиции предоставления слова для произнесения тоста. В США существует обычай после произнесения тоста выступать с ответным словом на произнесенный тост. Это является одним из важных элементов речевой культуры, который нельзя игнорировать. В качестве примера можно рассмотреть традиционный тост «За прекрасных дам». Этот тост обычно произносит холостяк, присутствующий в компании, как правило, самый молодой по возрасту. В речи обычно в шуточной форме подчеркивается его молодость. Шутки должны быть уместными, не допускается использование двусмысленных шуток. Считается обязательным сказать что-либо приятное в адрес представительниц прекрасного пола, сделать им комплимент. Например:

Gentlemen – The task of proposing this toast has been given to me because I happen to be the youngest bachelor here tonight. I do not know the origin of this custom, but I imagine it must be because the youngest is the least likely to be a confirmed bachelor, and his single state is probably not due to any lack of appreciation of the opposite sex. In my own case I may as well admit that I am full of appreciation. The ladies here tonight have only a poor speaker to extol their charms, but they could not find a more devoted admirer.

I hope you will not think that because I am single, I know nothing about the ladies. I haven't, of course, had the same concentrated experience as a

married man, but no doubt that will come later. Meanwhile I am steadily enlarging my knowledge of the fair sex in general – at least, to the extent that they will allow me. And every enlargement of my knowledge adds still further to my admiration.

We sometimes hear talk, even in these modern times, of the so-called equality of women, as though it were something to be argued, I am neither a social historian nor a prophet, but I venture to suggest that such a thing as equality has never existed and never will exist. Women have never been our equals: they have always been vastly superior to us. There might be more sense in talking about equality for men!

I ask you to join me in drinking to their health. Gentlemen – the Ladies! (Griffin, 1994:98,99).

Интересно начало приведенного выше тоста – оратор обращается к присутствующим мужчинам и поясняет, почему именно он произносит этот тост. В тосте дважды используется обращение *gentlemen*: в начале и в самом конце, когда оратор призывает мужчин выпить за дам. Обычно старыми холостяками являются зрелые мужчины, которые в силу различных причин предпочитают так называемую свободу или же не пользуются успехом среди женщин. Что касается молодых холостяков, то здесь все обстоит совершенно иначе: они могут быть очень популярны среди представительниц прекрасного пола. Не является исключением и сам оратор. В речи оратора используется противопоставление: *a poor speaker / a devoted admirer*, с помощью которого подчеркивается уважительное отношение к женщинам. Далее оратор с чувством юмора повествует о своих отношениях с прекрасным полом. Интересным является его заявление о равноправии мужчин и женщин. Он выражает свое мнение о том, что равноправие никогда не существовало и не будет существовать. Очевидно, данное заявление оратора в определенной степени настораживает присутствующих, так как слушатели могут предположить, что он выступает за превосходство мужчин: *Women have never been our equals...* Это предположение можно считать кульминационным в данной речи, так как во второй части предложения констатируется обратное тому, что ожидают услышать присутствующие: *...they have been vastly superior to us*. Использование интенсификатора *vastly* усиливает эффективность данного высказывания о превосходстве женщин. Далее оратор делает иронический вывод о том, что пора начать обсуждать проблему равенства мужчин: *There might be more sense in talking about equality for men!*

Использование восклицательного предложения делает высказывание более экспрессивным. В заключительной части речи делается призыв к присутствующим выпить за здоровье женщин: *I ask you to join me in drinking to their health. Gentlemen – the Ladies!* Заключительное предло-

жение является неполным по своей грамматической структуре. В конце предложения стоит восклицательный знак, что свидетельствует о его экспрессивности.

Как уже отмечалось выше, по существующей традиции на произнесенный тост должно быть ответное слово, то есть ответный тост. Рассмотрим в качестве примера такой тост: *“Reply to the toast of the Ladies”*:

Gentlemen – My difficulty in replying to your most generous toast is that I am not allowed to say what I want to. You are allowed to flatter us as much as you like – and almost as much as we like – but the only times when we are allowed to tell you what we think of you are when our thoughts are unfriendly. The primmest Victorian miss always had the right to say to a man, ‘Sir, your attentions are unwelcome. Pray desist.’ But today, for all our much-vaunted freedom, no girl would dare to say to a man, ‘Sir, your attentions are very welcome. Please carry on.’ That would be regarded as immodest, if not worse. All women are expected to have a natural modesty, but, however, I suspect that the Frenchman Balzac got nearer the truth when he said, ‘Woman’s modesty is man’s greatest invention.’

So here I am, allowed to say no more than thank you for the very kind compliments you have paid us. I dare not tell you in reply that I have been an admirer of men almost from the cradle; that I find you good to look at, pleasant to listen to, delightful to dance with, charming companions; that, in fact, I think you are wonderful! These are the things I dare not say – but perhaps now you will be able to guess them (Griffin, 1994: 99).

В данном случае оратором является женщина, которая обращается с речью к присутствующим мужчинам. Начало речи достаточно нетрадиционно как по форме, так и по содержанию. Сначала имплицитно, а потом и эксплицитно, с помощью цитат, выражается мысль о скромности женщин, которая не позволяет выражать вслух все то, что они думают о мужчинах. Хотя исторические времена меняются, скромность женщины, по мнению оратора, остается неизменной. Оратор приводит высказывание французского писателя Бальзака: *“Woman’s modesty is man’s great invention”*, с помощью которого она выражает свою собственную позицию по данному вопросу – женская скромность является величайшим изобретением мужчин.

В заключительной части своего выступления оратор благодарит предыдущего выступающего за его комплименты в адрес женщин. Представляются интересными по лексико-грамматической и стилистической оформленности два последних предложения, которые можно считать кульминационной частью речи. С помощью параллельных конструкций, повтора, отрицательных конструкций *I dare not tell you, I dare not say* имплицитно выражается мысль о том, о чем должны догадаться сами мужчины – как оратор восхищается ими за все их лучшие качества: *I*

find you good to look at, pleasant to listen to, delightful to dance with – мужчины обладают приятной внешностью, их приятно слушать и с ними хорошо танцевать. Оратор выражает свое восхищение в довольно-таки эмоциональной форме: *I think you are wonderful!*

Если во время приема присутствуют гости, то обязательно произносится тост в честь гостей, а кто-либо из гостей выступает с ответным словом. Если среди собравшихся есть почетные гости, то упоминаются их имена. В данном случае ораторы используют обращение *Ladies and gentlemen*, например: *Ladies and gentlemen – It is my privilege to propose the health of our guests*. Оратор предлагает выпить за здоровье гостей. Далее могут быть даны пояснения, почему произносится данный тост: *Some of our guests have traveled quite a long way to be with us tonight, and I know I am expressing the general opinion when I say how much we appreciate the compliment they have paid us in spending the evening with us*. От имени всех присутствующих оратор выражает признательность гостям за то, что они проделали длинный путь, чтобы провести здесь этот вечер. Допустимо использование афоризмов, юмористических историй, чтобы не утомить публику. Как правило, выражаются теплые чувства к гостям, уверенность в том, что эта встреча не последняя: *Finally I want to say how much pleasure the presence of all our guests has given us, and to express the hope that we shall have many opportunities of seeing more of them in the future and getting to know them better* (op. cit.).

В заключительной части оратор опять обращается ко всем присутствующим выпить за здоровье гостей: *Ladies and gentlemen, I give you the toast of – Our Guests!* Таким образом, используется рамочная конструкция – идентичное оформление начала и конца речи.

В ответном слове гости, обращаясь ко всем присутствующим, благодарят за приглашение и оказанный теплый прием. Ответная речь, как правило, тесно связана с предыдущей: *To thank you for your magnificent hospitality would be hard enough by itself, but you have made my task even harder. You have actually thanked us for coming here and enjoying that hospitality*. Ключевыми словами являются слова с положительной коннотацией: *thank, hospitality magnificent, enjoy*. В приведенном примере используются параллельные конструкции, градация, повтор, что придает речи особую экспрессивность.

Суммируя вышеизложенное, необходимо отметить следующее. Тост представляет собой единицу текстовой концептосферы и может рассматриваться как прецедентный текст или коммуникативный фрагмент, который хранится в памяти языковой личности. Обычай произносить тосты имеет глубокие исторические корни. Тосты отличаются друг от друга как по форме, так и по содержанию. Некоторые тосты отличаются краткостью, в то же время имеется большое количество тостов, особен-

но политического характера, длинных по объему, которые часто произносятся во время дипломатических приемов. Тематика тостов отличается большим разнообразием. Многие американские тосты очень патристичны. В тостах часто используется рифма, аллитерация, градация, повтор, в результате чего они становятся более выразительными. Тосты можно рассматривать как национальные прецеденты, которые употребляются в определенном лингвокультурном сообществе и обусловлены национально-историческими особенностями развития данного общества. Отличительной особенностью англоязычной культуры являются традиции предоставления слова для произнесения тоста. Важным элементом речевой культуры считается обычай выступать с ответным словом на произнесенный тост. Если во время приема присутствуют почетные гости, то обязательно произносится тост в их честь, и упоминаются их имена. В тостах часто используется юмор, афоризмы, в результате чего они становятся более прагматически эффективными.

Л и т е р а т у р а

1. *Dickson P.* Toasts. New York, Crown Publishers, 1991.
2. *Griffin J.* How to Say it Best: Choice Words, Phrases and Model Speeches for Every Occasion. Prentice Hall, NJ, 1994.

Дополнение к показаниям свидетеля защиты (сознание как хролотипический оппозитивный диалог)¹

© Глеб Арсеньев, 2004

Я предполагал включить следующий фрагмент в мою беседу с А. Н. Сенкевичем (см. его «Показания свидетелей защиты (из истории русского поэтического подполья 60-х годов)», М., 1992). К сожалению, «опасения» редактирующих и издающих (а может быть, и голоса из «внутренних цензоров») оказались весомей моих рассуждений относительно того, что только кажется канувшим в Лету. Мы обречены жить с прошлым (да оно и никуда не уходит), понимание которого предопределяет наше нынешнее самобытие, наше самостановление, наши экзистенциальные и трансцендентные пути. Обречены на уяснение сути абсурда и метафизического бунта, бытия-для-себя и бытия-для-других. И любая мысленная мелочь, касающаяся нас, не кажется мне заслуживающей невнимания и пренебрежения.

А теперь попытаюсь ответить на твой вопрос о книге А. Янова, точнее говоря, о тех главах из нее, которые были напечатаны в журнале «Нева»².

Для оценки этих глав в совокупности нужен кропотливый и затяжной разговор. Да и еще такой, который имеет косвенное отношение к тому, что мы обсуждаем. Хотя это еще вопрос – насколько косвенно (и косвенно ли?) связаны между собой литература, русская идея и 2000-й год. Нужно бы встретиться раз, другой, третий и устроить мозговой штурм этой проблемы. Согласен?

А теперь несколько замечаний в адрес А. Янова. Первое: он рассматривает как последовательно связанные взгляды трех поколений славянофилов и находит в них некоторую инвариантность. Вряд ли это справедливо. Первая волна славянофилов – это особая (по своему мировидению) группа. То, что о них «забыли» и их работ не читали (но не все, и даже в то время, о котором пишет А. Янов), не случайно: идеи К. Аксакова и И. Киреевского плохо совместимы с идеями третьей вол-

¹ Данная работа была написана определенное время тому назад, но она не потеряла актуальность и в наши дни. И поскольку она не была опубликована ранее, мы решили включить ее в настоящий сборник.

² Кажется, в пятом-седьмом номерах за 1992 год («Иваниана»). Обсуждаю лишь то, что меня особенно заинтересовало и представляется спорным.

ны славянофилов. И даже второй. И именно на эту третью волну, совмещившуюся с волной сверхрадикализма (ленинизма), и ориентировалась та часть славянофилов четвертого поколения, которые находились и находятся на правом фланге национального течения. Короче говоря, между классическим славянофильством и его последователями существовала и существует интеллектуальная и этическая несовместимость (судьба «Вече» служит этому подтверждением), но эта несовместимость не осознается А. Яновым.

Второе: неясны также – видимо, из-за отсутствия исторического и культурно-этнографического контекста (и глобального, и регионального) – причины смены идеологических установок у представителей третьей волны славянофилов (смены славянофильской классики тоталитарно-фашистской «неоклассикой»). На мой взгляд, решающую роль в этой смене сыграли утопические установки, являющиеся неотъемлемой частью социал-демократических (шире – сверхрадикальных, марксистско-ленинских) теорий прогнозирования будущего. Но, к сожалению, А. Янов эту проблему – проблему конструирования утопий – также обходит (ссылки на роман С. Шарапова – не совсем убедительное доказательство: появление и негативных, и позитивных утопий обусловлено, по-видимому, осознанием дефектности «образа мира» и сопротивлением чувству эсхатологичности, диктующем силовые приемы обустройства природной и социальной среды. И началось это сопротивление не в XIX и не в XX веке).

Третье: требует, по-моему, оговорок и использование ВСХСОН-ом (славянофилами четвертого поколения) и книги Н. А. Бердяева «Новое средневековье». Оговорок не в смысле оправдания или обвинения ВСХСОН-а. ВСХСОН выбрал из россыпи бердяевских идей идею по своему образу и подобию. Но следовало бы все-таки подчеркнуть – ради Н. А. Бердяева, – что его историософия – это, прежде всего, историософия, в которой базовыми элементами являются субъект и свобода.

Четвертое: вряд ли кажется целесообразным, рассуждая о взглядах Н. Данилевского, отрицать эвристичность предложенного им понятия *культурно-исторический тип* (это отрицание с неизбежностью следует из логики рассуждения А. Янова). И умалчивать о взглядах О. Шпенглера. И не упоминать об А. Тойнби. И не учитывать теоретических построений Л. Н. Гумилева и их эффективность для объяснений специфики этносов и способов их существования и самореализации. Короче говоря, утопические рецепты Н. Данилевского следовало бы отделить от его эвристических рецептов.

Попробую ответить и на твой вопрос – о журнале «Вече» и о справедливости его оценки А. Яновым, а также о моем участии в этом журнале.

Начну чуть-чуть издалека. Со ВСХСОН-а. К программе этой организации я относился отрицательно. Почему? А потому, что и тогда не считал всхновцев либералами (или, если угодно, либеральными националистами). Вспоминаю в связи с ними поговорку: «Тех же щей, да пожиже лей». Или эпизод из романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» – разговор Грибоедова с Бурцовым относительно грибоедовского проекта, поданного на рассмотрение Паскевичу и переадресованного Бурцову. Помнишь этот эпизод? Нет? Давай напомним.

– А вы, – закинул ногу за ногу и развалился Грибоедов, – вы в чертеже своем, – не стеклянном, другом, – вы о цели думали? Хотите, скажу вам, что у вас получилось бы?

– Что? – вдруг остановился Бурцов.

– То же, что и сейчас. Из-за мест свалка бы началась, из-за проектов. Павел Иванович Пестель Сибирь бы взял, благо там батюшка сидел. И наворотил бы. И отделился бы. И войной против вас пошел бы. <...> Кондратий Федорович, вкупе с вами, мужика бы непременно освободил, литературою управлял бы... <...> И сказали бы вы бедному мужику российскому: младшие братья... <...> временно, только временно не угодно ли вам на барщине поработать? И Кондратий Федорович это назвал бы не крепостным уже состоянием, но добровольною обязанностью крестьянского сословья. И, верно, гимн бы написал.

Точно так же я оценивал и литературоведческие «бунтики» в журнале «Молодая гвардия». Продолжающиеся и сейчас, но в основном в других журналах и газетах. Это были «бунтики» утопистов, оценивающих настоящее и конструирующие будущее, исходя из призрачных и фантомных элементов. «Бунтики» утопистов, не удосуживающихся даже подумать о том, какие из народных начал, питающих и мир духа, и мир быта, умерли, а какие сохранились (вспомни и сопоставь в связи с этим «Холмы» и «Лад» В. Белова).

Для меня оттенки в позициях «Огонька», «Октября», «Молодой гвардии» были оттенками одного основного цвета. Это были оттенки в позициях правого истеблишмента. Представлявших тоталитарную партийно-бюрократическую систему и защищавших ее. Но защищавших, капризная и взбрыкивая. В свою очередь, «Новый мир» тоже капризничал и взбрыкивал. Но это были капризы и взбрыкивания левого истеблишмента. Не отказывавшегося от родства с системой, но засомневавшемуся в ней. И на это были весомые причины – знание глубинки и центров, непредвзятый подход к внелитературным фактам, умение слушать разных и непохожих, чуткость к смещениям в поведении и умонастроении, к тому, что стало называться диссидентством.

Вопреки А. Янову я полагаю, что коалиция «Огонька» и «Молодой гвардии» не переросла бы в политическую оппозицию: оппозиция возникает из противостояния и противопоставления одной системы коор-

динат другой. Но вот этой другой системы ни у «Огонька», ни у «Молодой гвардии» не было. Точки отсчета – сливались. Оба журнала жили в одном и том же мире авторитарно-тоталитарных ценностей. Следовали им. И служили службы Государству-Богу. И земным его заместникам.

В общем-то жил в таком же мире и «Новый мир». Хотя и стремился всячески подчеркнуть, что ценности, абсолютные для «Огонька» и «Молодой гвардии», для него – относительны (в лучшем случае, четвертьценности). По-видимому, именно такая установка новомирцев и послужила причиной письма одиннадцати и разгрома журнала. Режим мог еще согласиться на поправки М. Лобанова и В. Чалмаева (кстати сказать, истерические по тону, ибо любая утопия, по-видимому, неизбежно истерична), но пересмотр ценностей на три четверти он принять не мог. Режим потерял даже чувство самосохранения, оказался нечувствительным, как и всякая самодостаточная структура, к сигналам беды.

В этих условиях журнал «Вече» не мог не появиться. Он не только позволял рассуждать о таких материях, о которых не могли и, наверное, не смогли бы говорить ни «Огонек», ни «Молодая гвардия», ни «Новый мир».

«Вече А. Янов оценивает вполне объективно (даже лестно, что и поныне – большая редкость).

Причины гибели журнала, а тем самым, и гибели либерального национализма проанализированы настолько убедительно, насколько это возможно (у А. Янова безупречное историческое чутье)³. Он прав. В «Вече» столкнулись два крыла: те, кто старались опираться на славянофильство в его классической форме, и те, кто опирался на славянофильство третьей волны. Причем – и это я хочу подчеркнуть – «обогащенное» теми софистическими идеологемами, которые усиленно пошли в ход, начиная с 1917 года.

В. Н. Осипову было трудно. Хотя он в этом не признавался (сдержанность и скрытность – его вторая натура), по намекам и оговоркам можно было судить о силе давления третьей волны (тех славянофилов-утопистов, которые на все вопросы имели верный и единственный ответ и которые готовы были загонять сомневавшихся в свой «рай» хоть кнутом. Что этот «рай» должен быть построен еще при их жизни, разумелось само собой.).

Я, конечно, говорил Владимиру Николаевичу о своем отношении к тем или иным статьям. Особенно, если считал какую-нибудь из них

³ Правда, оно начинает изменять ему, когда он подыскивает ключи к энигмам настоящего. Не помню, было ли это радио- или теле-интервью, но его «находки» свидетельствовали, что существование в американско-европейской системе координат есть в то же время существование в системе иной ментальности, чем наша. Далекое не видится на расстоянии.

антиславянофильской по духу, хотя и перенасыщенной славянофильской фразеологией. А таких статей появлялось со временем все больше. Он в ответ ссылался на то, что как главный редактор должен соблюдать принцип равнопредставительства, давать высказаться всем, чтобы избежать расколов и смуты в таком небольшом кругу единомышленников. Смущало меня и другое: низкий уровень художественного раздела журнала. Не помню – была ли в нем проза, но стихи были настолько тенденциозно-аллегоричны, что оказывали «Вече» плохую услугу: они наглядно свидетельствовали о низких творческих возможностях поэтов, принимающих славянофильство. А этого следовало остерегаться: ведь в журнале важны не только прямые (публицистические), но и косвенные (художественные) способы влияния на читателей.

Смущал меня также и избыток конфессиональных материалов, что, на мой взгляд, не шло на пользу журналу – верующим эти материалы были не нужны, а неверующим казались непонятными и «экзотичными». Наверное, такая оценка была продиктована моим слишком светским славянофильством, предполагающим постепенное – учитывающее мотивы и установки личности – принятие православного учения. От которого отучали и от которого отвыкали. Мне кажется, что я был в этом отношении прав: данные социологического опроса в 1989 г. свидетельствуют, что в РСФСР верующими себя считали процентов 30 взрослого населения. Вряд ли во времена «Вече» верующих было больше.

Как я уже говорил, анализ материалов журнала, издававшегося В. Н. Осиповым, проведен и корректно, и добросовестно, и убедительно. Но с одним предположением А. Янова я не могу согласиться. Не могу, хотя и не сумею доказать правомерность и своего утверждения.

А. Янов считает, что журнал как почти легальный существовал из-за того, что его прикрывали сверху. В. Н. Осипов намекал на это, но лишь намекал. Избегая говорить подробно. Спрашивать и расспрашивать я не считал возможным – это считалось явным нарушением диссидентских правил. И спрашивающий, и отвечающий знали – чем больше говоришь и знаешь, тем быстрее получишь срок.

Если такое прикрытие и было, то оно шло через цепочку посредников. И, думаю, не очень короткую. И вряд ли обеспечивающую чистоту и точность связи: к естественным шумам могли добавляться и искусственные – борьба честолюбий, завышение престижа и социальной роли, блеф, дезинформация. И можно только догадываться, насколько договаривающиеся стороны не понимали друг друга, делая вид, что понимают.

Если такое прикрытие и было, то вряд ли это было прикрытие сторонников. Там, наверху, их не бывает. Ни в каком качестве. Там шла игра, ставки были крупные – клась, карьера и их спутника – деньги. «Вече» было весомой (может быть, и козырной) картой в этой игре. Но

карта могла быть и иной. Хотя и не совсем, поскольку в двоящуюся карту удобно было играть: она позволяла шулерам вывернуться и доказать, что они не передергивали, что на кону – все те же настоящие госзнаки узаконенной веры, а не какая-нибудь запрещенная валюта.

Знаю – А. Янов может возразить: «Да обратите же внимание на согласованность взлетов и падений тех, кто имел хоть какую-нибудь властичку, с судьбами журналов? И с судьбой «Вече», в частности? Неужели в этом нет никакой закономерности?»

Наверное, есть. И все-таки допускать, что честность, добрая воля и знания присущи и этим взлетающим и падающим благодетелям – значит слишком хорошо о них думать.

Самое трудное для меня – это вопрос об участии в журнале. Если бы под руками были экземпляры «Вече» – я бы точно указал, какие из статей мой (неполный комплект журнала я отдал собирателям диссидентских архивов).

Хорошо помню, что была напечатана статья о теории пассионарности Л. Н. Гумилева, а также о Китае – «культурная» революция и прогнозы развития страны (но это, по-видимому, не та статья, о которой упоминает А. Янов). Я напечатал в «Вече» статью о журнале «Новый мир» (кажется, в связи с его закрытием) и статью об «Августе 14-го» А. И. Солженицына (как мне рассказывал В. Н. Осипов, А. И. С. не очень-то одобрил оценку его романа).

Были еще напечатаны и реплики-фельетоны (сколько – не помню, темы – политические и литературные). В одном из последних номеров журнала (№№ 10–12?) напечатал полемическую статью (название полностью ушло из памяти) – в ней спорил с авторами тех статей, которые, как я считал, нежелательны для «Вече» и роняют его авторитет.

ЛИНГВИСТИКА

Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2004

В данной статье ставится задача рассмотреть правомерность противопоставления прямой и непрямой коммуникации. Читая работы, посвященные имплицитности, импликатам, косвенным речевым актам, речевым импликатурам и т.п., трудно усомниться в том, что понятие непрямой коммуникации – это очень полезное и удобное обобщенное понятие как для теоретических изысканий, так и для практического анализа речи. Однако представляется, что лингвисты совершенно справедливо призывают к тому, чтобы сначала прояснить понятие коммуникации. Конечно, оно чрезвычайно популярно в настоящий момент. См., напр., [Анисимова 2003], [Лаундес 2002], [Любимов 2002], [Персикова 2002], [Тимашева 2004], [Шарков 2003]. Можно даже сказать, что оно имеет статус модного понятия – будучи иностранным словом, для среднего носителя русского языка оно звучит несколько экзотично и гораздо более научно, чем слово “общение”. При этом оно довольно неопределенно, а значение его несколько размыто, по-видимому, именно из-за популярности и широкого употребления в самых различных сферах. “В технике связи, например, под коммуникацией понимается процесс кодирования и передачи сообщения от источника информации к ее получателю. В обиходе этим словом иногда называют совокупность средств, предназначенных для транспортировки чего-либо (трубопроводы, канализация, транспорт, телефонные сети и т.п.). Часто этим же словом называют и процесс обмена сообщениями, мыслями, знаниями между людьми. В этом смысле коммуникация понимается как вид человеческой деятельности, аналогичный деятельности общения” [Агеев 2002, раздел “Общение и коммуникативная деятельность человека”].

В этой связи можно отметить, что в вузах появилась новая специальность “Лингвистика и межкультурная коммуникация” – во многих институтах и на факультетах иностранных языков студентов обучают специальности “межкультурная коммуникация” (ср., напр., название “факультет иностранных языков и международной коммуникации” в некоторых университетах). Бросается в глаза также и тот факт, что в последнее десятилетие активно развивалось все лексическое гнездо слов

с этим корнем: наряду со словами “коммуникация”, “коммуникативный” употребляются и “коммуникант”, и “коммуникатор”, и “коммуникационный”, глагол “коммуницировать”, существительное “коммуницируемость”, появилась новая наука коммуникативистика, поэтому, наверное, можно говорить о коммуникативистских (коммуникативистических?) подходах к решению проблем. Авторы, пишущие об этой проблематике, подчеркивают разный смысл паронимов “коммуникативный” и “коммуникационный”, “коммуникант” и “коммуникатор”, что свидетельствует о стремлении упорядочить лексику, относящуюся к этой проблематике. Например, в одном только пособии под названием “Очерк американского коммуникативного поведения” можно встретить следующие словосочетания со словом “коммуникативный”: ~ культура, ~ нормы, ~ традиции, ~ шок, вербальное/ невербальное ~ поведение, возрастное ~ поведение, личностное ~ поведение, ~ сознание, стандартная ~ ситуация, ~ категории, ~ сфера, ~ действие, параметр ~ поведения, ~ признак, ~ факт, ~ фактор, активные/ реактивные ~ действия, ~ стратегия, аспект ~ поведения, ~ мышление, продуктивное/ рецептивное/ реактивное/ нормативное/ ненормативное ~ поведение, ~ табу (жесткие и мягкие), ~ императивы, ~ допущения и т.п. [Очерк... 2001].

Однако следует признать, хоть это и прискорбно, что зачастую вышеупомянутые выражения “межкультурная коммуникация”, “международная коммуникация” в названиях учебных заведений подразумевают не намного больше, чем просто традиционное изучение иностранного языка, которое всегда по необходимости (можно даже сказать “по определению”) сопровождалось изучением некоторых страноведческих и культурологических аспектов его функционирования. “Филологические дисциплины по своей онтологической сущности предполагают культуроведческий аспект как неременный органический компонент методологической и операционно-исследовательской базы в обосновании предмета изучения, в описании категориального аппарата (в его системности), в освещении и анализе теоретических, исследовательских, научно-практических проблем и задач каждой из отраслей филологической науки. Это обусловлено последовательной антропоцентрической направленностью филологии как системы наук, имеющих своей целью осознание действительности... в сопряжении с человеком в его повседневном, историческом и духовно-нравственном бытии.” [Бельчиков 1998]. Смысл данной цитаты не в том, чтобы утверждать, что традиционного филологического освещения культурологических аспектов изучаемого языка достаточно, чтобы выработать у изучающих этот язык достаточную компетенцию в межкультурном общении, а в том, чтобы отметить преемственность между, скажем, традиционными социокультурными и культурно-историческими аспектами филологических дис-

циплин и столь популярной и востребованной сегодня дисциплиной “межкультурная коммуникация”.

И все же, складывается такое впечатление, что во многих контекстах своего употребления слово “коммуникация” используется скорее в рекламных целях, чем для того, чтобы точно отразить содержание образования, которое дается студентам в том или ином учебном заведении. Однако названия такого рода заставляют задуматься над потребностями настоящего момента как в жизни нашей страны, так и международного сообщества, ибо они отражают стремительно меняющиеся реалии сегодняшнего дня: интенсивно происходит глобализация экономической, политической, интеллектуальной и прочих видов общественной жизни, усиливаются контакты между разными странами и народами. Глобализация проникает и в повседневную бытовую сферу, где используются новейшие достижения информационных технологий: наступила эра персональных компьютеров, интернета, массового видео; повседневной реальностью стали интернет-кафе и компьютерные клубы; невиданно распространились глобальные компьютерные сети и многочисленные www-услуги; в результате феноменально простым стало международное общение через интернет – возможность связаться со своими родственниками, близкими, друзьями по электронной почте стала делом секунд; повседневное общение в чатах также позволяет общаться между собой людям из самых различных уголков земного шара и т.п.

Можно говорить о коммуникации языковой и речевой, вербальной (словесной) и невербальной; визуальной и тактильной (в некоторых работах говорят даже об обонятельной (olfactory) коммуникации), коммуникации при помощи жестов, мимики; коммуникации при помощи различных сигнальных систем (азбука Морзе, азбука Брайля...). “Коммуникация может осуществляться средствами вторичных семиотических систем (“языки наук”, музыкальная нотация, правила игр, азбука Морзе, языки программирования в диалоге с ЭВМ) или же средствами “первичных языков” (пантомима, система жестов)” [И.Н. Горелов 1990]. И.Н. Горелов заключает свою статью тем, что констатирует: нельзя игнорировать включенность любого коммуникативного акта в совместную деятельность (ибо в результате такого редуccionистского подхода речевая деятельность начинает представляться самодовлеющей), как нельзя игнорировать и все существенные составляющие коммуникации, влияющие на выбор конкретных средств “кода”, на порождение самой “информации” и на способы и результаты ее интерпретации, на процесс коллективной деятельности и на функции когнитивных структур.

Ученые, занимающиеся семиотикой, делят знаковые системы на разные (живопись, музыка, танцы, мимика, жесты...), натуральные (коллекции минералов, следы зверей, звездное небо и т.д.) и конвенцио-

нальные, которые, в свою очередь, делятся на естественные языки (для них характерна устная и письменная речь), формальные языки (алгоритмические, информационные, специализированные (математика, логика, химия), искусственные (эсперанто, волапюк и др.)) и системы записи (нотная запись, формулы, шахматная нотация и т.д.). Поскольку знаковые системы существуют для передачи смыслов, важного для людей содержания, постольку все эти разнообразные системы опять-таки являются средством коммуникации.

Интересной работой о современной коммуникативной парадигме является [Мальковская 2004], в которой дан глубокий анализ особенностей коммуникации в современный период. Обсуждая переход к информационному обществу и подчеркнув, что этот переход был связан прежде всего с изменениями в кодировании информации, автор сочувственно цитирует М. Кастельса, который отмечает, что современная культура, как набор принимаемых на веру ценностей и норм, оказалась “захваченной электронным гипертекстом, который комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории. Электронная среда более не сводится к посланию сообщений. Сообщение есть раскодировка среды, поскольку медиасистема настолько гибка, что адаптирована для послания любого сообщения любой аудитории. Соответственно послание структурирует среду” [Кастельс 1999].

И действительно, в современных средствах коммуникации, таких, как телевидение, компьютерные сети, системы мультимедиа, несложно усмотреть одно общее свойство: все они позволяют использовать для общения невербальные знаковые системы – человек как бы возвращается к тем средствам общения, с которых началось его развитие. Это не случайно: потребность в общении на невербальном уровне предопределена самой природой человека, особенностями его сознания. В работе [Мальковская 2004] отмечается, что в условиях “информационного общества” формы кодирования/ декодирования информации, передаваемой по техническим каналам связи, становятся все более образными, графическими, абстрактными, пластичными. Похоже, что современный человек начинает говорить о мире, используя древнейшие способы кодирования информации, подобные наскальным рисункам, пластическим танцам, графическим символам. Коммуникативная среда позволяет сегодня в техническом плане реализовать и многообразные формы воздействия на собеседника, не сводящиеся только лишь к естественному языку общения. Медиалингвистический фон современного общения создает многозвучие и многоголосье, полифонию и политональность коммуникативного дискурса. Существенными здесь являются следующие

щие соображения, непосредственно касающиеся темы не прямой коммуникации: “В основе культуры информационного общества лежит принципиальная возможность *одновременного выбора* (курсив мой – М.Ф.) нескольких вариантов кодирования, передачи, восприятия и творческой переработки информации”. [Мальковская 2004, с. 40]

В работе далее подчеркивается, что речь идет о проблеме декодирования и узнавания посылаемых образов, имеющих медиалингвистическую природу, и распознавания на уровне не столько логическом, сколько эмоционально-интуитивном. В пространстве коммуникации все активнее заявляет о себе то, что автор называет собственно семантической составляющей, т.е. “языки” коммуникации, ее символика, полихромные эффекты, расширяющие, таким образом, диапазон эпистемологических фильтров, опосредствующих коммуникацию, более того, способных циркулировать без конкретного “адресата”.

Этот акцент на ключевом моменте – принципиальной возможности одновременного выбора нескольких вариантов кодирования, передачи, восприятия и переработки информации – по-видимому, совпадает с одним из тех факторов, которые дают основание лингвистам говорить о первичности не прямой коммуникации [Дементьев 2000]. С точки зрения когнитивно-психологической можно опять-таки говорить о различных каналах восприятия коммуникации – визуальном, слуховом, образном, символическом, фигуральном, метафорическом, аллегорическом (т.е. о разных вариантах восприятия по различным семиотическим каналам), если иметь в виду собственно способности человека к восприятию окружающей среды, и банально-бытовом, научно-интеллектуальном, художественно-эстетическом, стилистическом, если говорить о возможных подходах к интерпретации получаемой информации.

И в самом деле, яркий пример не прямой коммуникации могут представлять из себя ситуации, в которых отсутствует согласованность между различными системами передачи смысла, используемыми коммуникантами: скажем, между жестиком или языком знаков, с одной стороны, и собственно словесным наполнением высказывания, с другой. На этом основаны многие комические ситуации в кинематографе, например, ситуация, в которой общаются три персонажа, из которых двое – они братья – знают язык глухонемых, а третья – девушка, в которую влюблен тот из них, который владеет и обычной человеческой речью, т.е. не является глухонемым – языком глухонемых не владеет (комедия “Четыре свадьбы и одни похороны”). Глухонемой, уверенный в том, что мало кто знает язык глухонемых, позволяет себе, если можно так выразиться, “называть вещи своими именами”, однако некоторые знаки этого языка выглядят довольно откровенно (да и использует он их для упоминания некоторых интимных моментов отношений между двумя

своими собеседниками), так что его брату, которому приходится переводить его “высказывания” в обычную словесную форму, чтобы сделать их понятными для присутствующей девушки, приходится весьма сильно изошряться, по ходу дела “сочиняя” им пристойную, но не всегда правдивую интерпретацию, чтобы не оскорбить чувства собеседницы.

Довольно забавна в этом смысле старинная шутка, в которой один из общающихся строго спрашивает другого: “Сколько вас?” “Один”, – робко отвечает “допрашиваемый”, при этом уверенно показывая два пальца – характерный русский жест, означающий “два”. “Где второй?” – так же строго продолжает спрашивающий. “Не знаю”, – испуганным тоном отвечает тот, кого спрашивают, при этом уверенно и недвусмысленно показывая указательным пальцем в том направлении, в котором, как можно предположить, убежал его товарищ. Трудно сказать, какой смысл в данной ситуации следует считать прямым, а какой косвенным: и слова, и жесты говорящего однозначны и недвусмысленны, однако смысловые отношения между ними, как может показаться на первый взгляд, никак не согласованы. На самом деле они очень тонко оттеняют друг друга, а взаимоотношения между ними создают новые смыслы (скажем, некоторое представление о человеке, который способен таким образом одновременно “подавать” совершенно разные, полностью противоречащие один другому типы информации, т.е., выражаясь обыденным языком, так умело и изошренно лгать). При этом кажется более правдоподобным, что носители языка все-таки сочтут информацию, передаваемую жестами, как косвенную, т.е. как непрямую коммуникацию.

Такого же рода рассогласованность (отсутствие конгруэнтности) может существовать и между собственно языковыми аспектами коммуникативного акта: между интонацией и тембром высказывания, с одной стороны, и его лексическим составом, с другой. В качестве примера могу привести ситуацию, которой сама была свидетелем. Разговор происходил по телефону, поэтому наблюдать невербальные компоненты ситуации у одного из собеседников было невозможно, но зато можно было сосредоточиться на собственно звуковой стороне высказывания. При прослушивании разговора бросался в глаза контраст между интонацией удивления (для говорящей, которая хорошо знала контекст экзаменов, по-видимому, было неожиданным то, что она услышала, поскольку она ожидала от своего собеседника скорее провала, чем успеха) и лексико-грамматическим содержанием реплики, в которой выражалось поздравление:

— Ну, как твои дела?

— Да вот, сдал экзамены (далее шел перечень экзаменов и довольно высоких оценок за них).

— О! (с интонацией удивления) Ну я за тебя так искренне рада! (также с интонацией удивления)

Один из важнейших компонентов высказывания, благодаря которому в данном случае создается впечатление неискренности говорящей – это как раз контраст между интонационным оформлением, которое сигнализирует непроизвольное удивление говорящей, и фразой “искренне рада”, которая, строго говоря, должна была бы быть произнесена с радостной интонацией.

Можно представить себе множество сочетаний такого рода из несогласующихся между собой, или не вполне соответствующих одна другой, или противоречащих одна другой по своей стандартной семантике единиц разных языковых уровней. Одной из довольно обычных ситуаций, изображаемых в кинематографе, например, является такая, в которой герой и героиня говорят о самых обыденных вещах, но таким голосом, с таким тембром и с такими интонациями, что читателю становится совершенно очевидно, что они влюблены друг в друга, но пока что боятся или находят по каким-то причинам невозможным в этом признаться (т.е. то, что психологи называют “сенсорной очевидностью”). Так же легко можно представить себе ситуацию, когда “ласковый” текст произносится с угрожающими интонациями. Некоторые сочетания такого рода стали конвенционализированы в языке: это, например, употребление бранных выражений (подлец, негодяй, сволочь, урод и т.п.) в ласковом смысле при фамильярных отношениях между собеседниками и другие явления подобного рода.

Понятно, что важным фактором здесь является то, что очень многие вещи в жизни человеческого сообщества либо самоорганизуются в семиотические системы, либо могут трактоваться как таковые. Широко известным примером является система цветообозначений и тот культурно специфический смысл, те импликации, которые несут в себе определенные цвета для представителей того или иного народа (например, белый цвет для китайцев и для русских). Точно так же можно рассматривать культурно специфический смысл различных растений, цветов, типов костюма (неслучайно в деловом мире, например, существует понятие *dress code* – то есть правил, согласно которым одеваются для работы сотрудники данной фирмы, компании и т.п. Как иллюстрацию можно взять некоторые фразы, объясняющие необходимость единого кодекса одежды для данной компании или фирмы: ‘...*dressing for success today means paying attention to your corporate culture*’; ‘...*we request that some types of clothing not be sported in the office*’; ‘...*projecting the appropriate image of a professional.*’).

Однако оказывается, что даже в тех ситуациях, когда мы ограничиваемся рассмотрением всего лишь одного языкового уровня (например,

синтаксиса), мы можем столкнуться со значительным количеством возможных интерпретаций “одной и той же” языковой единицы. С приходом компьютерных методов обработки языковых материалов и активизацией разработок в области искусственного интеллекта, машинного перевода и т.п. увеличилась тенденция к “эксплицированию” возможных скрытых смыслов и подтекстов. Строго говоря, для того, чтобы “понять” текст или предложение, компьютер должен иметь детальное исчерпывающее описание всех его возможных интерпретаций, что, как выяснилось, представляет колоссальную трудность. На взгляд среднего здравомыслящего носителя языка иногда может показаться, что компьютерщики чересчур тщательно подходят к выявлению всех теоретически возможных синтаксических конструкций, которые могут быть приданы (приписаны) одному и тому же предложению, либо всех теоретически возможных значений одной и той же грамматической структуры, причем значений, которые, как правило, в голову среднему носителю языка просто не приходят.

Так, в компьютерной программе, разработанной в Гарварде в 1960-х годах для синтаксического анализа предложений, есть знаменитый пример: *Time flies like an arrow*. На первый взгляд, это предложение кажется вполне недвусмысленным, если не обращать внимание на разницу между буквальными и метафорическими, т.е. фигуральными значениями слов, что не имеет к синтаксису никакого отношения. Однако, по словам Стивена Пинкера, автора книги “Язык как инстинкт” [Пинкер 2004: 199]), который описывает этот эпизод, вездливый компьютер (скорее всего, все-таки работающие на нем программисты) обнаружил, что данное предложение может быть манифестацией пяти разнообразных синтаксических конструкций (то есть иметь пять различных синтаксических “деревьев”):

1. “Время летит как стрела” (изначально подразумеваемое значение, при котором слово “время” – это подлежащее, выраженное существительным, “летит” – сказуемое, выраженное глаголом, и т.д.);
2. “Отмечайте по времени (т.е. хронометрируйте) скорость мух таким же образом, как вы измеряете скорость стрелы” (предложение в повелительном наклонении, в котором *time* – это глагол в императиве, *flies* – прямое дополнение, выраженное существительным “муха” во множественном числе);
3. “Измеряйте скорость мух таким же образом, как стрела измеряет скорость мух” (это опять-таки предложение в повелительном наклонении, но слово ‘like’ относится здесь к подобию между тем, каким образом человек может хронометрировать полет мух, и тем, как это может сделать стрела; в предыдущем же предложении уподобление

производилось между объектами хронометрирования – мухами и стрелой);

4. “Измеряйте скорость тех мух, которые похожи на стрелу” (это снова предложение в повелительном наклонении, но в нем акцентируется форма мух – предлагается хронометрировать полет только тех мух, форма которых напоминает стрелу – мух, похожих на стрелу);
5. “Мухам определенного типа, ‘мухам времени’, нравится стрела” (в данном предложении подлежащим является нестойкое сложное существительное *time flies*, а слово *like* является глаголом в функции сказуемого; среди кибернетиков-компьютерщиков это открытие было обобщено в высказывании ‘*Time flies like an arrow; fruit flies like a banana*’ – “Мухам времени нравится стрела, а фруктовым мухам нравится банан”).

Если учесть, что в данном случае речь идет только о возможных интерпретациях синтаксической конструкции, которая является всего лишь одним из компонентов, участвующих в создании смысла высказывания (кроме этого, свою роль играют лексическое наполнение, интонационное оформление и контекстуальные связи высказывания), то можно представить себе, какое множество возможных истолкований может возникнуть на основе только лишь одной синтаксической конструкции.

Однако, представляя себе такие истолкования, нам следует учитывать не только стандартные, закономерные, имманентно присущие данной синтаксической конструкции интерпретации, принятые способы прочтения определенных языковых знаков, но и нестандартные, оригинальные прочтения, которые также возможны (например, когда игнорируются знаки препинания и подразумевается иная синтаксическая конструкция, чем та, которая обозначена в произведении). Так, например, если мы станем рассматривать чтение художественных произведений выдающимися актерами – мастерами художественного слова, то обнаружим, что они зачастую игнорируют авторские знаки препинания и создают свою, оригинальную интерпретацию. Так, например, начальные строки “Графа Нулина” звучат совершенно по-разному в исполнении А. Кторова и С. Юрского:

//Пора́, / пора́! / Рога́ / трубя́т; // (А. Кторов)

//Пора, пора́! Рога трубят; // (С. Юрский)

[Брызгунова 1984: 78]

Как видим, интерпретация А. Кторова следует авторскому синтаксическому членению, обозначенному при помощи знаков препинания; интерпретация же С. Юрского, если воспринимать ее исключительно на слух, создает несколько превратное представление о пунктуационной

аранжировке. Создается впечатление, что она была следующей: “ ‘Пора, пора!’ – рога трубят”, т.е. “Рога трубят, что пора”.

Можно также говорить про общие трудности восприятия художественной литературы изучающими английский язык. Сюда, в частности, относятся ситуации прямо противоположных интерпретаций общего контекста определенных отрывков. Так, студенты пятого курса филологического факультета (правда, специализирующиеся по кафедре прикладной лингвистики и поэтому мало знакомые с литературоведением) выбрали себе в качестве домашнего чтения рассказы современной английской писательницы Мюриэл Спарк, известного мастера иронии и сарказма. Посмотрев фильм ‘The Prime of Miss Jean Brodie’¹ (справедливости ради следует отметить, что 1) повесть, на которой основана эта экранизация, они не читали; 2) фильм поставлен не по повести Мюриэл Спарк, а по сценической версии, созданной Джей Прессон Аллен), в полном недоумении спросили своего преподавателя: “Разве главная героиня отрицательный персонаж? После того как посмотрели кино, мы прочитали рецензию на повесть и из нее узнали, что Джин Броди женщина лицемерная, неискренняя, лживая, жестокая и т.п. А почему мы сами этого не почувствовали?” В такой ситуации, естественно, встает вопрос: как научить студентов видеть тонкости, скажем, авторского отношения к герою или ситуации, как научить их понимать иронию и сарказм, которые столь часто встречаются в текстах Мюриэл Спарк?

Данный пример во многих отношениях показателен в том, что касается понимания художественной литературы и языковой специфики иностранными учащимися. Для студента-иностранца, читающего некое произведение английской литературы, очень трудно решить, является ли любое данное действие героя или героини типичным или, наоборот, экстраординарным, являются ли его поступки этичными или неэтичными с точки зрения естественного носителя языка. Например, прочитав, что героиня Моэма моет посуду и после этого чистит раковину, русские студентки решили, что это типичное действие и у английских домохозяек принято после каждого мытья посуды почистить раковину, в то время как У. С. Моэм, кажется, хотел подчеркнуть, как механически скрупулезно его героиня наводит порядок прежде чем покончить с собой.

Маргарет Дрэбл, известная современная английская писательница, в своем интервью с литературоведом Валери Гровнор Майер, исследовательницей ее творчества, приводит примеры аналогичного непонимания читателями того, что хотел сказать автор. Так, про отрывок из своего романа “Жернов” она рассказывает:

“Я помню, как читала отрывок из “Жернова” на собрании кружка любителей словесности. Это тот отрывок, где Розамунд, повествова-

тельница, описывает, как ее сестра не дает своим двум маленьким детям играть с девочкой из рабочей семьи, которая живет в конце улицы. Это довольно смешной отрывок, он хорошо подходит для чтения вслух, потому что в нем описан взятый сам по себе отдельный случай. Вся суть отрывка в том, что Розамунд в ужасе от социальных взглядов своей сестры. Предполагается, что у ее сестры социалистические взгляды, она считается социально сознательной женщиной, и она запрещает своим детям играть с этой девочкой из-за того, что она, этот отвратительный ребенок, может научить их грубым словам и грубому поведению. И я прочитала этот отрывок, и потом ко мне подошла женщина и сказала: “Я так рада, что Вы согласны со мной в том, что нельзя позволять своим детям играть абсолютно с кем попало”. Она (эта читательница) прочитала все это наоборот, она услышала все это наоборот; и, конечно же, невозможно помешать читателям делать это, и невозможно помешать читателям из других стран толковать некоторые вещи как характерные для англичан, которые я не имела в виду представить как характерные для англичан. Вы ведь не можете вставлять сноски типа “Я и в самом деле серьезно так считаю”, или другая сноска: “В этом вопросе я не согласна с повествователем своего романа”².

В этом интервью Маргарет Дрэбл также проводит аналогию между этим эпизодом и ситуацией, в которой оказался Арнольд Беннетт, когда он написал книгу о приходящей домработнице: “Это очень похоже на то, как Арнольд Беннетт написал книгу о домработнице, у которой было золотое сердце (т.е. ангельский характер). Арнольд Беннетт был очень расстроен тем, что читателям так сильно понравилась эта уборщица, в то время как он пытался показать, что ее угнетают. И он сказал: ‘Люди хотят иметь домработницу с ангельским характером, они не понимают, что я пытаюсь сказать, что ее эксплуатируют’.³ Вот какие ошибки возникают в прочтении произведения”.

Эти примеры неправильного понимания соотечественниками писателя, т.е. естественными носителями языка, того смысла, который был заложен в произведение автором, показывают, что смысл произведения реализуется на многих уровнях, причем некоторые уровни иногда не совсем адекватно воспринимаются некоторыми читателями. Такого рода примеры можно также считать утешительными, когда возникают проблемы в межкультурном общении. Логика здесь следующая: уж если естественные носители языка не понимают того, что хотел сказать автор, то студент-иностранец может успокаивать себя этим аргументом, когда какие-то аспекты текста никак не поддаются интерпретации и упорно ускользают от понимания.

Очень хорошо процесс понимания компонентов речевого высказывания, процесс, в котором на разных этапах восприятия и на разных

языковых уровнях, представленных в произведении речи, могут возникать различные варианты понимания смысла частей высказывания и всего высказывания в целом – варианты, которые в дальнейшем могут служить основой для двойственного или даже множественного понимания – представлен в работе [Лурия 1998]. Автор подчеркивает, что анализ понимания речевого сообщения составляет одну из наиболее трудных и наименее разработанных глав научной психологии и психологии познавательных процессов. Отметив разногласия в подходах к этому вопросу между различными группами психологов и лингвистов, А.Р. Лурия сосредотачивается на ключевых моментах процесса восприятия речи, например, на том, что процесс понимания начинается с поисков *общей мысли* высказывания; что процесс понимания сообщения носит сложный характер и что для него необходимы различные процессы, часть которых связана с восприятием значения слов, часть – с декодированием синтаксических правил их сочетания.

Уже на самых первых этапах восприятия сообщения возникают гипотезы или предположения (*presuppositions*) о смысле сообщения, так что центральным для процесса понимания является *поиск* смысла, приводящий к *выбору* из ряда возникающих альтернатив. Основным процессом, характеризующим акт понимания, являются попытки расшифровать значение всего сообщения, того, что создает его общую связность, или его внутренний смысл, и придает сообщению глубину, или “подтекст”. Эти попытки всегда направлены на поиск *контекста* воспринимаемого высказывания (иногда речевого, “синсемантического”; иногда внеречевого, ситуационного), без которого ни понимание целого текста, ни правильная оценка входящих в его состав элементов невозможны. А.Р. Лурия подчеркивает необходимость принимать в расчет “стратегию” слушающего, связанную с пресуппозицией, и исходить из нее. Вторым условием, совершенно необходимым для понимания речевого сообщения, является знание основных, базисных семантических или глубинных синтаксических структур, которые лежат в основе каждого компонента высказывания и выражают известные эмоциональные или логические системы отношений. Это условие выступает особенно отчетливо в тех случаях, когда глубинные структуры расходятся с внешними, поверхностными.

Заметив, что еще Л.С. Выготский указывал на решающую роль процесса перехода от внешней структуры предлагаемого текста к тому “подтексту” или *смыслу*, который заключен в речевом сообщении, А.Р. Лурия указывает, что мало понять непосредственное значение сообщения. Необходимо выделить тот внутренний смысл, который стоит за этим значением. Именно это положение и определяет тот факт, что текст может быть понят или “прочтен” с различной глубиной; глубина

“прочтения” текста может отличать различных людей друг от друга в значительно большей степени, чем полнота восприятия поверхностного содержания.

Далее автор переходит к разбору логической последовательности понимания цепочки “слово – фраза – текст – подтекст”, подчеркнув, что реальные разворачивающиеся во времени психологические процессы совсем необязательно следуют в таком порядке. Само понимание значения каждого отдельного слова, например, это сложный психологический процесс вследствие того, что каждое слово *омонимично*, причем факт омонимичности слов отнюдь не ограничивается случаями *открытой омонимичности*, т.е. омонимии в собственном смысле этого термина. Существует также и скрытая омонимичность, в качестве примера которой автор, например, приводит прилагательное “прохладный”, которое может быть отнесено к погоде или эмоциональному отношению, или прилагательное “острый”, которое может быть отнесено к иголке, дискуссии и т.д. Такую же омонимичность можно наблюдать и в других частях речи и даже в служебных словах.

Для полного психологического анализа процесса понимания слов как составных элементов высказывания необходимо учитывать, что существуют и *различные семантические уровни значения слов* и что человек, воспринимающий текст, должен каждый раз выбирать адекватный уровень значения слова, который сам может быть подвижным. Выбор нужного уровня значения слов также целиком определяется тем контекстом, в котором находится слово. Отсюда становится понятно, что было бы величайшей ошибкой считать, что слова имеют неизменное, всегда одинаковое значение. Наоборот, значение слова многозначно, и для его понимания необходим выбор предметной отнесенности, конкретного значения и смысла данного слова из многих альтернатив.

Так, первым условием, влияющим на адекватный выбор значения слова, является частотность данного слова в языке. Привычное значение слов может, например, служить помехой для изучающего иностранный язык; различная частотность определенных значений слова вызывает своеобразные затруднения и при понимании новых, неизвестных человеку слов; в этих случаях человек “семантизирует” слова, иначе говоря, пытается определить их смысл в соответствии со смыслом знакомых слов. Вторым и основным условием, определяющим выбор нужного значения слова, является речевой контекст. Иначе говоря, процесс понимания значения слова есть всегда *выбор значения из многих возможных*. Он осуществляется путем анализа того отношения, в которое вступает слово с общим контекстом, и преодоления неадекватного непосредственного понимания слова, связанного со звучанием слова, с частотой употребления того или иного значения и т.д.

Переходя к анализу понимания фраз, А.Р. Лурия отмечает, что понимание простых фраз, выражающих “коммуникацию события” (т.е. простых предложений с глаголом в действительном залоге, либо нераспространенных, либо имеющих минимум второстепенных членов), не представляет каких-либо затруднений для человека, владеющего языком. Это связано с тем, что поверхностная синтаксическая структура этих фраз не расходится с их глубинной синтаксической структурой, а порядок выражаемых во фразе событий соответствует порядку примененных во фразе слов. Определенные затруднения выступают при восприятии значения фраз в тех случаях, когда поверхностная синтаксическая структура расходится с ее глубинной структурой. Например, фразы “Петя дал сливу” и “Петя попросил сливу” при одинаковой поверхностной синтаксической структуре имеют различные глубинные структуры, и это иллюстрирует то, что понимание фраз, в которых глубинная синтаксическая структура не соответствует поверхностной, происходит со значительно большей трудностью, чем процесс понимания более простых фраз.

Еще большие трудности возникают при понимании многозначных фраз, таких, как “Петя пришел к Оле с Соней”, которая может быть понята двояко: либо как “Петя пришел к Оле вместе с Соней”, либо как “Петя пришел к Оле, которая жила с Соней”. Особенные трудности возникают при понимании сложных фраз, включающих в свой состав коммуникации отношений и использующих сложную систему управлений.

Дальнейшее описание анализа когнитивных процессов, представленного А.Р. Лурия в его лекциях, заняло бы слишком много места. Представляется, что тех материалов, которые здесь пересказаны, достаточно, что дать читателям представление о подробности, доскональности и добросовестности проводимого автором анализа, с тем, чтобы они могли в случае необходимости обратиться к этой публикации. Представляется также, что пересказ этой работы подтверждает основную мысль данной статьи, а именно: коммуникация – это чрезвычайно сложный процесс, включающий множество компонентов, поэтому говорить о прямой коммуникации – значит грешить упрощенческим подходом, а оппозиция прямой и непрямой коммуникации – это удобная абстракция, которая отнюдь не отражает реальной сложности самого процесса.

Примечания:

1. В переводе эта повесть Мюриэл Спарк называется “Мисс Джин Броди в расцвете лет”.
2. ‘...I remember reading a passage from *The Millstone* to a group, a literary society, and it’s the passage where Rosamund, the narrator, describes her sister stopping her two small chil-

dren playing with the little working-class girl down the street; and it's quite a funny passage to read aloud because it's a self-contained incident.

The whole point of the passage is that Rosamund is horrified by her sister's social attitudes, her sister, who is supposed to be a socialist and supposed to be a girl with a social conscience, is forbidding her children to play with this child because of the rude words and the rude behaviour that this nasty child will teach them.

And I read this passage, and a woman came up to me afterwards and said, 'I'm so glad you agree with me that you can't let your children play with just anybody'. And she had read the whole thing in reverse, she listened to it in reverse; and of course you can't stop a reader doing that, and you can't stop readers from other countries interpreting things as being characteristically British that I didn't mean to be characteristically British; and you can't put footnotes, 'I mean this seriously', or, footnote, 'I don't agree with my narrator at this point'.

3. 'It's like Arnold Bennett wrote a book about a charwoman with a heart of gold, and Arnold Bennett was very distressed by the fact that people liked the charwoman so much when he had been trying to point out that she was oppressed. And he said, 'People want a charwoman with a heart of gold, they don't realize that what I'm trying to say is that she's been exploited', and that's the kind of misreading that happens.'

Л и т е р а т у р а

1. *Агеев В.Н.* Семиотика. М., 2002.
2. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
3. *Бельчиков Ю.А.* Культуроведческий аспект филологических дисциплин. Филологические науки. N 4, 1998.
4. *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
5. *Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М., 2000.
6. *Горелов И.Н.* Коммуникация //Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
7. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации. М., 2003.
8. *Дементьев В.В.* Фатические речевые жанры. Вопросы языкознания. № 1, 1999.
9. *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
10. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
11. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
12. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
13. *Крижанская Ю.С., Третьяков В.П.* Грамматика общения. М., 1999.
14. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
15. *Лаундес Л.* Как говорить с кем угодно и о чем угодно. Психология успешного общения. Технологии эффективных коммуникаций. М, 2002.
16. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1998.
17. *Любимов А.Ю.* Мастерство коммуникации. М., 2002.
18. *Мальковская И.А.* Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М., 2004.
19. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001.
20. *Персикова Т.Н.* Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М., 2002.
21. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
22. *Тимашева О.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2004.

23. *Шарков Ф.И.* Основы теории коммуникации. М., 2003.
24. *Pinker S.* The Language Instinct. Penguin Books, 1995.
25. *Wierzbicka A.* Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

Глоттальный взрыв и «смежные явления»¹

© кандидат филологических наук Е. М. Мешкова, 2004

Глоттальный взрыв – фонетическое явление, характерное для ряда английских диалектов, обычно оно ассоциируется с кокни (лондонским просторечием), но встречается и в стандартном произношении британского варианта современного английского языка. Согласно Гимсону, «при произнесении глоттального взрыва преграда воздушной струе образуется смыканием голосовых связок, и таким образом пресекается поток воздуха в надгортанные полости. Сжатый под связками воздух высвобождается при их внезапном размыкании. Глоттальный взрыв воспринимается на слух как внезапное прекращение артикуляции предшествующего звука или как внезапное начало артикуляции последующего звука»². Глоттальный взрыв может либо предшествовать ударному гласному (например: «[ʔ]art»), что нередко имеет место при эмфатическом произнесении слова в стандартном произношении, либо произноситься перед согласным (например: «tha[ʔ]t»), либо вместо согласного в слогоконечной позиции (например: «tha[ʔ]») вместо «that»), последнее характерно главным образом для диалектов³.

Тем не менее, многие лингвисты⁴ пишут о том, что в течение последних десятилетий все чаще наблюдается замена глоттальным взрывом сильных взрывных согласных [p], [t], [k] в слогоконечной позиции,

¹ Термин «смежные явления» употребляется в лексикологии по отношению к явлениям, смежным с омонимией (полисемия, паронимия, фонестемика), поскольку для них, как и для омонимии, характерно отсутствие простого однозначного соответствия между выражением и содержанием (см. *Виноградов В. В.* Об омонимии и смежных явлениях // *Вопросы языкознания.* 1960. № 5. С. 3-17; *Назарова Т. Б.* Филология и семиотика. М., 1994). Представляется возможным использовать этот термин и по отношению к рассматриваемым здесь фонетическим явлениям.

² См. *Gimson A. C.* An Introduction to the Pronunciation of English. London, 1970. P. 167.

³ В настоящее время в экспериментальной фонетике поднимается вопрос о том, сходен ли сам физиологический механизм образования глоттального взрыва (а также и так называемой глоттализации, или сужения голосовой щели, сопровождаемого нерегулярными колебаниями голосовых связок) в слогоначальной и слогоконечной позициях (см. об этом *L. Dilley, S. Shattuck-Hufnagel, M. Ostendorf.* Glottalization of Word-Initial Vowels as a Function of Prosodic Structure // *Journal of Phonetics.* 1996, Vol. 24. No. 4. P. 423-444). Однако в данной статье, следуя традиционной точке зрения (см., например, *Gimson A. C.* Ibid.), глоттальный взрыв в обеих позициях рассматривается как один и тот же звук.

⁴ См., например, *Roach P.* English Phonetics and Phonology. Cambridge Univ. Press, 2000; *Ramsaran S.* RP: fact and fiction // *Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative volume in honour of A. C. Gimson.* Ed. by S. Ramsaran. London, 1991. P. 178-187; *Barzycka R.* Glottalization in Present-Day RP, a Dynamic Approach // *Acta Univ. wratislaviensis.* Wrocław, 1991. No. 1061. Anglica wratislaviensis, No. 17. P. 13-24 и др.

особенно в речи молодого поколения англичан. С одной стороны, данное явление как бы приобретает статус нового стандарта произношения, поскольку его можно услышать на радио и телевидении, в речи политических деятелей и т. п. С другой стороны, отмечается его нерегулярность⁵.

Исследование глоттального взрыва осложняется тем, что помимо глоттального взрыва как такового при аудиторском анализе звучащей речи обнаруживаются явления, которые можно было бы назвать «смежными» с глоттальным взрывом, поскольку они производят на слух сходное впечатление. К таким явлениям можно отнести потерю аспирации взрывными согласными на конце слов (нередко вплоть до полного отсутствия взрыва) и пропуск конечного согласного. К «смежным» явлениям можно отнести и так называемые эйективные согласные, при произнесении которых голосовая щель закрыта, воздух сжат между ротовой и гортанной смычками и на стадии эксплозии ротовая смычка раскрывается, а голосовая щель остается закрытой; высвобождающаяся при этом струя воздуха инициируется не в легких, а в гортани.⁶ Подобные согласные характерны для северных диалектов Англии и в данной статье рассматриваться не будут.

«Смежные» явления наблюдаются в разных функциональных стилях⁷ (как в обиходно-бытовом, так и в интеллективном) и в различных диалектико-вариантных вариантах английского языка (в британском и американском). В американском варианте, как правило, потеря аспирации встречается чаще, что, возможно, объясняется меньшей степенью напряженности артикуляции по сравнению с той, которая характерна для британской произносительной нормы.

В данной статье будут рассмотрены «смежные явления» в обиходно-бытовом и интеллективном стилях британского варианта и в обиходно-бытовом стиле американского варианта. В британском материале обиходно-бытовой стиль представлен устными рассказами-автобиографиями и рассказами об образовательной системе Великобри-

⁵ См., например, *Roach P. Ibid.*

⁶ См. *Gimson A. C. Ibid.*

⁷ Здесь принимается традиционное в отечественной англистике разграничение основных функциональных стилей в соответствии с тремя функциями языка – общения, сообщения и воздействия (См. *Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1968; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 456; Gvishiani N. B. Lexical Structures and Discourse // Folia Anglistica. M., 1997. No. 2. Language: Structure and Variation. P. 4-33; Lipgart A. A. Functional Stylistics: A Thing of the Living Present (Editorial) // Folia Anglistica. M., 1997. No. 1. Functional Stylistics. P. 5-10). Принимается и разграничение между функциональным стилем и регистром; последний определяется как разновидность языка, используемая в конкретной ситуации общения (“situationally distinct uses and varieties of language” – см. подробнее *Gvishiani N. B. Ibid.*).*

тании,⁸ интеллективный стиль представлен лекционным регистром. В американском материале обиходно-бытовой стиль представлен рассказами-автобиографиями и чтением вслух диалогов. Аудиторскому анализу подвергалась речь образованных носителей языка: профессоров, преподавателей английского языка и литературы, писателей, а также студентов из университетов Великобритании и США, проходивших стажировку в московских вузах.

Прежде чем приступить к анализу материала, скажем несколько слов о связи глоттального взрыва и «смежных явлений». Как показывают экспериментальные исследования⁹, глоттальный взрыв (произносимый перед взрывными согласными или вместо них) имеет тенденцию появляться в тех фонетических контекстах, где отсутствует аспирация¹⁰ (перед взрывными и носовыми согласными). Потеря аспирации свидетельствует об ослаблении артикуляторных усилий, которое может затем привести либо к дальнейшему ослаблению согласного с «включением» голоса (озвончение), что имеет место в американском варианте английского языка, либо к пропуску согласного вообще (что наблюдается главным образом перед паузой) или к замене его глоттальным взрывом, т. е. к замене ртовой смычки смычкой в гортани¹¹. Последнее характерно в первую очередь для кокни: [ˈbeʔə] вместо [ˈbetə] (better) воспринимается как черта диалектной речи.

Аспирация в английском языке нерегулярна. Традиционно считается, что она зависит от позиции согласного: самая сильная аспирация наблюдается в слогоначальной позиции перед ударным гласным, в других позициях она слабее, а определенных случаях исчезает вовсе (например, после [s], то есть в сочетаниях [sp], [st], [sk], или перед другим взрывным или носовым)¹². Для нормы английского языка (британский вариант) в позиции конца слова возможны три реализации взрывных согласных: взрыв с аспирацией, взрыв без ощутимой на слух аспирации

⁸ Данная разновидность обиходно-бытового функционального стиля приближается к интеллективному стилю. О функционально-стилистической неоднородности в пределах одного стиля см. *Lipgart A. A. Ibid.*

⁹ См., например, *Kohler K. J. Glottal Stop and Glottalization. A Prosody in European Languages // Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel 30, 1996. P. 207-216.*

¹⁰ Аспирация – «трение воздуха о голосовые связки, создаваемое сужением междужевочной щели без напряжения мускулатуры» (*Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 355.*)

¹¹ Ряд ученых объясняют это действием принципа экономии произносительных усилий: перерыв в фонации, характерный для глухих (сильных) согласных осуществляется посредством перенесения смычно-взрывной артикуляции в гортань. См. об этом подробнее *Kohler K. J. Ibid.*

¹² См., например, *Gimson A. C. Ibid.; Торсуев Г. П. Константность и вариативность в фонетической системе (на материале английского языка). М., 1977.*

и отсутствие взрыва (согласный пресекается на стадии смычки)¹³. Ниже будут рассмотрены случаи потери аспирации (иногда вплоть до полного отсутствия взрыва) на конце слова – там, где это явление может напоминать замену ротового согласного глоттальным взрывом.

Рассмотрим случаи потери аспирации в британском варианте. Приведем несколько примеров из обиходно-бытового стиля:

«My 'job involves a lot [t̄]¹⁴ of /travelling, and recently I've /worked [-kt] in 'France, 'Austria and \Italy».

Как видим, потеря аспирации здесь нерегулярна: один и тот же звук [t] в почти одинаковых условиях (перед гласным в последующем слове) в одном случае (“lot”) теряет аспирацию, а в другом – нет (“worked”). Возможно, это отчасти объясняется убыстрением темпа на словах “a lot of travelling”, и в результате слово “lot” оказывается фонетически ослабленным (“phonetically degraded”). Кроме того, предлог “of”, редуцированный до [v], произносится фактически во время долгой выдержки [t̄], поскольку конечный [t] в “lot” и начальный [t] в “travelling” почти сливаются, поэтому потеря аспирации здесь вполне оправдана. Слово “worked”, напротив, оказывается в фонетически сильной позиции, так как на нем реализуется восходящий тон, и аспирация конечного [t] сохраняется.

Однако тон не всегда влияет на наличие или отсутствие аспирации:

«In a few areas children are actually selected according to the level of 'academic [k̄] attainment [t̄]».

В данном случае потеря аспирации происходит как на ровном тоне перед безударным гласным в последующем слове ([-demik̄ ə-]), так и перед паузой после низкого нисходящего тона (attainment [t̄]). Рассмотрим еще два примера:

«And then they decide whether they want to stay on and take [teik̄] \[[?]]A levels».

«And depending on the result of the exam which they take at eleven years they would go to a grammar school which runs more kind of academic courses for students, or to secondary modern which offers more general education».

В первом примере аспирация отсутствует (take [teik̄]), в другом примере аспирация сохраняется, причем в том же самом слове (take). В первом случае слово произносится на высоком ровном тоне, во втором – на низком ровном тоне, все придаточное предложение (“which they take at eleven years”) произносится в низком диапазоне, громкость слегка понижена, и придаточное функционирует здесь как парентетическое

¹³ См. *Gimson A. C. Ibid.*

¹⁴ [t̄] – обозначение неаспирированного согласного (см. *Wells J. C., Colson G. Practical Phonetics. London, 1971.*)

внесение¹⁵. Но в первом случае аспирация как бы «пресекается» глоттальным взрывом¹⁶ перед ударным дифтонгом [eɪ] (“A levels”), который выделяется высоким нисходящим тоном, во втором случае слабая аспирация конечного [k] в “take” сохраняется перед гласным в следующем предлоге (“at”).

Как показало исследование, потеря аспирации наблюдается как при убыстрении, так и при замедлении темпа (когда человек как бы задумывается над тем, что он хочет сказать дальше). Например:

«...you go to primary school what’s called from... эм...probably when you’re four or five until you are about [t̄]... ten, eleven».

В данном случае потеря аспирации происходит перед паузой нерешительности (“until you are about [t̄]...”)¹⁷ и темп к концу предложения замедляется. «Смежность» потери аспирации и глоттального взрыва выступает особенно наглядно в тех случаях, когда трудно с точностью определить, какой именно звук был произнесен, например:

«...you go to different [t̄] universities depending on the grade that you get [get̄/?]».

В данном примере наблюдается потеря аспирации в середине предложения (“to different [t̄] Universities”), а в конце предложения трудно установить, был произнесен неаспирированный согласный или глоттальный взрыв (“you get [get̄/?]”).

Выше были разобраны случаи потери аспирации в обиходно-бытовом стиле. Данное явление наблюдается и в лекционном регистре, хотя не столь часто, как в разговорной речи, и далеко не у каждого лектора.

«It’s always interesting to find out [t̄] | how other people live in other parts of the world. But [t̄],| another very important point is useful for comparison with your own | [ʔ]or [ʔ]other cultures, as well. And Christmas is a very good example, because this festival is celebrated in all sorts of different ways in any country».

Пример взят из лекции-презентации: автор рассказывает о собственных учебниках по английскому языку и культуре. Потеря аспирации конечного [t] встречается в данном отрывке дважды и оба раза перед паузой. Во втором из этих случаев аспирацию теряет согласный в союзе

¹⁵ Подробно о просодии парентетических внесений см. Долгова О. В. Семиотика неплывной речи. М., 1978; Долгова О. В. Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980; Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.

¹⁶ Фактически, здесь имеет место стык двух взрывных: [k] и глоттального взрыва, а на стыке двух взрывных первый из них, как известно, теряет эксплозию. Следовательно, потеря аспирации перед глоттальным взрывом фонетически оправдана, хотя и наблюдается не всегда.

¹⁷ Подробнее о паузах нерешительности см. Долгова О. В. Семиотика неплывной речи. М., 1978; Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.

“but”. Вероятно, говорящий хотел привлечь внимание слушателей к тому, что сказано после союза, отсюда повышение громкости на “but” и пауза после него. Потерю аспирации вряд ли можно рассматривать как одно из средств эмфазы, в отличие от глоттального взрыва, который здесь употребляется именно в таком качестве (“[^ʔ]or [^ʔ]other cultures”)¹⁸. Возможно, отсутствие аспирации связано с паузой: прекращение фонации как бы прерывает аспирацию. Однако в речи этого лектора подобное происходит лишь иногда. В следующем отрывке подчеркнутые согласные сохраняют аспирацию, несмотря на паузы:

«Now, this is an extremely important part of language teaching. And this stands out because English now is, in fact, the international language. Now, what that means is that | 'English is used when talking to people who are not | native English people».

Последнее предложение произносится медленно, на “that” тон повышается, затем следует пауза, “English” произносится на высоком ровном тоне, как если бы это было начало предложения, “not” выделяется высоким нисходящим тоном. Очевидно, говорящий имел целью подчеркнуть то обстоятельство, что английский язык в настоящее время используется как средство международного общения. Возможно, именно эмфаза способствует тому, что все конечные согласные произносятся четко и аспирация сохраняется.

Как показывают наблюдения, требуется определенный уровень аспирации, чтобы она воспринималась слушающим. Другими словами, существует порог слышимости, ниже которого аспирация не слышна, хотя все звуки воспринимаются достаточно отчетливо:

«And it really matters to me that it sounds right, that it sounds right with the upper words of a paragraph, and what it looks like matters, too, sometimes».

Эти слова из выступления писательницы, рассказывающей о своем творчестве, были произнесены в отдалении от микрофона и не слишком громко: в результате все сильные взрывные в этом отрывке звучат как неаспирированные. Слабая аспирация хорошо прослушивается тогда, когда говорящая повышает громкость:

«There is always going to be people who are better than You. But You are the only person who can write in the way that You can write».

Итак, как показал рассмотренный здесь материал, аспирация слогоконечных взрывных в британском варианте современного английского языка нерегулярна, причем не только в обиходно-бытовом, но и в интеллективном стиле, хотя в последнем аспирация сохраняется чаще. В

¹⁸ Подробнее о глоттальном взрыве как о дополнительном средстве выражения эмфазы см. *Мешкова Е. М.* Глоттальный взрыв в речи дикторов Би-би-си // *Язык. Сознание. Коммуникация.* М., 2003. Вып. 25. С. 141-150.

ряде случаев была обнаружена зависимость наличия/отсутствия аспирации от общего уровня громкости речи, а также от наличия глоттального взрыва перед гласным следующего слова. В то же время, не было установлено четкой зависимости между наличием/отсутствием аспирации и темпом, а также движением тона. В некоторых случаях потеря аспирации наблюдалась перед паузами. Однако чтобы делать конкретные выводы, необходимо более детальное изучение данной проблемы.

Потеря аспирации может рассматриваться как «первый шаг» на пути к полному отсутствию ротового согласного или замене его глоттальным взрывом, поскольку, как уже отмечалось выше, потеря аспирации – результат ослабления артикуляции. Дальнейшее ослабление артикуляции под воздействием механизма «экономии произносительных усилий» может привести к глоттальному взрыву. В связи с этим представляется возможным говорить об ослаблении артикуляции сильных взрывных согласных в слогоконечной позиции как о тенденции в произносительной норме британского варианта современного английского языка. В ряде случаев вариативное произношение взрывных согласных – варьирование в пределах нормы, но иногда варьирование переходит в субстандарт (если вместо обычного согласного произносится глоттальный взрыв).

Заметим, что на практике обучения английскому произношению имеет смысл настаивать на том, чтобы учащиеся аспирировали сильные взрывные во всех позициях, за исключением тех случаев, где она явно отсутствует (т. е. в сочетаниях [sp], [st], [sk] и после первого взрывного в сочетании двух взрывных, где эксплозия первого согласного «перекрывается» смычкой второго).

Обратимся теперь к другому «смежному» явлению. Приведем пример из интеллективного стиля: из доклада-презентации на международной конференции. В речи выступающего иногда встречается звук, похожий на глоттальный взрыв, но другого места образования: говорящий просто закрывает рот, «обрывая» концы слов, например:

«There is an idea that when you teach a word, you teach around five [faɪ] collocations with the word you teach».

Конечный согласный [v] в слове “five” не произносится: говорящий закрывает рот, резко прекращая фонацию, что и обозначено в транскрипции знаком [ɪ]. Как и потерю аспирации, этот звук можно отнести к явлениям, «смежным» с глоттальным взрывом, поскольку, как уже было сказано выше, они могут производить слуховое впечатление, сходное с тем, которое производит глоттальный взрыв. Нельзя не заметить, что частое употребление такого явления (как и глоттального взрыва) не может не снижать разборчивости и отчетливости речи, также как и убыстрение темпа. Вообще, так называемая «беглая речь» (“fluent speech”,

“fluency”) отнюдь не является идеалом (как представляется некоторым) для любого говорящего, а в особенности для филолога, ибо «беглость» речи снижает ее отчетливость и понятность для слушающего.

Интересно отметить, что сами носители языка могут воспринимать простой пропуск согласного как глоттальный взрыв. Это обнаруживается, в частности, в том, что некоторые образованные англичане, не произносящие глоттальный взрыв вместо согласных и не одобряющие подобное использование данного явления другими, говоря о глоттальном взрыве, в качестве примера произносят слова, опуская конечный согласный, но не произнося глоттальный взрыв как таковой:

«The glottal stop is very popular in England now. It’s come back. I mean, lots and lots of people, including my own children, use it; instead of saying “flute” [flu:t], they’ll say [flu:]».

Пример взят из устной беседы филолога-англичанина с русским филологом-англистом.

Рассмотрим «смежные» явления в американской речи. Аспирация взрывных согласных у студентов-американцев, чья речь подвергалась исследованию, в целом слабая, а порой и вовсе отсутствует. В их речи заметна тенденция к «проглатыванию» согласных звуков, взрывные согласные на конце слова часто произносятся без взрыва, особенно в конце предложения или в середине предложения перед паузой:

«What soccer team is your favorite [tʰ]?»¹⁹ (Пример из разговорной речи.)

«Yes, I see it’s worn out [tʰ]: the material is very poor». (Пример из чтения диалога «У портного» – “At the Tailor’s”²⁰).

К характерным особенностям речи некоторых испытуемых-американцев можно отнести быстрый темп и снижение напряженности артикуляции, порой до такого уровня, что это затрудняет восприятие. Особенно это было заметно в устной беседе. В чтении диалогов иногда наблюдались подобные явления, хотя в целом чтение вслух, как и следовало ожидать, отчетливее, чем разговорная речь.

Иногда трудно определить, что именно было произнесено: глоттальный взрыв, обычный взрывной согласный без аспирации или ни то, ни другое – только прекращение фонации ([ʔ]) воспринимается отчетливо, например:

«I always enjoyed languages, and when I was twelve years old I began to study French, and I learned it [tʰ], and I was always good at it [iʔ/tʰ/].» (Пример из устной речи.)

¹⁹ [tʰ] – обозначение согласного без слышимого взрыва (см. примечание 14).

²⁰ См. Давыдов М. В., Малюга Е. Н. Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке. М., 2002. С. 132-134.

Если артикуляция в целом относительно ненапряженная, что также характерно для американского произношения, глоттальный взрыв может реализовываться не как полная смычка голосовых связок с последующей эксплозией, а в виде так называемой узкой глоттализации (glottalisation), или глоттального сужения. Во время такого глоттального сужения голосовая щель сужена, но не закрыта полностью. Сужение голосовой щели сопровождается нерегулярными колебаниями голосовых связок, что воспринимается на слух как скрипучий голос (creak)²¹. Вот несколько случаев из устной речи, где скрипучий голос особенно заметен:

«I just... [cr[?]<]I... [cr[?]<]I... became interested in the orthodox church».

«I'm still reviewing the cases and making sure I see them right [raɪ cr[?]<]».

«...you can still go out [au cr[?]<] and... you know, you are not cold at all...»

Глоттальное сужение может быть охарактеризовано как «слабый» («ненапряженный») глоттальный взрыв. Это явление еще не полностью изучено, и проблема его употребления требует дальнейшего разрешения. Узкая глоттализация тоже может рассматриваться как «смежное» с глоттальным взрывом явление, только в данном случае «смежность» обнаруживается не по акустическому, а по артикуляторному параметру.

Итак, «смежные» с глоттальным взрывом явления были обнаружены в речи образованных британцев и американцев. Данные явления представляют интерес с точки зрения эволюции нормы произношения и требуют дальнейшего исследования.

Л и т е р а т у р а

1. *О. В. Александрова*. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
2. *В. В. Виноградов*. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1968.
3. *М. В. Давыдов*. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984.
4. *М. В. Давыдов, Е. Н. Малюга*. Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке. М., 2002.

²¹ См. *Catford J. C.* Phonation Types: the Classification of Some Laryngeal Components of Speech Production // In Honour of Daniel Jones. Ed. by D. Abercrombie et. al. London, 1964. P. 26-37; *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 180-209; *Давыдов М. В.* Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984; *Davydov M. V., Yakovleva Y. V.* The “creak” quality as a marker of age of literary characters (on the material of “Oliver Twist” by Charles Dickens, read by Alex Jennings) // New Developments in Modern Anglistics. Proceedings of the 5th LATEUM Conference held at the University of Moscow, 22-25 September 1999 and Proceedings of the Conference “Akhmanova Readings ‘99”. М., 2001. P. 84-88; *Davydov M. V., Yakovleva Y. V.* Types of Voices as Part of Speech Portrayals. М., 2001; *Davydov M. V., Yakovleva Y. V.* Prosodic Images in English Speech. М., 1999.

5. *О. В. Долгова.* Семантика неплавной речи. М., 1978.
6. *О. В. Долгова.* Синтаксис как наука о построении речи. М., 1980.
7. *С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 180-209.
8. *Е. М. Мешкова.* Глоттальный взрыв в речи дикторов Би-би-си // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 2003. Вып. 25. С. 141-150.
9. *Т. Б. Назарова.* Филология и семиотика. М., 1994.
10. *Г. П. Торсуев.* Константность и вариативность в фонетической системе (на материале английского языка). М., 1977.
11. *R. Barzucka.* Glottalization in Present-Day RP, a Dynamic Approach // Acta Univ. wratislaviensis. Wrocław, 1991. No. 1061. Anglica wratislaviensis, No. 17. P. 13-24.
12. *J. C. Catford.* Phonation Types: the Classification of Some Laryngeal Components of Speech Production // In Honour of Daniel Jones. Ed. by D. Abercrombie et. al. London, 1964. P. 26-37.
13. *M. V. Davydov, Y. V. Yakovleva.* The “creak” quality as a marker of age of literary characters (on the material of “Oliver Twist” by Charles Dickens, read by Alex Jennings) // New Developments in Modern Anglistics. Proceedings of the 5th LATEUM Conference held at the University of Moscow, 22-25 September 1999 and Proceedings of the Conference “Akhmanova Readings ‘99”. М., 2001. P. 84-88.
14. *M. V. Davydov, Y. V. Yakovleva.* Types of Voices as Part of Speech Portrayals. М., 2001.
15. *M. V. Davydov, Y. V. Yakovleva.* Prosodic Images in English Speech. М., 1999.
16. *S. V. Decheva.* “Absence of Voice” in terms of British – American speechology // Language Learning. М., 2001. No. 1. P. 15-24.
17. *L. Dilley, S. Shattuck-Hufnagel, M. Ostendorf.* Glottalization of Word-Initial Vowels as a Function of Prosodic Structure // Journal of Phonetics. 1996, Vol. 24. No. 4. P. 423-444.
18. *A. C. Gimson.* An Introduction to the Pronunciation of English. London, 1970.
19. *N. B. Gvishiani.* Lexical Structures and Discourse // Folia Anglistica. М., 1997. No. 2. Language: Structure and Variation. P. 4-33.
20. *K. J. Kohler.* Glottal Stop and Glottalization. A Prosody in European Languages // Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel 30, 1996. P. 207-216.
21. *A. A. Lipgart.* Functional Stylistics: A Thing of the Living Present (Editorial) // Folia Anglistica. М., 1997. No. 1. Functional Stylistics. P. 5-10.
22. *S. Ramsaran.* RP: fact and fiction // Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative volume in honour of A. C. Gimson. Ed. by S. Ramsaran. London, 1991. P. 178-187.
23. *P. Roach.* English Phonetics and Phonology. Cambridge Univ. Press, 2000.
24. *J. C. Wells, G. Colson.* Practical Phonetics. London, 1971.
25. *О. С. Ахманова.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
26. *D. Jones.* Everyman’s English Pronouncing Dictionary. London, 1958. 11th edition.
27. *D. Jones.* English Pronouncing Dictionary. Cambridge, 1997. 15th edition. Ed. by P. Roach, J. Hartman.

О некоторых критериях понимания английской идиомы

© кандидат филологических наук А. А. Изотова, 2004

Нашу статью нам бы хотелось начать с цитаты из работы известного английского лексиколога Л. П. Смита: “Quotations from the poets weary us if too often repeated, flowers from the garden of speech soon wither, learned figures become trite and hackneyed, but the pot and the frying pan, the wet blanket and the spilt milk, the cat in the bag, and the pig in the poke, never lose their moral application; nor can we ever tire of the misadventures of those immoral rustics who count chickens before they are hatched”¹.

Приведенный отрывок представляется чрезвычайно интересным с точки зрения употребления идиом. Автор ссылается на наиболее употребительные идиомы, причем некоторые из них используются в своей полной словарной форме, например, такие как *a wet blanket* (‘a dull or boring person who spoils other people’s happiness’), *a pig in a poke* (‘to buy something without carefully examining it’).

Другие идиомы приводятся в тексте в сокращенном виде, то есть автором используется только их часть или их отдельные компоненты. Этот факт безусловно свидетельствует о том, что данные идиоматические фразы настолько хорошо известны носителям английского языка, что подобное употребление не вызовет трудностей в понимании той или иной идиомы как части языковой культуры англичан. В эту группу идиом включаются следующие словосочетания из текста: *the frying pan* – часть идиомы *out of the frying pan (and) into the fire* (‘from a bad situation to one that is worse’); *the spilt milk* – часть идиомы *cry over spilt milk* (‘to cry or grieve because of a loss or mistake that cannot be put right’); *the cat in the bag* – часть идиомы *let the cat out of the bag* (‘to make known something that was a secret’). В начале текста вместо одной из идиом употребляется только один ее компонент – *pot*. Согласно фразеологическим словарям, в английском языке существует ряд идиом с компонентом *pot*, например, *all to pot*; *keep the pot/kettle boiling*; *the melting pot*; *the pot calling the kettle black*; *the pot of gold at the end of the rainbow*; *a watched pot never boils*. В данном случае достаточно сложно определить, какая именно идиома имелась в виду автором, так как компонент *pot* является единственным индикатором идиоматической фразы. По нашему мнению, используя параметр частотности употребления, следует отдать предпочтение идиоме *the pot calling the kettle black* (‘a person who is criticizing another for having the same faults as he has himself’). Отрывок

¹ Smith L.P. Words & Idioms. London, 1926.

завершается обыгрыванием идиомы *don't count your chickens before they're hatched* ('do not believe or expect that success, victory, is certain until it actually happens') путем добавления сочетания *the misadventures of those immoral rustics who* [count chickens before they are hatched].

Проанализированный материал убедительно показывает, что важным фактором понимания идиомы является ее общеизвестность и частотность употребления в определенный период развития языка (в данном случае 1-я половина XX века).

Другим не менее важным параметром понимания и правильного толкования идиом является наличие у носителей английского языка или у изучающих английский язык определенного фоноведного знания. Данный критерий выступает на передний план при рассмотрении английских идиом, восходящих к различным литературным и другим источникам. Общеизвестно, что в современном английском языке существует огромное множество библейских и шекспировских идиом. Например, *an eye for an eye (and a tooth for a tooth)* ('a punishment that is as cruel as the crime, esp. punishment by death') – from the Bible: *And thine eye shall not pity; but life shall go for life, eye for eye, tooth for tooth, hand for hand, foot for foot.* Deuteronomy 19:21, also Exodus 21:23-4; *a/the fly in the ointment* ('something or someone that spoils plans, causes trouble, or lowers the value of something') – from the Bible: *Dead flies cause the ointment of the apothecary to send forth a stinking savour.* Ecclesiastes 10:1; *the wish is father to the thought* ('one often believes something to be true just because one wishes it were true') – from Shakespeare's "Henry IV" Part 2 (1597): *thy wish was father, Harry, to that thought.* Act 4, Scene 5; *the milk of human kindness* ('natural human kindness and sympathy') – from Shakespeare's "Macbeth" (1606): *Glamis thou art, and Cawdor; and shalt be / What thou art promis'd. Yet do I fear thy nature: / It is too full o' the milk of human kindness.* Act 1, Scene 5 и многие другие идиомы.

Следует заметить, что некоторые идиомы связаны с реальными или легендарными событиями, обычаями, древними верованиями или профессиями. Так, например, идиоматическое сочетание *a white elephant* ('a very costly possession that is worthless to its owner and only a cause of trouble') связано с обычаем королей Сиам дарить провинившемуся придворному белого слона, содержание которого было весьма обременительным и которого было нельзя загружать обычной для слонов работой. Идиома *have many/several irons in the fire* ('to have many/several interests, jobs, or activities, at the same time') исторически связана с профессией кузнеца, которому когда-то приходилось заниматься самыми разными делами. Идиоматическое сочетание *lead someone up the garden path* ('to cause a person to believe smth that is not true; to deceive someone') связана с представлением о человеке, которого уведут из уютного дома

в парк, где он может заблудиться. Идиома *rest on one's laurels* ('to be content with successes already gained and not attempt to increase them') связана с существовавшим в Древней Греции обычаем венчать лавровым венком победителя в состязаниях. Идиоматическое сочетание *work the oracle* ('to obtain smth or gain some advantage by means of personal influence, esp. secret influence') связано с Дельфийским оракулом, когда бог Аполлон через жрицу предсказывал будущее.

Таким образом, для того, чтобы понимать значение некоторых идиом, необходимо быть хорошо знакомым с их источником, т.е. обладать определенными фоновыми знаниями.

В своем докладе *The attraction of words*, прочитанном на филологическом факультете МГУ в сентябре 2002 года, известный лексикограф Гвинет Фокс (издательство Macmillan) показала, что всегда необходимо знать, в каком контексте и каким образом следует употреблять идиомы. Так, например, согласно Г. Фокс, идиоматическое сочетание *jump/climb on the band wagon* ('to begin to do smth that other people are doing, e.g. to support a politician or plan because it seems to be profitable or advantageous') используется в разговорной речи и в регистре средств массовой коммуникации. Эта фраза всегда показывает отношение говорящего к высказыванию и таким образом несет в себе оценочные коннотации. Идиома же *it rains cats and dogs / rain cats and dogs* ('to rain very heavily') является очень устаревшей.

Суммируя изложенное, можно выделить следующие критерии понимания английской идиомы:

- общеизвестность и частотность употребления идиомы;
- фоновое знание как неотъемлемая часть знания об идиоме;
- связь идиомы с определенным стилем и регистром английской речи.

Проблема нормы и вариативности на уровне аналитических конструкций типа Nquant+AdjN

© кандидат филологических наук Э. Л. Шубина, 2004

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с грамматическим оформлением словосочетаний типа *ein Glas Wasser*, а именно, затрагивается проблема падежа существительного, используемого в качестве второго компонента и вид синтаксической связи между компонентами. Отсутствие у второго компонента этих словосочетаний какого бы то ни было падежного показателя давало повод для противоречащих друг другу суждений о месте данных форм в падежной системе немецкого существительного.

Ряд ученых связывает появление формы существительного без морфологического показателя в словосочетаниях типа *ein Glas Wasser* с образованием в немецком языке так называемого общего падежа, подобно тому, который имеется, например, в английском языке. Эту точку зрения разделяли О. Мензинг [Mensing 1898: 113], В. Юнг [Jung 1980: 114]. По мнению же В.Г. Адмони, термин «общий падеж» в данном случае неприемлем, потому что этим термином «мы непризвольно ориентируем немецкий язык на тот путь развития, который проделан, например, большим числом германских и романских языков и который заключается в полном или почти полном устранении падежной системы и замене ее аналитическими формами выражения». В. Г. Адмони предлагает называть падеж, в котором стоит второй компонент в таких словосочетаниях, монофлексивом (Monoflexiv) или заменительным падежом (Vicaritiv), так как этот падеж заменяет при благоприятных условиях формы косвенных падежей формой именительного падежа [Адмони 1961: 254].

В связи с тем, что не определена форма второго компонента, нет единства во мнениях относительно вида синтаксической связи, организующего эти словосочетания. По мнению М. В. Раевского и Е. С. Кутасиной, для выяснения падежа второго компонента словосочетаний типа *ein Glas Wasser* и вида подчинительной связи, на основе которой они организованы, следует обратиться к примерам, где второй компонент распространён стоящим перед ним согласованным определением – прилагательным или причастием, которые однозначно характеризуют падеж определяемого ими существительного [Кутасина, Раевский 1985: 50].

Таким образом, падеж второго компонента словосочетаний с количественным значением может быть выражен синтагматически (при по-

мощи окончания согласованного с ним определения *ein Glas kaltes Wasser*). При этом окончания согласованных определений при втором компоненте, в большинстве случаев, чётко указывают на один из традиционно различаемых падежей немецкого существительного и одновременно на вид подчинительной связи между компонентами. Поэтому для выяснения падежа необходимо обратиться к примерам, где второй компонент распространён прилагательным или причастием. В данной работе предпринята попытка ответить на вопросы: 1) Каковы особенности грамматического оформления словосочетаний типа Nquant+AdjN в немецкой разговорной речи? 2) Насколько точно нормативные грамматики отражают предпочтения в употреблении того или иного вида подчинительной связи? 3) Какие факторы оказывают влияние на выбор вида подчинительной связи?

Данные, используемые в статье, получены в результате наблюдений над немецкой разговорной речью в процессе опроса информантов – носителей языка. Общее количество информантов составило двести человек – граждан Германии, среди которых были преимущественно студенты и профессорско-преподавательский состав Высшей школы Бремена в возрасте от 18 до 60 лет, проживающие в разных областях Германии. Информантом было предложено вставить, необходимые на их взгляд, окончания существительных и прилагательных, а также предлог *von* в количественных словосочетаниях рассматриваемого типа. Упомянутые словосочетания входили в состав предложений из художественной литературы и прессы.

В настоящее время наиболее широко распространено мнение, что в современном немецком языке реально как конкуренты могут выступать количественные словосочетания, оформленные при помощи либо генитивного управления *ein Paar schöner Augen*, либо согласования *ein Paar schöne Augen*. Некоторые нормативные грамматики настойчиво рекомендуют выбирать управление, как вид подчинительной связи, организующий данные словосочетания. Так, К. Г. Андресен, отметивший широкую употребительность конструкции с согласованием в этом типе словосочетаний, считает, что “стирание” флексии родительного падежа наступает вместо “старого порядка и чистоты” и настаивает на её сохранении. [Andresen 1898, 262]. Позицию К. Г. Андресена в XX в. разделяет австрийский лингвист К. Хиршбольд. В литературном языке, по мнению автора, должны употребляться лишь словосочетания с родительным падежом. [Hirschbold 1962, 69]. Однако большинство языковедов придерживаются иного мнения. Так, Й. Эрбен [Erben 1965, 127], Э. Хальвас [Hallwass 1979, 530], У. Энгель [Engel 1988, 618] отмечают широкое употребление согласования в словосочетаниях типа Nquant+AdjN и не считают его ошибочным.

Авторы девятого тома из серии “Der Duden in 12 Bänden”, посвященного трудностям современного немецкого языка, полагают, что словосочетания, первый компонент которых обозначает единицы измерения веса, длины и т. п., а второй компонент – существительное в единственном числе, оформлены при помощи согласования / *ein Glas guter Wein (gehoben) guten Weines!*. Словосочетания, второй компонент которых – существительное во множественном числе, а первый компонент обозначает определенное количество и при этом стоит в именительном и винительном падежах, оформлены также при помощи согласования / *ein Dutzend frische Eier (selten: frischer) Eier!*. По их мнению, в данных случаях словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, употребляются в “...торжественных случаях и производят впечатление высокопарности”. [Duden 2001, 77].

Однако в некоторых случаях предпочтительнее употребление родительного падежа, а именно: 1) если первый компонент обозначает неопределенное количество / *in einer Menge tanzender Jugendlicher*; 2) если первый компонент стоит в родительном падеже / *um eines Pfundes gekochten Schinkens willen*.

Словосочетания, первый компонент которых стоит в дательном падеже, а второй компонент – существительное во множественном числе, могут быть организованы на основе управления и примыкания: *mit einem Korb reifer (reife) Äpfel*; *mit einem Dutzend frischer (frische) Eier* (вместо *mit einem Korb reifen Äpfeln, mit einem Dutzend frischen Eiern*). Здесь мы сталкиваемся с еще одной возможностью оформления указанных словосочетаний. Говоря о примыкании, необходимо отметить, что этот вид подчинительной связи бесспорно констатируется лишь для тех случаев, в которых первый компонент выражен существительными либо в родительном, либо в дательном падеже. В этих случаях определение формы второго компонента как именительного падежа не вызывает затруднений. При этом авторы вышеупомянутой нормативной грамматики исключают возможность использования примыкания в родительном падеже, в отличие от Э. Ангеля, который считал, что словосочетание / *der Preis eines Zentners englische Kohle!* не является правильным, в то время как / *englischer Kohle!* звучит слишком высокопарно для обиходно – разговорной речи. [Engel 1929, 255]. Вместе с этим ни один из авторов не допускает использования примыкания в словосочетаниях, где в качестве второго компонента выступает существительное в единственном числе. Так, например У. Энгель считает употребление словосочетаний типа *mit einem Sack guter Zement u eines Sacks guter Zement* грамматически неправильным. Однако большинство авторов вообще не упоминает о словосочетаниях этого типа, организованных с помощью примыкания.

Грамматическое оформление конструкций типа Nquant + AdjN было предметом детального рассмотрения отечественных германистов. Так, Е. С. Кутасина и Е. К. Габрите замечают, что интенсивность употребления согласования в субстантивных словосочетаниях со значением количества с прилагательным (причастием) при втором компоненте главным образом зависит от семантики первого компонента. На наш взгляд, семантика существительных, используемых в качестве первого компонента словосочетаний исследуемого типа, была наиболее подробно проанализирована М.В. Раевским. По его мнению, существительные, используемые в качестве первого компонента и способные выражать количественные характеристики субстанции, обозначаемой вторым компонентом, обладают более разнообразной семантикой и могут обозначать: 1) числа (Paar, Dutzend, Hundert); 2) единицы измерения веса, объёма, длины и т. п. (Gramm, Meter); 3) бытовые единицы измерения (Glas, Löffel, Tasse); 4) стандартную меру или количество (Flasche, Schoppen); 5) не называемое точно, но известное количество (Portion, Lage); 6) часть целого (Teil, Rest); 7) неопределенно–большое количество (Menge, Unzahl); 8) неопределенно–малое количество (Prise); 9) некоторое неопределенное количество (Anzahl, Gruppe). В дальнейшем мы будем рассматривать все словосочетания на основе классификации М.В. Раевского.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что при наличии согласованного определения перед вторым компонентом исследуемых словосочетаний обнаруживаются следующие возможности грамматического оформления второго компонента, указывающие одновременно на вид подчинительной связи, с помощью которой эти словосочетания организованы. Проведенный опрос показал, что:

- 1) словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, составляют примерно 41%, от общего количества словосочетаний. При этом генитивное управление как вид синтаксической связи имеет следующие формальные характеристики: а) абсолютное большинство словосочетаний оформлено в соответствии с требованиями нормативных грамматик: *eine Tasse heißen Kaffees*; б) определительное прилагательное перед вторым компонентом, выраженным существительными среднего рода, получает окончание -es, несмотря на наличие окончания -es у существительных, выступающих в роли вторых компонентов: *von ungezählten Hektar unbestelltes Landes*; в) прилагательное перед вторым компонентом имеет нулевой показатель, а существительные среднего рода маркированы с помощью окончания -s: *einigen Haufen trocken Maisstrohs*;

- 2) словосочетания, оформленные при помощи предложного управления, составляют примерно пять процентов от общего количества словосочетаний исследуемого типа: *Es war ein Dutzend von neuen Jungen*;
- 3) словосочетания, оформленные при помощи согласования, составляют также примерно 41% от общего количества словосочетаний (*eine Scheibe trockenes Brot*);
- 4) словосочетания, организованные на основе примыкания, составляют примерно один процент от общего количества словосочетаний: *mit einem Paar elegante Handschuhe*;

5) примеры, допускающие двоякое толкование подчинительной связи между компонентами и как управления, и как согласования составляют примерно 11% от общего количества словосочетаний. Это наблюдается в тех случаях, когда первый компонент, стоящий в дательном падеже предшествует второму компоненту – существительному женского рода: *bei einer Tasse heißer Schokolade*. Невозможно точно определить вид подчинительной связи в случаях, когда оба компонента выступают в родительном падеже. Оформление данных конструкций представляет особый интерес в тех случаях, когда оба компонента являются существительными сильного типа склонения, и употребляются в единственном числе. Нормативные грамматики предписывают использование флексии родительного падежа для существительных, выступающих в роли, как первого, так и второго компонентов (*wegen eines Tropfens heißen Öls*), так, например Б.Бетке, объясняя оформление компонентов исследуемых субстантивных групп, указывает на невозможность употребления конструкций типа (*wegen eines Tropfens heißen Öl*) или же (*wegen eines Tropfen heißen Öls*). Имеющийся материал в большинстве случаев подтверждает реалистичность этих предписаний: *eines Stückes kostbaren Landes*. Однако, во многих случаях существительное, выступающее в роли первого компонента, лишено флексии родительного падежа: *eines Stück kostbaren Landes*. Также отмечены случаи, когда существительные, выступающие в роли вторых компонентов, не имеют окончаний родительного падежа: *eines Stückes kostbaren Land*. Если в качестве второго компонента выступает существительное во множественном числе, существительное сильного склонения, выступающее в роли первого компонента, получает в подавляющем большинстве случаев окончание родительного падежа: *eines Trupps externer Berater*. Вместе с этим, существует возможность опущения флексии родительного падежа существительного – первого компонента: *eines Trupp externer Berater*. Не определяется вид подчинительной связи также в субстантивных словосочетаниях, в которых употребляются слабые окончания определительных прилагательных при существительных, высту-

пающих в роли вторых компонентов: *bei einem Glas grünen Likör*. При этом нормативные грамматики допускают употребление слабых окончаний только в тех случаях, когда первый компонент стоит в дательном падеже, а второй компонент – существительное в единственном числе, однако использование слабых окончаний прилагательных выходит за рамки данных рекомендаций и встречаются при существительных во множественном числе: *mit Dutzenden geklonten Tiere*, а также в словосочетаниях, в которых первый компонент стоит в именительном, родительном и винительном падежах: *Nom. - Das waren zweihundert Pfund weißen Bohnen; Gen.- die Eroberung eines Stückes kostbaren Land; Akk. - Wir nahmen einige Büchsen spanischen Ölsardinen*. Двойное толкование подчинительной связи между компонентами: как согласования, так и примыкания, возможно в тех словосочетаниях, в которых существительное – второй компонент лишено какой бы то ни было флексии, а определительное прилагательное выступает в несклоняемой форме: *eine Scheibe trocken Brot*.

Как уже было отмечено, зарубежные и отечественные авторы связывают выбор вида подчинительной связи с семантикой первого компонента, с падежной формой первого компонента и с числом и родом второго компонента. Проанализированный материал показывает, в какой степени проявляется эта зависимость в немецкой разговорной речи.

Словосочетания семантической группы с общим значением «определенное количество каких-то предметов и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными *Paar, Dutzend, Hundert* и т.д., оформлены при помощи генитивного управления, предложного управления, согласования и примыкания (соответственно 987, 237, 1088 и 35 примеров): *Im Badezimmer hingen ein Paar seidener Strümpfe; Es war ein Dutzend von neuen Jungen; Millionen deutsche Privatanleger verfolgen ratlos den Kursrutsch; Das Unternehmen startete mit einem Investment von 1,5 Milliarden amerikanische Dollar*.

Словосочетания семантической группы с общим значением «конкретное число стандартных единиц измерения предметов, веществ и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными *Pfund, Hektar, Liter* и т.д., оформлены при помощи генитивного управления и согласования (соответственно 238 и 545 примеров): *Das waren zweihundert Pfund weißer Bohnen; Er trank einen Liter schwarzen Kaffee*.

Словосочетания семантической группы с общим значением «определенное число бытовых единиц измерения предметов, веществ и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными *Tasse, Glas, Karaffe* и т.д., оформлены при помощи генитивного управления, согласования и примыкания (соответственно 157, 374 и 11 приме-

ров): *Eine Tasse heißen Kaffees ist immer gut; Sie bekamen eine Karaffe roten Wein; Ein einsames Fräulein saß bei einem Glas grüner Likör.*

Словосочетания семантической группы с общим значением «конкретное число стандартных мер какого-то вещества», первые компоненты которых представлены существительными Koffer, Flasche, Büchsen и т.д., оформлены при помощи генитивного управления, согласования и примыкания (соответственно 344, 207 и 6 примеров): *Hier steht ein Koffer schmutziger Wäsche; Wir nahmen einige Büchsen spanische Ölsardinen; Auf dem Tisch stand ein Sektkühler mit einer Flasche französischer Champagner.*

Словосочетания семантической группы с общим значением «определенное, но варьируемое количество вещества, предметов», первые компоненты которых представлены существительными Portion, Lage и т.д., оформлены при помощи генитивного управления, согласования и примыкания (соответственно 228, 362 и 10 примеров): *Eine Runde hellen Biers steht auf dem Tisch; Ich möchte drei Portionen neue Kartoffeln; Man trinkt Bier zu einer Portion saure Lebern.*

Словосочетания семантической группы с общим значением «некоторое количество частей целого», первые компоненты которых представлены существительными Stück, Scheibe и т.д., оформлены при помощи генитивного управления, согласования и примыкания (соответственно 170, 359 и 16 примеров): *Es ist ein winziges Stück einfachen Papiers; Sie bekam eine Scheibe trockenes Brot; Sie suchte nach einem Stück sauberes Papier.*

Словосочетания семантической группы с общим значением «неопределенно большое количество вещества, предметов, людей», первые компоненты которых представлены существительными Haufen, Menge и т.д., оформлены при помощи генитивного управления, предложного управления, согласования и примыкания (соответственно 600, 100, 439 и 9 примеров): *Er hatte eine Menge höflicher Redensarten; Eine Menge von komischen Erlebnissen fielen ihm ein; Er wühlte in einem Haufen vergilbten Schriften; Sie sucht nach einigen Haufen trockenes Maisstroh.*

Словосочетания семантической группы с общим значением «неопределенно малое количество вещества, предметов, людей», первые компоненты которых представлены существительными Handvoll, Schluck и т.д., оформлены при помощи генитивного управления и согласования (соответственно 381 и 164 примеров): *Eine Handvoll kleiner Photographien liegt in meiner Tasche; Nicht einen Tropfen billiges Petroleum wollten sie von ihm geschenkt haben.*

Словосочетания семантической группы с общим значением «некоторое неопределенное количество предметов, людей и т.п.», первые компоненты которых представлены существительными Reihe, Strauß и т.д.,

оформлены при помощи генитивного управления, предложного управления, согласования и примыкания (соответственно 487, 94, 17 и 4 примеров): *Auch ein riesiger Strauß gelber Nelken war gut; Sie glichen einem Rudel von verängstigten Tieren; Sie besitzt eine Reihe schöne Instrumente; Er regiert den Konzern mit Hilfe eines Trupps externe Berater.*

Таким образом, анализ немецкой разговорной речи показал, что существует определенная зависимость в оформлении рассматриваемых аналитических конструкций от грамматических характеристик первого и второго компонентов. Так, материалы свидетельствуют, что в словосочетаниях, оформленных при помощи управления, существительное – первый компонент употребляется в предложениях в именительном падеже в 1220 случаях, в дательном падеже в 1295 случаях, в винительном падеже в 1074 случаях. В словосочетаниях, оформленных при помощи согласования, первый компонент стоит в предложениях в именительном падеже в 1269 случаях, в дательном падеже в 759 случаях, в винительном падеже в 1527 случаях. В словосочетаниях, оформленных при помощи примыкания, первый компонент стоит в родительном падеже в 11 случаях, в дательном падеже в 80 случаях. *Из этого следует, что словосочетания организованы при дательном падеже первого компонента преимущественно при помощи генитивного управления, а при винительном падеже в большинстве случаев при помощи согласования. При этом словосочетания, оформленные при помощи примыкания, употребляются в предложениях в основном при дательном падеже первого компонента.*

В качестве вторых компонентов словосочетаний, оформленных при помощи управления, выступают существительные всех трех родов: мужского, женского и среднего (соответственно 418, 251 и 427 примеров). В роли вторых компонентов словосочетаний, оформленных при помощи согласования, также выступают существительные мужского, женского и среднего рода (соответственно 1034, 149 и 816 примеров). В качестве вторых компонентов конструкций, организованных при помощи примыкания, встречаются существительные также мужского, женского и среднего рода (соответственно 7, 10 и 23 примера). *Таким образом, существительные мужского и среднего рода оформляются преимущественно при помощи согласования, а существительные женского рода при помощи управления. При этом среди вторых компонентов словосочетаний, организованных на основе примыкания, чаще всего представлены существительные среднего рода.*

Словосочетания со вторыми компонентами – существительными в единственном числе организованы на основе трех видов подчинительной связи: генитивного управления, согласования и примыкания (соответственно 1096, 1999 и 40 примеров). Словосочетания со вторыми

компонентами – существительными во множественном числе могут быть оформлены также при помощи трех видов подчинительной связи: генитивного управления, предложного управления, согласования и примыкания (соответственно 2495, 431, 1556 и 51 пример). *Таким образом, большинство словосочетаний со вторыми компонентами в единственном числе оформлялись при помощи согласования, а конструкции со вторыми компонентами во множественном числе при помощи генитивного и предложного управления.*

На основе анализа немецкой разговорной речи можно утверждать, что для данного грамматического явления соотношение нормализационных требований и реального распределения соответствующих грамматических форм в языке носит сложный характер. Могут быть отмечены следующие возможности.

1. Отставание узуса от требований, выдвигающихся нормативными грамматиками (например, для таких конструкций как *von ungezählten Hektar unbestelltes Landes; einigen Haufen trocken Maisstrohs*, которые были характерны для языка художественной литературы XVII века);

2. Отставание кодификации от уже сложившегося узуса (например, конструкции организованные на основе примыкания)

3. Расхождение основных тенденций, характерных для узуса и кодификации (так, несмотря на то, что подавляющее большинство нормативных грамматик современного немецкого языка при оформлении конструкций типа Nquant+AdjN рекомендуют выбирать согласование, генитивное управление не только не исчезает из словосочетаний исследуемого типа, но и используются примерно в равной степени, как и согласование). По-видимому, реальный узус в способах оформления рассматриваемых словосочетаний ещё не устоялся в достаточной мере, чтобы формулировать нормативные рекомендации столь однозначно. Вместе с этим, подтверждается гипотеза о том, что синтаксическое оформление конструкций типа Nquant+AdjN определяется, в некоторой степени, грамматической характеристикой их компонентов, а также семантикой существительных, выступающих в роли первых компонентов.

Л и т е р а т у р а

- Mensing O., Erdmann O.* Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. Stuttgart: Gotta, 1898. – 2. Abt. 276 S.
- Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache./ Bearb. von G. Starke. – 6. Neubearb. Aufl. – Lpz.: Bibliogr. Inst., 1980. – 448 S.
- Адмони В.Г.* Проблема «общего падежа» в современном немецком языке // Вопросы германского языкознания. (Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания). М. – Л., 1961, с.231-250.

- Кутасина Е.С. Раевский М.В.* Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа ein Liter Wasser и падежной форме их второго компонента // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985, № 2. С. 48-56.
- Andresen K.G.* Sprachgebrauch und Sprachrichtigkeit im Deutschen. – 8.Aufl. – Lpz.: O.R.Reisland, 1898. – 465 S.
- Hirschbold K.* Diktieren und Tippen: Gefährliche Klippen im Meer der Grammatik, erfolgreich umgesegelt mit Karl Hirschbold. Wien: Jugend u. Volk, 1962. – 143 S.
- Erben Jh.* Abriß der deutschen Grammatik. – 8. Aufl. – Berlin: Akademie, 1965. – 316 S.
- Hallwass E.* Mehr Erfolg mit gutem Deutsch. – 3. Aufl. – Stuttgart – Zürich – Wien: Das Beste, 1979. – 736 S.
- Engel U.* Deutsche Grammatik. Heidelberg, 1988.
- Duden. Zweifelsfälle der deutschen Sprache: Wörterbuch der sprachlichen Hauptschwierigkeiten./Bearb. von D. Berger, G.Drosdowski u.a. – 5. neubearb. u. erw. Aufl. – Mannheim u. a.:Bibliogr. Inst., 2001. – 983 S. – (Duden in 10 Bänden; Bd. 9)
- Engel E.* Gutes Deutsch: Ein Führer durch Falsch und Richtig. – 4. durchges. Aufl. – Lpz.: Hesse u. Becker, 1929. – 375 S.

Проблема полифункциональности наречий (на примере лексемы *хорошо*)

© кандидат филологических наук Ф. И. Панков, 2004

1. Общее представление о полифункциональности языковых единиц

Понятие полифункциональности в лингвистике чрезвычайно размыто. Оно встречается во многих работах современных русистов, однако подразумеваются при этом подчас совершенно разные языковые явления. Полифункциональность выделяется как свойство единиц разного уровня: одни исследователи говорят о полифункциональности морфем, другие – о полифункциональности слов (словоформ), третьи выявляют полифункциональность высказываний. Иногда полифункциональность понимается узко, иногда очень широко. Выделим основные интерпретации данного термина¹, расположив их по принципу: от единиц более низкого уровня к единицам более высокого уровня.

1) Полифункциональность морфемы как её способность выступать одновременно в качестве аффикса и в качестве корня. Так, В. А. Плулунгян пишет: «Интересно, что полифункциональность словообразовательных морфем (т. е. их способность выступать как в качестве аффиксов, так и в качестве корней самостоятельных существительных или глаголов) является полностью регулярной в языке эсперанто...» [Плулунгян 2000: 90] (разрядка моя – Ф. П.).

2) Полифункциональность слова как его многозначность, способность словоформы в разных синтаксических позициях выражать различные семантические значения, реализовать тот или иной лексико-семантический вариант (ЛСВ) лексемы [Брызгунова 1997, Всеволодова 2000]. Так, в учебнике М. В. Всеволодовой говорится о полифункциональности некоторых оценочных наречий, в частности выражающих аксиологические оценки: «Некоторые из этих наречий полифункциональны: *В лесу хорошо*; *Мне хорошо* – оценка состояния среды или субъекта; *хорошо прогрелась (земля)*; *поет хорошо* – характеристика процесса. Другие оценивают только действия: *Так поступать неадекватно*; *Он глупо ухмыльнулся*» [Всеволодова 2000: 68] (разрядка моя – Ф. П.).

¹ На неоднозначность термина «полифункциональность» обращается внимание, в частности, и в книге [Сюй Хун 2004: 22], где рассматриваются различные интерпретации этого термина.

2) Полифункциональность словоформы как способность выполнять различные синтаксические функции, т. е. функции разных членов предложения, как свойство занимать различные синтаксические позиции в высказывании [Всеволодова 2000, Вязовик 1981, Лейкина 1979 и др.].

4) Полифункциональность местоимения как способность выполнять в речи дейктическую и анафорическую функции [Битехтина 1998].

5) Полифункциональность словоформы как частотность её употребления в речи [Земская 1983, Прокуровская 1974 и др.].

6) Полифункциональность частицы как свойство её взаимозаменяемости в высказывании с другими частицами, основанное на её внутренней семантике. Так, Т. М. Николаева пишет, что «частицы имеют свое значение и почти всегда синонимичны, т. е. они представляют собой «набор сем». Наборы эти индивидуальны, но семы могут совпадать... Эта полифункциональность частиц, диффузность их семантики, сосуществование синонимичности и оригинальности влекут за собой ещё два феномена, также всеми признаваемые: частицы должны подкреплять друг друга (или могут подкрепляться), и их значение во многом определяется контекстом» [Николаева 1985: 9] (разрядка моя – Ф. П.).

7) Полифункциональность словоформы как её способность выступать в роли различных частей речи в разных синтаксических (контекстуальных) условиях [Брызгунова 1982, 1997, Зайцев 1993, Сюй Хун 2003, 2004]. Так, Е. А. Брызгунова выделяет класс полифункциональных словоформ, «которые могут функционировать как знаменательные и служебные (*где, ещё, как, какой, когда, куда, лучше, надо же, один, пока, просто, прямо, раз, сколько, скорее, так, такой, там, тоже, только*) или как служебные с разными значениями (*а, вот, и, да, но, ну, хоть бы*)» [Брызгунова 1997: 888]. Полифункциональность словоформы проявляется в её способности в составе высказывания изменять значение при взаимодействии синтаксической структуры, лексического состава высказывания, интонации и смысловых связей с контекстом.

8) Полифункциональность высказывания как наличие у него потенциальных значений, «которые вне интонации и смысловых связей остаются нераскрытыми, неактуализированными» [Брызгунова 1997: 880]. Как видим, свойство полифункциональности Е. А. Брызгунова рассматривает и по отношению к слову, и по отношению к высказыванию.

Различия в интерпретациях являются следствием разных представлений лингвистов о функциях языковых единиц. Однако, безусловно, перечисленные интерпретации так или иначе связаны между собой. Например, полифункциональность словоформ как их способность выступать в роли различных частей речи тесно связана с явлением много-

значности, со свойством лексемы в разных синтаксических позициях, контекстуальных условиях и / или с разным интонационным оформлением выражать различные семантические значения, реализовать тот или иной лексико-семантический вариант (ЛСВ).

Часть интерпретаций напрямую не соотносится с категориальным классом наречий (например, полифункциональность морфем, местоимений или частиц), однако другая часть непосредственно связана с выявлением функционально-прагматического потенциала наречий. Поэтому рассмотрим понятие полифункциональности во втором и в третьем значении.

2. Полифункциональность наречия *близко* как его многозначность, способность словоформы реализовать тот или иной ЛСВ лексемы

Свойство полифункциональности слова как его многозначности, способности в разных синтаксических (и коммуникативных) позициях выражать различные семантические значения, реализовать тот или иной ЛСВ лексемы характеризует русское наречие. Известно, что часть лексем наречий имеет несколько ЛСВ, значение которых выявляется лишь в составе высказывания в письменном или звучащем тексте с учётом контекстуального окружения и / или позиции в коммуникативной структуре. Различия в значениях ЛСВ находят отражение в синтаксисе, т. е. закреплены на уровне употребления словоформ наречий.

В частности, наречия функционируют в составе высказываний, которые в зависимости от интонации и смысловых связей предложений в контексте могут иметь разные значения. Ср., например: *Лу²чше работай!* – *Лу²чше рабо²тай!*² Такие высказывания, а также те слова в их составе, которые реализуются одним из своих ЛСВ, Е. А. Брызгунова называет полифункциональными [Брызгунова 1982, 1997, 2001 и др.]. В приведённых примерах это словоформа *лучше*. Особенно богато и разнообразно полифункциональные слова представлены в звучащей речи. ЛСВ таких лексем не только различаются значением, но даже реализуются словоформами, функционирующими как представители разных категориальных классов, т. е. как разные части речи, в частности и как полнозначные, самостоятельные, и как служебные. Полифункциональные словоформы могут различаться и коммуникативной ролью, т. е. способностью занимать ту или иную позицию в коммуникативной структуре высказывания [Янко 2001, Всеволодова 2000, Панков 2004].

² Все примеры из звучащей речи снабжены интонационной транскрипцией по Е. А. Брызгуновой. Отсутствие интонационной транскрипции означает, что пример взят из письменного источника.

Конкретизация ЛСВ этих лексем, их категориального грамматического статуса выражается с активным участием интонационных средств (в частности, с помощью выделения или, наоборот, невыделения слова центром ИК, типа ИК, синтагматического членения), а также смысловых связей предложений в контексте. Наиболее ярко различия между разными ЛСВ полифункциональных слов выявляются в высказываниях с единым лексико-грамматическим составом. При этом роль того или иного средства может варьироваться – усиливаться или ослабляться.

Явление полифункциональности (в понимании Е. А. Брызгуновой) следует отличать от полисемии (лексической многозначности) и омонимии. Для конкретизации лексической многозначности слов или омонимии достаточно контекста словосочетания или предложения: *кисть винограда* – *кисть* руки, *студент идёт* – *дождь идёт*, *холодный* душ – *холодный* взгляд. А в выявлении значения полифункциональных слов участвуют синтаксические, лексические, интонационные, а нередко и контекстуальные средства. Ср., например, полифункциональное слово *какой* в составе следующих высказываний: *Како²й у Олега голос?* – частный вопрос; *Како⁵й у Олега го¹лос!*; *Какой у Олега го⁶лос!* – качественная оценка; *Како⁷й у Олега голос!* – экспрессивное отрицание или несогласие.

Полифункциональные слова в русском языке могут сочетаться друг с другом или с другими словами, образуя во взаимодействии с интонацией высказывание в рамках диалогического единства. Эти высказывания, различающиеся интонацией (типом ИК и местом центра ИК), образуют оппозиции. Ср., например, высказывания, представляющие собой сочетание двух полифункциональных слов – *ещё* и *как*: *Ещё⁴ как?* – ‘добавочность’, *Ещё ка²:к!* – ‘высокая степень проявления признака’.

Рассмотрим полифункциональное слово *близко*³.

Лексема наречия *близко* имеет как минимум три ЛСВ⁴: 1) *близко₁* (локативное наречие) – ‘рядом’; 2) *близко₂* (темпоральное наречие) – ‘скоро’; 3) *близко₃* (наречие степени величины признака) – ‘высокая степень проявления признака, очень’. Данные ЛСВ реализуются словоформами, которые характеризуются коммуникативными особенностями.

1) Локативный ЛСВ *близко₁* (как и его антоним *далеко₁*, а также словоформы с отрицанием *недалеко₁*, *неблизко₁*) не дифференцирован

³ Другие полифункциональные слова мы планируем рассмотреть в ближайших выпусках сборника статей «Язык. Сознание. Коммуникация».

⁴ Речь идёт только о наречной лексеме. Словоформа *близко* может быть также кратким прилагательным (*близок*, *близка*, *близко*, *близки*) и предложным образованием (*близко к*, *близко от* и др.) [Всеволодова и др. в печати].

относительно характера отношения локализуемого предмета к локуму. Это означает, во-первых, что *близко*₁ характеризует пространственное расположение предмета (объекта) по отношению к субъекту речи (локуму) в любом направлении: впереди, сзади, сбоку, выше, ниже и т. д. Во-вторых, *близко*₁ совмещает в себе характеристики как статических ('где'), так и динамических ('куда') пространственных отношений, в зависимости от того, находится локализуемый предмет в состоянии покоя или движения. Собственно локатив *близко*_{1 где} называет местоположение (местонахождение) локализуемого предмета (*стоять близко*), директив-финиш *близко*_{1 куда} – направление движения (удаление или приближение) локализуемого предмета (*подойти близко*). Это свойство принципиально отличает наречие *близко*₁ от именных локативных групп, которые всегда дифференцированы относительно характера отношения локализуемого предмета к локуму. Ср.: *в парке – в парк, в лесу – в лес, на улице – на улицу*⁵.

В отличие от «эгоцентрического» наречия *вблизи* (а также *вдали, вдалеке, невдалеке*), которое передаёт семантику наблюдения, непосредственного восприятия действия⁶ говорящим и употребляется с глаголами типа *виднеться, выситься, поблескивать, белеть* и т. д., наречие *близко*₁ (а также *поблизости, рядом, неподалёку, далеко, недалеко, неблизко*) не отмечено семантикой наблюдения, оно сочетается с глаголами типа *находиться, жить, пролегать, располагаться* и т. д. [Яковлева 1994: 61, Пете 2004: 72].

Кроме того, Е. С. Яковлева подчёркивает, что наречие *близко*₁ (а также *рядом, далеко, недалеко*) является показателем относительной оценки удалённости объекта от говорящего, в отличие от наречия *вблизи* (а также *поблизости, вдали, невдалеке, неподалёку*), которое выражает абсолютную оценку. *Близко*₁ как наречие относительной оценки не задаёт расстояние до объекта однозначно, в то время как с помощью наречий-показателей абсолютной оценки степень удалённости до объекта может восприниматься потенциальными адресатами речи примерно одинаково. Поэтому естественно, что *близко*₁ как показатель относительной оценки, в отличие, например, от *вблизи* как показателя абсолютной оценки, передает градуируемый признак, легко сочетаясь с

⁵ Два замечания. 1. Это свойство характеризует и неизменяемые имена, у которых различные падежные формы внешне совпадают. Ср., например: *отдыхать в Палермо* (предложный падеж) – *поехать в Палермо* (винительный падеж). 2. Конечно, есть локативные наречия, которые, как и именные локативные группы, дифференцированы относительно характера отношения локализуемого предмета к локуму. Ср., например: *здесь – сюда, там – туда, дома – домой*.

⁶ Термин «действие» мы здесь используем в широком смысле, понимая под ним как экзистенциальный (бытие), так и акциональный (собственно действие) типы предикатов.

наречиями степени типа *так, совсем, очень, не очень* и т. п.: *так близко, совсем близко, очень близко, не очень близко* и т. д.

Способность передавать градулируемый признак не только является семантическим свойством наречия *близко*₁, но и оказывает влияние на некоторые важные грамматические свойства слова. Так, только для показателей относительных оценок характерна способность к образованию диминутивов: *близенько, близёхонько, близёшенько, близковато* и т. д., компаративов: *ближе, поближе, ближе всего, менее близко, более близко*, словоформ с отрицанием: *неблизко*, а также редупликация: *Авраам Руссо близко-близко*.

Показатели относительной оценки используются, когда необходимо сообщить о месте (времени) действия, а показатели абсолютной оценки – когда коммуникативной целеустановкой является сообщение о самом факте действия [Словарь справочник 1972: 75]. Е. С. Яковлева отмечает также, что показатели относительной оценки тяготеют в высказывании к позиции ремы, а показатели абсолютной оценки тематичны [Яковлева 1994: 35]. Хотя тенденция в целом отмечена верно, однако трудно согласиться с категоричностью утверждения. Наш материал говорит скорее о том, что показатели относительных оценок обладают, как правило, неограниченным коммуникативным статусом, в то время как показатели абсолютных оценок обычно тяготеют к позиции темы.

ЛСВ *близко*₁ реализуется словоформой с неограниченным коммуникативным статусом. Для *близко*₁ возможны все основные коммуникативные роли:

а) тема (собственно тема, фокус темы):

– *близко*₁ *где*: **Бли**³*зко* / *живёт мой бра*¹*т*; **Бли**³*зко* – / *театр «Со-време*¹*нник»*; *Двухкомнатная с евроремонт*¹*ом, обстановка, большой телевизор, холодильник и т. д., близко море, спокойный район*; – *У вас е*³*сть какой-нибудь транспорт рядом с домом?* – *Метро*² *близко*; *Э*²*й, / не сто*²*йте слишком близко*⁷*!*; *Вы не сто*²*йте слишком близко*: // *Я тигрёнок, а не киска*;

– *близко*₁ *куда*: **Бли**³*зко* / *не бу*¹*дем подходить*; **Бли**³*зко* / *не подойти*¹*!*; *Даже подходи*²*ть не думай близко*;

б) собственно рема (фокус ремы):

⁷ Хотя здесь наречная словоформа занимает позицию в конце высказывания, данную коммуникативную роль для *близко*₁ можно охарактеризовать как тематическую, т. к. центр ИК-2 (главное фразовое ударение) находится на глаголе – собственно реме высказывания. Ср. синонимичное высказывание, где коммуникативные роли для *близко*₁ более очевидны: **Бли**³*зко* / *не сто*²*йте*.

– близко_{1 где}: ... три сосны // Стоят – одна поодаль, две другие // Друг к дружке **близко** (Пушкин); Звёзды так **бли⁷зко!**; Мой брат живёт **бли¹зко**; Театр «Современник» – / **бли¹зко**; До метро **бли¹зко**;

– близко_{1 куда}: Жанна Фриске подпустит **близко**; 30 лет назад Земля и Сатурн сошлись необычно **близко**; Сегодня планета Марс максимально **близко** подойдёт к Земле; А тут он совсем **бли¹зко** подошёл; Постарайся подъехать **бли¹зко**; Сонеты дают нам немногосложную, легко объемлемую картину его внутренней жизни – картину, которая **близко** придвигает к нам личность поэта;

в) модальная рема:

– близко_{1 где}: – Театр **бли³зко?** – **Бли¹зко**;

– близко_{1 куда}: – Вы подъедете **бли³зко?** – **Бли¹зко**;

г) диктальная рема:

– близко_{1 где}: – Где² театр? – **Бли¹зко**;

– близко_{1 куда}: – Куда² вы идёте? – **Бли¹зко**;

д) парентеза:

– близко_{1 где}: Охраня³ются **близко** растущие деревья / недоста¹точно эффективно;

– близко_{1 куда}: По трассе – нет, объезда – нет, но к лагерю, хотя бы **близко**, до деревни какой, доберётся.

2) Темпоральный ЛСВ **близко₂** обозначает ближайшее будущее, близкое временное следование действия по отношению к настоящему моменту⁸, т. е. указывает на то, что действие произойдет в недалёком будущем относительно момента речи или момента в тексте. ЛСВ **близко₂** выражает субъективную оценку степени близости / далекости временного следования действия по отношению с настоящим моменту.

ЛСВ **близко₂** (как и его антоним **далеко₂**, а также словоформы с отрицанием **недалеко₂**, **неблизко₂**), в отличие от локативного **близко₁**, даёт временную характеристику действия только в одном направлении – «впереди»⁹, т. е. обозначает ближайшее будущее и не может обозначать ближайшее прошлое.

⁸ Настоящий момент – понятие, включающее момент речи и момент в тексте. Момент в тексте – временной ориентир в нарративном типе текста.

⁹ В некоторых неевропейских языках, например в армянском и китайском, вектор движения времени воспринимается как направленный в другую сторону: прошлое – впереди, будущее – сзади. Это легко объяснимо логически: прошлое известно говорящему и поэтому обозреваемо взглядом, будущее же неизвестно, оно за спиной: «Значение истории рода в жизни китайца проявляется и в особенностях языка. Представитель европейской культуры скажет: «Впереди нас ждут большие перемены». Будущее расстилается **перед** ним. У китайцев всё наоборот: они располагаются лицом к обозреваемому прошлому, лицом к собственной истории и почитаемым предкам, а невидимое до поры будущее помещают **сзади**. Мы, представители европейской цивилизации, в пространстве и времени

Толковые словари толкуют *близко*₂ по-разному. Даль представляет локативный и темпоральный ЛСВ недифференцированно, приводя наряду с примерами пространственного употребления наречия и временной ЛСВ: *Близко время пашины*. Ушаков также рассматривает *близко*₁ и *близко*₂ в рамках одного (локативного) значения, отмечая временно□е употребление *близко*₂ как переносное по отношению к *близко*₁. БАС и МАС уже разделяют эти два значения и определяют *близко*₂ соответственно как «скоро, недалеко во времени» и «о скором наступлении чего-либо». В словаре Ожегова *близко* не отмечено.

Как и *близко*₁, *близко*₂ представляет собой, безусловно, показатель относительной оценки. Для разных людей и по отношению к масштабу разных событий степень временной «близости» предстоящего действия относительно настоящего момента может быть различной – через час, через день, через неделю и т. д.

Поэтому для *близко*₂, как и для *близко*₁, характерны градуируемость (*очень близко*), наличие диминутивов (*близенько*, *близёхонько*, *близёшенько*), компаратива (*Сессия гораздо ближе, чем вам кажется*), словоформы с отрицанием (*неблизко*), редупликация (*Заветный конкурс близко-близко*). *Близко*₂ обычно используют, когда коммуникативной целеустановкой является сообщение о времени предстоящего действия, а не о самом факте действия (как, например, для наречия *вскоре*). Ср.: *Экзамены уже близко – Вскоре начнутся экзамены*.

ЛСВ *близко*₂ реализуется словоформой с ограниченным коммуникативным статусом:

а) тема (собственно тема, фокус темы) не отмечена, ср. невозможность: **Близко ве¹чер; *Бли³зко – / до Нового го¹да;*

б) собственно рема (фокус ремы): *Гибель близко* (Жуковский); *Вечер бли¹зко; Победа была так бли⁷зко!*;

в) модальная рема: – *Экзамены бли³зко? – Бли¹зко; – Каникулы бли³зко? – Бли¹зко;*

г) диктальная рема не отмечена, ср. невозможность: – *Когда² вечер? – *Бли¹зко; – Когда² Новый год? – *Бли¹зко;*

д) парентеза не отмечена. Это связано, видимо, с невозможностью для *близко*₂ прилагательной позиции.

Конкретные лексические значения темпоральных наречий могут предопределять синтаксическую устроенность предложений. Так, наречия-антонимы *близко*₂ и *далеко*₂ функционируют по-разному. Ср.: *Вечер уже бли¹зко – Вечер ещё далеко¹; Новый год уже бли¹зко – Новый год*

ставим себя в таком положении, будто движемся вперёд, преодолевая дорогу жизни. Китаец же – стоит, а время и пространство проходят сквозь него, как ветер» [Мы и мир 1998].

ещё **далеко**¹. Но только: *До вечера ещё **далеко**¹*; *До Нового года ещё **далеко**¹* – при неотмеченности: **До вечера уже **бли**¹**зко***; **До Нового года уже совсем **бли**¹**зко***.

Иногда выявление того или иного ЛСВ лексемы оказывается затруднённым вне контекстуальных связей высказывания. Так, вне контекста словоформы *близко* и *далеко* могут быть интерпретированы и как локативные, и как темпоральные наречия, что становится возможным благодаря употреблению пропозитивного имени: *Льготная подписка – **далеко** и **близко*** (название заметки в газете). В данном случае локатив *близко*₁ и темпоратив *близко*₂ характеризуются дизъюнктивным употреблением, т. е. значения времени и места исключают друг друга. Однако для именных групп возможно конъюнктивное (синтетическое) употребление, т. е. совмещение локативной и темпоральной интерпретаций в одной словоформе, например: *Об Атлантиде нам рассказывали **на лекции***. *Лекция* – тоже пропозитивное существительное, *на лекции* – это и ‘где’, и ‘когда’ одновременно.

Конкретизация ЛСВ для *близко* происходит с помощью смысловых связей высказывания с предшествующим или (в случае с *подпиской*) последующим контекстом. Для локативных *близко*₁ и *далеко*₁ возможен, например, такой контекст: *Льготная подписка – **далеко** и **близко**. Подписка на журнал «Вокруг света» началась во всех почтовых отделениях России – от Калининграда до Камчатки*. Для темпорального *близко*₂ возможно другое контекстуальное окружение: *Льготная подписка – **далеко** и **близко**. Наша газета уже на следующей неделе начинает подписную кампанию на 2005 год. Подписка на другие периодические издания начнётся только через два месяца*.

3) ЛСВ *близко*₃ (наречие степени величины признака) реализуется словоформой также (как и *близко*₁) с неограниченным коммуникативным статусом, в сочетании с глаголами типа *знать*, *узнать*, *познакомиться*, *общаться* и т.п., а также с прилагательным знаком:

а) тема (собственно тема, фокус темы): *Журналисты, **бли**³**зко** знающие Михаила Коломийца, / не исключают наличия внешних угроз для его жизни*¹⁰; ***Бли**³**зко** знали Олега / только жена и де¹ти*;

б) собственно рема (фокус ремы): *Мы знакомы довольно **бли**¹**зко***; *Они общаются **бли**¹**зко***; *Теперь супруги **бли**¹**зко** узнали друг друга*; *Молодая семейная пара 22 и 25 лет из Краматорска познакомится с парнем или парой **близко***;

¹⁰ Другое интонационное оформление изменяет значение высказывания и, соответственно, коммуникативную роль словоформы *близко*. Ср.: *Журналисты, **близко** знающие Михаила Коломийца, / не исключают наличия внешних угроз для его жизни*. В данном примере коммуникативная роль словоформы *близко* – парентеза.

- в) модальная рема: – Они бли³зко знакомы? – **Бли¹зко**;
 г) диктальная рема: – Они знако³мы? – **Бли¹зко¹¹**;
 д) парентеза: Журнали³сты, **близко** знающие Михаила Коло-
 мийца, / не исключают наличия внешних угроз для его жизни; **Близко**
 знавшие полковника Чекина сослужи³вцы / неизменно отмечали таки³е
 качества этого офицера, / как умение ду⁴мать, / просчитывать ситуа-
 цию на несколько ходов вперё¹д; Посол Украины в Чехии Сергей Устич
 со страной своего нынешнего пребывания **близко** познакомился ещё в
 1987 – 1988 годах, когда как учёный проходил стажировку в Праге.

Таблица 1.

**Коммуникативные роли словоформ наречий
 близко₁, близко₂, близко₃**

Словоформа Коммуникативные роли	близко ₁	близко ₂	близко ₃
собственно тема	+	—	+
собственно рема	+	+	+
модальная рема	+	+	+
диктальная рема	+	—	+
парентеза	+	—	+

Как видим, если для *близко₁* и *близко₃* возможны все коммуникативные роли, то для *близко₂* не отмечены коммуникативные роли собственно темы, диктальной ремы и парентезы (см. таблицу 1).

У всех трёх ЛСВ *близко* имеется форма сравнительной степени (компаратив). Однако если для *близко₁* и *близко₃* возможны два компаратива: *ближе* и *поближе*, причём компаратив *поближе* даже более употребителен, то для темпорального *близко₂* компаратив *поближе* кажется сомнительным. На наш взгляд, это связано с некоторыми различиями в семантике *ближе* и *поближе*.

Во-первых, *поближе* – не абсолютный синоним по отношению к *ближе*. *Поближе* означает не просто ‘ближе’, а ‘немного ближе’ и поэтому не сочетается с показателями высокой степени признака: *гораздо *поближе*, *намного *поближе* и т. д. Во-вторых, *поближе*, в отличие от *ближе*, характеризует преимущественно контролируемые

¹¹ Мы считаем эту позицию диктальной, а не модальной ремой, т. к. в данном диалогическом единстве имплицитно содержатся две подразумевающиеся реплики – реплика-реакция и реплика-стимул: – Они знако³мы? (– Да. – В какой степени?) – **Бли¹зко**. Имплицитность вообще характерна для диалогической речи, ср. также: – Закурить не найдётся? – Нет, не найдётся, т. к. я не курю).

действия, а время, как известно, течёт независимо от нашего желания и нашей воли. Примеры:

1) для *близко*₁:

а) для *близко*₁ *где*: *После нашего переезда бассейн стал ближе (поближе)*; *После нашего переезда бассейн стал гораздо ближе*, ср. невозможность: **После нашего переезда бассейн стал гораздо поближе*;

б) для *близко*₁ *куда*: *Надо подъехать ближе (поближе)*; *Надо подъехать намного ближе*, ср. невозможность: **Надо подъехать намного поближе*;

2) для *близко*₂: *Сессия ближе (?поближе), чем вам кажется*;

3) для *близко*₃: *Постарайся познакомиться с ним ближе (поближе)*; *Во время экспедиции мы ближе (поближе) узнали друг друга*.

3. Полифункциональность наречия *близко* как способность выполнять в предложении различные синтаксические функции

Понятие полифункциональности словоформы как её способности выполнять в предложении различные синтаксические функции, т. е. функции разных членов предложения, а также свойства занимать различные синтаксические позиции чрезвычайно важно для характеристики особенностей русских наречий. И здесь необходимо сделать важное замечание. Понятие «позиция», введенное в русистику Т. П. Ломтевым [Ломтев 1958], используется сейчас как термин в трёх основных значениях. Во-первых, это синтаксическая функция словоформы в предложении, её «членопредложенческий ранг» в формальной структуре предложения. Во-вторых, это место синтаксемы в семантической (и, соответственно, в формальной) структуре предложения или вне её, а в структуре предложения – место словоформы относительно другой, с которой она связана смысловыми отношениями [Всеволодова 2000: 163]. В-третьих, это место словоформы в коммуникативной структуре высказывания с учётом его актуального членения. По М. В. Всеволодовой, «позиция» во втором значении – это позиция-1, «позиция» в первом значении – это позиция-2. Аналогично будем считать «позицию» в третьем значении позицией-3. Для наречия *близко* рассмотрим сначала позицию-2 как более традиционную, потом позицию-1, а позиция-3 уже была рассмотрена выше.

3.1. Позиция-2

Наречие *близко* как словоформа способно выполнять в составе предложения синтаксические функции как главных, так и второстепенных членов предложения.

1) Как главный член предложения наречие *близко* способно употребляться и в качестве подлежащего, и в качестве сказуемого.

а) Словоформа *близко* (недифференцированно: *близко₁*, *близко₂*, *близко₃*) отмечена в функции подлежащего только как метаслово: «**Близко**» – последняя работа театра, премьера которой состоялась в октябре 2003 года.

б) В функции сказуемого наречие *близко* употребляется либо в качестве именной части составного именного сказуемого двусоставного предложения, либо в качестве главного члена односоставного безличного предложения. Приведём примеры:

– словоформа *близко* в качестве именной части составного именного сказуемого двусоставного предложения:

- *близко₁*: Африка **близко**;
- *близко₂*: Пусть зима ещё не **близко** – начинается подписка;
- *близко₃*: позиция не отмечена;

– словоформа *близко* в качестве главного члена односоставного безличного предложения:

- *близко₁*: До метро совсем **близко**;
- *близко₂*: позиция не отмечена;
- *близко₃*: позиция не отмечена.

2) Наречие *близко* как второстепенный член предложения способно выполнять синтаксические функции обстоятельства и определения.

а) Словоформа *близко* употребляется в функции обстоятельства места, а также меры и степени и не употребляется в функции обстоятельства времени:

– *близко₁* как обстоятельство места:

- *близко₁* где: Так **близко** здесь никто не жил;
- *близко₁* куда: Бриatore слишком **близко** подобрался к публике;

– *близко₂* как обстоятельство времени: позиция не отмечена;

– *близко₃* как обстоятельство меры и степени: Друзья общаются **близко**.

б) Как определение словоформа *близко* употребляется либо в качестве метаслова в функции приложения, либо в составе причастного оборота или другого распространённого определения:

– наречие *близко* как метаслово в функции приложения (недифференцированно: *близко₁*, *близко₂*, *близко₃*): Спектакль «**Близко**» пройдёт на сцене ДК;

– наречие в составе причастного оборота:

- *близко₁*: Теперь мы будем жить около станции метро, расположенной довольно близко;
- *близко₂*: позиция не отмечена;
- *близко₃*: «Телекритика» обратилась за комментариями к журналистам, близко знающим Михаила.

3.2. Позиция-1

Наречие *близко* как синтаксема может выступать, во-первых, в позиции вне предложения (в самостоятельном употреблении) и, во-вторых, в составе предложения.

1) Наречная синтаксема *близко* вне предложения может употребляться в качестве заголовков, названий: «**Близко**» (название спектакля, в котором ЛСВ *близко₁*, *близко₂*, *близко₃* не дифференцированы); «**Далеко-близко**» (название книги: *близко₁*);

2) В составе предложения наречная синтаксема *близко* функционирует в присловной (как компонент структуры словосочетания) и неприсловной (как компонент структуры предложения) позициях.

а) Присловная позиция синтаксемы *близко* может быть приглагольной (в том числе присвязочной) и приадективной, другие присловные позиции не отмечены:

– приглагольная позиция характерна только для словоформ *близко₁* и *близко₂*:

- *близко₁*: *Теперь мы будем жить около станции метро, расположенной довольно близко*;
- *близко₂*: позиция для современного русского языка не характерна, однако отмечено устаревшее употребление: *Экзамен будет слишком близко и первых чисел июня должен окончиться* (Гоголь);
- *близко₃*: *Посол Украины в Чехии Сергей Устич со страной своего нынешнего пребывания близко познакомился ещё в 1987 – 1988 годах, когда как учёный проходил стажировку в Праге.*

– синтаксема *близко* в приадективной позиции отмечена только для *близко₃*:

- *близко₁*: позиция не отмечена;
- *близко₂*: позиция не отмечена;
- *близко₃*: *Мы знакомы довольно бли¹зко*;

– приименная позиция для синтаксемы *близко* не отмечена;

– принаречная позиция для синтаксемы *близко* не отмечена.

б) Выступая в неприсловной позиции, наречие *близко* способно употребляться в составе предикативной основы предложения и быть либо предиктируемым, либо предиктирующим компонентом:

– наречие *близко* в качестве предиктирующего компонента:

- *близко₁*: *Мадрид – это близко*;
- *близко₂*: *Расставание близко*;
- *близко₃*: позиция не отмечена;

– наречие в качестве предиктируемого компонента:

- *близко₁*: **Близко** – море;
- *близко₂*: позиция не отмечена;

- *близко*₃: позиция не отмечена.

Как видим, словоформа *близко*₂, в отличие от *близко*₁ и *близко*₃, ограничена в употреблении в прилагательной, в том числе присвяточной позиции. Так, *близко*₂ не сочетается с формой будущего времени связки *быть* [Всеволодова 2000: 24] (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Употребление словоформ наречий *близко*₁, *близко*₂ и *близко*₃ в разных синтаксических временах в составе простого и сложного предложения

Локативное наречие <i>близко</i>₁		
Предложение	простое	сложное (словоформа в составе придаточного)
Время		
настоящее	<i>Метро близко</i> ¹²	<i>Мы переехали в этот район, так как метро здесь близко</i>
будущее	<i>Метро здесь будет близко</i>	<i>Мы переедем в этот район, когда метро здесь будет близко</i>
прошедшее	<i>Раньше метро у нас было близко</i>	<i>Мы переехали в этот район, так как метро было здесь близко</i>
Темпоральное наречие <i>близко</i>₂		
Предложение	простое	сложное (словоформа в составе придаточного)
Время		
настоящее	<i>Экзамены уже близко</i>	<i>Олег начал заниматься, так как экзамены уже близко</i>
будущее	<i>*Экзамены будут уже близко</i>	<i>Олег начнёт заниматься, когда экзамены будут уже близко</i>
прошедшее	<i>Экзамены были уже близко</i>	<i>Олег начал заниматься, когда экзамены были уже близко</i>

¹² На первый взгляд может показаться, что в данном примере словоформа *близко* – это краткое прилагательное, т. к. *метро* – имя среднего рода, однако при замене словоформы *метро*, скажем, на *станция* изменения *близко* на *близка* не происходит (*Станция **близко***, а не **Станция **близка***), что имело бы место при краткой форме прилагательного.

Наречие степени величины признака <i>близко</i>₃		
Предложение	простое	сложное (словоформа в составе придаточного)
Время		
настоящее	<i>Мы знакомы близко</i>	<i>Олег сразу поверил мне, так как мы знакомы довольно близко</i>
будущее	<i>Надеюсь, вы познакомитесь близко</i>	<i>Олег поверит мне, когда мы познакомимся близко</i>
прошедшее	<i>Мы были знакомы близко</i>	<i>Олег сразу поверил мне, так как мы были знакомы близко</i>

4. Выводы

Таким образом, лексема наречия *близко*, как и категориальный класс наречий в целом, характеризуется полифункциональностью и в отношении многозначности, и с точки зрения способности выполнять в предложении различные синтаксические функции (позиция-2), и с точки зрения свойства занимать различные синтаксические (позиция-1) или коммуникативные (позиция-3) позиции. Что касается многозначности, лексема *близко* имеет как минимум три ЛСВ: *близко*₁ (локативное наречие) – ‘рядом’; *близко*₂ (темпоральное наречие) – ‘скоро’; *близко*₃ (наречие степени величины признака) – ‘очень’. Каждый из ЛСВ характеризуется семантическими, синтаксическими и коммуникативными особенностями.

Семантически все три ЛСВ представляют собой показатели относительной оценки, им свойственна градуируемость, сочетаемость с наречиями степени, образование диминутивов, компаративов, словоформ с отрицанием, редупликация.

Отдельные словоформы характеризуются спецификой синтаксического потенциала, а словоформа, реализующая темпоральный ЛСВ *близко*₂, имеет ограниченный коммуникативный статус, т. к. не употребляется в позициях темы, диктальной ремы и парентезы.

Следовательно, можно утверждать, что наречие, такой «нелюбимый» для формально-описательной лингвистики категориальный класс слов¹³, традиционно находящийся на периферии её внимания, является полифункциональным словом, причем в самых различных интерпрета-

¹³ Например, в двухтомной академической «Русской грамматике» 1980 года всем наречиям посвящено всего три страницы: с 703 по 705 в первом томе. Для сравнения: глаголу посвящена 121 страница: с 582 по 702.

циях этого термина, обладающим большим функционально-прагматическим потенциалом. Поэтому и наречия, и представители других категориальных классов как полифункциональные слова являются важным объектом, во-первых, для изучения и теоретического лингвистического исследования, во-вторых – для лексикографической практики, для составления функционального словаря русского языка, в-третьих – для прагматики преподавания русского языка в российской и иностранной аудитории.

Следует обращать внимание учащихся на то, что в звучащей речи, особенно в предложениях с многозначным лексико-грамматическим составом, активизируется роль системы интонационных средств и смысловых связей высказываний в контексте. Следовательно, преподавание грамматики на современном этапе должно базироваться на особенностях живого русского языка в его не столько письменной (это, кажется, делается довольно успешно), сколько устной форме. Необходимость ликвидировать существующую ныне пропасть между обучением грамматике письменной и звучащей речи давно назрела.

Литература

1. *Битехтина Г.А.* Лекция по функциональной морфологии для студентов специализации РКИ филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова 18 апреля 1998 года.
2. *Брызгунова Е.А.* Вводный фонетико-разговорный курс русского языка. – М., 1982.
3. *Брызгунова Е.А.* Интонация и полифункциональные словоформы // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. – М., 1997. С. 882, 888.
4. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М., 2000.
5. *Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Чекалина В.Л.* Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Реальное употребление. Функциональная грамматика». В печати.
6. *Вязовик Т.П.* Конструкции с местоимениями, включающими частицу *вот* в современном русском языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981.
7. *Зайцев А.Е.* Смыслоразличительные возможности интонации в высказываниях с полифункциональными словами: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993.
8. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь (фонетика, морфология, лексика, жест). – М., 1983. С. 114.
9. *Лейкина Б.М.* Некоторые функции слова *и* // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 4. – Л., 1979.
10. *Ломтев Т.П.* Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958. С. 17–21.
11. Мы и мир. Психологическая газета. 1998, февраль, № 4.
12. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. – М., 1985.
13. *Панков Ф.И.* Наречие как полифункциональное слово // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы III Международной научно-методической конференции. – М., 2004.
14. *Пете И.* Пространственность, предлоги, локальные отношения, картины мира и явления асимметричности // Вестник МГУ, 2004, № 3.

15. *Плунгин В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М., 2000.
16. *Прокуровская Н.А.* Некоторые особенности употребления частицы *вот* в устной разговорной речи // Вопросы стилистики, вып. 8. – Саратов, 1974. С. 116-120.
17. *Розенталь Д.Э.* Русский язык: Пособие для поступающих в вузы. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1988.
18. Словарь-справочник по русскому языку для иностранцев. Выпуск 3. Наречие / Под ред. И. П. Слесаревой. – М., 1972.
19. *Сюй Хун.* Полифункциональные слова в русском языке как проблема русско-китайских словарей: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
20. *Сюй Хун.* Полифункциональная лексика русского языка. Проблемы русско-китайских словарей. – М., 2004.
21. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М, 1994.
22. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. – М, 2001.

С л о в а р и

1. *БАС* – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. – М.-Л.: 1950-1965.
2. *Даль* – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – М., 1989.
3. *МАС* – Словарь русского языка: В 4-х тт. Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981-1984.
4. *Ожегов* – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1982.
5. *Ушаков* – Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935-1938.

Конвенционализация директивных иллокутивных актов в письменном и устном институциональном общении

© кандидат филологических наук М. В. Колтунова, 2004

К особенностям русской национальной культуры коммуникативного поведения относится высокая степень конвенционализации социального и в особенности институционального общения. Под институциональным общением понимаем профессиональное ролевое и по преимуществу предметно-целевое общение. Социальные институты организуют всю сферу общественного воспроизводства. Наука, общественные и коммерческие организации, сфера государственного регулирования и т. п. В каждой из этих сфер общение протекает в рамках статусно-ролевых иерархических отношений по определенным сценариям известных устоявшихся жанров. В каждой из них сформировался свой набор устойчивых выражений и речевых актов (Харченко).

– Вам следует... – Надлежит выполнить... – Приказываю принять... – Разрешите доложить о... – Прошу рассмотреть...	}	Все эти выражения однозначно ассоциируются со сферой регулирования социально-правовых отношений, со сферой управления.
---	---	--

Так называемые «социальные перформативы» (Рябцева), иллокутивная цель которых заключается в изменении социального пространства, представляют собой социальные действия: «**Предлагаю** перенести слушание дела в связи с неявкой ответчика»; «**Вы уволены**»; «**Прошу отменить принятое решение на основании...**»; «**Фирма Ювен объявляет о самоликвидации**»; «**ОАО «Вымпел» ходатайствует о выделении дополнительных субсидий для льготной категории граждан в связи с повышением цен на энергоносители**» и т. п.

Дж. Серль писал: «Если я успешно осуществляю акт назначения вас председателем, вы становитесь председателем; если я успешно осуществляю акт выдвижения вас кандидатом, вы становитесь кандидатом; если я успешно произвожу акт объявления состояния войны, то начинается война; если я успешно осуществляю акт бракосочетания с вами, то вы связаны брачными узами» (Серль). Иными словами, реальные социальные изменения и поступки, осуществляемые при помощи иллокутивных актов возможны лишь при успешности реализации последних. Успех же, в свою очередь, будет зависеть от ряда внеязыковых контекстуальных условий произнесения и восприятия иллокутивного акта.

Иллокутивный речевой акт, являясь интенциональным речевым действием, по мнению Дж. Серля, является и конвенциональным дейст-

вием, так как для успешного общения необходимо статусно (Карасик) и ситуативно обусловленное использование подобных иллокутивных актов адресантом. Так, приказ может быть отдан только в рабочее время в соответствующей обстановке подчиненному, но не наоборот, то есть, говорящий и слушающий должны занимать соответствующие социальные положения и обладать соответствующими полномочиями для производства иллокутивных актов данного типа.

Конвенциональный аспект иллокутивного речевого акта сопряжен с выполнением целого ряда правил исполнения речевого жанра, в котором иллокутивный акт является жанрообразующим речевым действием.

Одно из основных правил, названных Серлем **«конститутивными»**, заключается в том, что говорящий должен обладать соответствующими полномочиями для осуществления данного иллокутивного акта. Положение Остина о социальных полномочиях адресата рассматривается им на примере социальных и религиозных обрядов. Вместе с тем в институциональном общении все иерархические служебные отношения сопряжены с установлением и разграничением подобных полномочий. Сам процесс делегирования полномочий определяет зоны ответственности и возможность использования директивных жанров в служебных отношениях: на уровне партнерских отношений – это просьбы, советы, пожелания, претензии, требования, в иерархических служебных отношениях используются приказы, распоряжения, советы, пожелания.

Вторым важным институциональным установлением является то, что реализация социально значимого иллокутивного высказывания невозможна без коммуникативного партнерства в осуществлении процедуры самого акта. Иллокутивное высказывание достигает цели, если адресат идентифицирует себя с лицом, которому может быть адресовано данное высказывание. Так приговор является социально значимым действием только тогда, когда он, во-первых, оглашается в здании суда, во-вторых, судьей, ведущим процедуру судебного заседания, и, в-третьих, при условии, что подсудимый осознает себя таковым. Вопрос «Признаете ли вы себя виновным?», таким образом, представляет собой совершенно необходимое условие для дальнейшего отправления правосудия и произнесения приговора.

Хорошо известно, что поведение декабристов под следствием бесило Николая больше всего тем, что на заседаниях следственной комиссии они (Пестель, Лунин и др.) не отвечали на вопросы, так как не считали себя подсудимыми. Несогласие выполнять правила коммуникативного поведения в соответствии с ролью адресата речевого акта, осуществляемого с целью воздействия на адресата, приводит к коммуникативной дискоординации и убивает иллокуцию.

Следующим правилом использования директивов (просьб, советов, приказаний, распоряжений) является *Правило целесообразности*. Оно связано с убеждением говорящего в том, что слушающий способен выполнить действие X, и говорящий убежден в этом. Для обоих участников интеракции очевидно, что слушающий не осуществил бы действие X, если бы его об этом не попросили. То есть, применительно к правилам институционального профессионального общения приказ действителен только в случае, если действие, к которому побуждают адресата, входит в сферу его служебных обязанностей и компетенций.

Правило искренности предусматривает, что говорящий действительно хочет, чтобы действие X было совершено слушающим.

К важнейшим конвенциональным установлениям относится конвенционализация формы иллокутивных актов. Форма фраз должна быть регламентирована институциональными рамками. Так, за формулой приказа закреплён перформатив «*Приказываю*», за формулой постановления – «*Постановляю*», за формулой распоряжения – «*Предлагаю*». Использование этих перформативов обусловлено, во-первых, иерархическими статусными отношениями коммуникантов, во-вторых, регистром строгой официальности общения. Семантическая и синтаксическая структура самого жанра также конвенциональна по своей природе и имеет регламентированную форму: «*Приказываю кому? – Что исполнить? – К какому сроку? – На кого возложить контроль за исполнением?*»

Однако, как справедливо заметила Н. С. Рябинская, конститутивные правила Серля «недостаточны для того, чтобы распознать тип иллокутивного акта, они не вмещают всего многообразия связей между значением и контекстом» [Рябинская 2002: 81]. Так, на основании приведенного списка правил невозможно объяснить, почему вопрос «Не могли бы вы задержаться на минуту?» может считаться не просьбой, а приказом, будучи употребленным по отношению к подчиненному. В этом случае, считает исследователь, для понимания высказывания требуется привлечение более широких сведений о контексте. Последнее утверждение нуждается, на наш взгляд, в уточнении.

Речь идет в данном случае о социокультурном контексте, в который так или иначе интегрированы **социокультурные конвенции**, регулирующие названные правила истолкования иллокутивной силы в рамках данной национальной культуры.

Кроме конститутивных конвенций, мы, используя социальные перформативы, не можем не учитывать социокультурных конвенциональных норм, которые, так же, как конститутивные, выполняют важнейшие прагмалингвистические функции.

С точки зрения действенности и эффективности релевантным по отношению к подчиненному будет использовать перформатив *Приказы-*

ваю, однако в действительности устные приказы и распоряжения чаще выражаются косвенно:

– *Не могли бы вы зайти ко мне?* (Зайдите ко мне.)

– *Вас не затруднит подготовить отчет к среде?* (Подготовьте отчет к среде.)

– *Как, вы еще не подготовили документы?* (Подготовьте документы!)

– Мне бы хотелось получить отчет о проделанной вами работе не позднее четверга. (*Желание эксплицировано, поэтому тональность приказа дана в менее категоричной форме.*)

– *Вам не кажется, что вы опаздываете с отчетом?* (Принесите мне отчет!)

– *Почему у меня до сих пор нет вашего отчета?! Вы думаете, вы один у меня?!* (Принесите мне отчет немедленно!)

Форма приказа как речевого акта, выражающего волеизъявление, носящее для адресата обязательный характер, согласно социокультурным конвенциональным нормам должна быть неагрессивной, не провоцирующей на конфликтный путь дискурсного развития. Поэтому форма перформатива «**Я приказываю** вам выполнить...» в диалогической устной речи практически не используется, хотя в письменной закреплена регламентом в качестве обязательной формы документа. Косвенные речевые акты с точки зрения социокультурных конвенций оказываются более приемлемыми для выражения директивов в режиме устного общения, потому что позволяют выстраивать стратегии общения на основе распознавания интенций. Такая модель диалогического взаимодействия исключает прямое столкновение противоречивых и потенциально конфликтных интересов коммуникантов и выражает принцип конвенционального поведения – **Принцип избегания края**. Если представить себе коммуникативное пространство как сферу интересов, мотивов и интенций коммуникантов, то пограничные зоны всегда будут демонстрировать потенциально конфликтное общение, а открытое конфликтное общение будет всегда находиться за его пределами. Это значит, что эффективное общение, представляющее стратегии гармонизации интенций коммуникантов, будет сосредотачиваться в центре. Этим можно объяснить выведенный Личем и Холдкрафтом **Принцип косвенности**, согласно которому человеческая коммуникация вообще имеет преимущественно «косвенный» характер. Необходимо добавить, что речь идет именно об устной форме коммуникации, то есть о межличностном общении, в котором коммуникативные постулаты приобретают особое значение.

Социопрагматика, изучающая эти стратегии ([Grice 1975, Leech 1983, Searl 1975, Азнабаева 1998, Ларина 2003, Стернин 2000]; см. также работы: Levinson, Holdcroft, Борисова) вежливости и социальных

норм общения, рассматривает конвенциональное общение как социально приемлемое общение.

Сфера институционального общения характеризуется многочисленными предписаниями и ограничениями. Эти ограничения, прежде всего, касаются всех негативных факторов, могущих разрушить или деструктурировать общение (агрессия, выражение собственного превосходства, пренебрежение нуждами и интересами собеседника и т. д.). Ограничивается, или сводится к минимуму также манифестация идиолекта (Винокур), индивидуальной манеры поведения. Отсюда общая стратегия в выборе и конвенционализации жанрообразующих перформативов – сохранение лица собеседника и центростремительная стратегия в выборе позиции в коммуникативном пространстве.

Это очень важно для рассмотрения процесса конвенционализации иллокутивных речевых актов, особенно в сфере управления и коммерческих отношений.

Перформатив: **Прошу; Просим; Организация просит** – обслуживает неограниченное количество конкретных ситуаций, выражая требование, приказ, распоряжение, побуждение, ходатайство, просьбу, призыв о помощи и т. д. Этот перформатив присутствует почти во всех жанрах официально-деловой и коммерческой переписки – в служебных записках, ходатайствах, информационных и коммерческих запросах, заявках, письмах этикетного характера, требованиях, претензиях, сопроводительных письмах и всех документах личного характера (заявлениях, просьбах), т. е. везде, где составителю документа необходимо выразить побуждение адресата к какому-либо действию или к принятию чего-либо.

– **Просим Вас явиться в ГНИ №32 ЗАО г. Москвы 30.09. с.г. к 10 ч. В кабинет 224.** (требование)

– **Прошу** дать указание Правовому управлению о разработке проекта положения о пенсионных вкладах... (служебная записка)

– Товарищество с ограниченной ответственностью **просит Вас** оформить Лицензию на право пользования недрами для работ по дноуглублению р. Волги. (заявка)

– В связи с предстоящим юбилеем организации **прошу Вас** рассмотреть возможность награждения и поощрения сотрудников денежной премией. (ходатайство)

– **Просим Вас** принять наши сердечные поздравления со знаменательным событием в жизни Вашего коллектива и пожелать вашему коллективу дальнейших достижений и процветания. (поздравление)

– Для согласования вопросов участия с нашими партнерами **просим Вас** выслать нам каталоги двух последних выставок и сообщить тематику будущих. (информационный запрос)

– *Прошу* подтвердить возможность изготовления вашим объединением расходомеров на эти диаметры. (коммерческий запрос)

– *Исходя из изложенного и руководствуясь ст.307 и ст.328 ГК РФ прошу Вас указанную сумму долга оплатить до 04.09.03., не доводя беспорное дело до рассмотрения в Арбитражном суде.* (претензия)

Между тем, как перформативы: *Требую, Угрожаю, Оказываю давление, Запугиваю* и т. д. в институциональном общении отсутствуют по причинам их неконвенциональности. Именно выход их за рамки конвенциональных и конститутивных норм приравнивает их к так называемым иллокутивным самоубийствам. Какова бы ни была тональность письма, неизменным остается выбор конвенциональной формы воздействия на адресата.

Таким образом, перформатив: *Прошу; Просим* – обслуживает неограниченное количество конкретных ситуаций диалогического общения в силу своего высокого конвенционального статуса, являясь общепотребительным, институционализированным средством речевого воздействия.

Перформативное высказывание *Предлагаю Вам сделать то-то и то-то...* конвенционализировано в меньшей степени и используется в случаях подчеркнуто официального общения в жанрах распоряжения (письменного и устного), приказа (устного), решения коллегиального органа (постановления), требования:

– *Предлагаю Вам в трехдневный срок сдать полномочия и освободить помещение.* (распоряжение)

– *Предлагаю Вам в течение недели погасить задолженность и перевести деньги на счет погашения кредита в размере одного миллиона рублей.* (требование)

Появляющиеся в последнее время в деловой переписке косвенные формы речевого воздействия и побуждения, такие, как: *Давайте лучше решим этот спор мирно...; Не стоит рассчитывать на наше долготерпение...* и т. п. – представляющие собой акты угрозы, выходят за рамки конвенциональных норм общения.

Унификация формы директивов в письменном деловом общении, представляющем переписку адресатов одного социального статуса, на базе социокультурных стереотипов позволяет иллокутивному акту выполнять роль регулятора социально-правовых межсубъектных отношений в самых различных, но исчисляемых, стандартных ситуациях межсубъектного институционального общения.

Устное общение в принципе не может достигнуть такой степени конвенционализации формы иллокутивных актов в силу его спонтанности, погруженности в конситуацию общения, опоры на предметы и явления окружающей действительности, на общие знания, в силу пере-

распределения информации в процессе общения между лингвистическими и паралингвистическими средствами, с одной стороны, и принципиальной неисчисляемостью ситуаций, порождающих необходимость использования директивных актов в устном деловом общении, – с другой.

Формой директивного акта в устном общении может быть как прямая экспликация волеизъявления, так и косвенный речевой акт, как полное высказывание, так и неполное, например: *Ну, давай!*

– *Завершай отгрузку товара.* (из телефонного разговора руководителя предприятия с менеджером)

При этом косвенные речевые акты в межличностном общении относятся к актам повышенного конвенционального статуса и играют важную роль в выполнении правил и норм социально приемлемого общения. Серль представляет конвенции осуществления косвенного директивного акта следующим образом:

Правило 1: говорящий может осуществить косвенную просьбу (или другой директив) либо посредством вопроса о выполнении некоторого подготовительного условия, касающегося способности адресата *H* сделать действие *A*, либо посредством утверждения о выполнении такого условия.

Правило 2: говорящий может осуществить косвенный директив либо посредством вопроса о выполнении условия пропозиционального содержания, либо посредством утверждения о выполнении такого условия.

Правило 3: говорящий может осуществить косвенный директив посредством утверждения о выполнении условия искренности, но не посредством вопроса о выполнении такого условия.

Правило 4: говорящий может осуществить косвенный директив либо посредством утверждения о существовании веских или даже более чем веских причин для осуществления действия *A*, либо посредством вопроса о существовании таких причин.

В описанных Серлем логических моделях косвенных директивных актов можно выделить две схемы конвенционального речевого воздействия на адресата с целью побуждения к действию: первая – вопрос, вторая – утверждение о выполнении действия.

Конвенциональные модели директивов относятся в действительности к культурным стереотипам, не нуждающимся в интерпретации высказывания и референциональной экспликации:

– *Вас не затруднит передать мне документ?* (Я прошу вас передать мне документ.)

– *Хорошо бы к среде уже получить результаты тестирования* (Я прошу вас подготовить к среде результаты тестирования.)

Многие речевые действия, представляющие собой иллокутивные акты воздействия или волеизъявления согласно социокультурным конвенциям (Принцип вежливости) принято выражать косвенно. Большинство из них относятся к **конвенциализованным** или **конвенционализируемым** импликатурам (Фролкина). С точки зрения принадлежности к функционально-прагматическим группам, они относятся по преимуществу к этикетным и регулятивным высказываниям:

– *Вам не трудно позвонить мне завтра?* – просьба.

– *У вас нет возражений относительно завтрашнего мероприятия?* – получение согласия.

– *Вы не зайдете ко мне после совещания?* – распоряжение/просьба.

По меткому выражению Серля, нужно иметь большое воображение для того, чтобы увидеть в подобных высказываниях что-нибудь кроме просьбы, приглашения или побуждения к действию.

Другой тип импликатур представляют неконвенционализованные **дискурсные** импликатуры. Они в значительно большей степени опираются на общие фоновые знания интерактантов, на общую апперцепционную базу. Их использование в диалогическом дискурсе обусловлено, с одной стороны, стремлением к минимизации использования речевых средств, а с другой – прагматическими потребностями регулирования взаимоотношений между коммуникантами в процессе общения, т. е. обусловлено принципами конвенционального поведения:

– *Так, так, хорошо. А вот так сможешь? А если рискнуть?*

– *Не знаю.*

– *Ну а все же?*

Погружение дискурса в конситуацию общения, привлечение паралингвистических средств для побуждения адресата (указательные жесты) создают окказиональные косвенные формы директивного акта, представляющие собой дискурсные импликатуры.

Имплицуемые прагматические мотивы, входящие в ситуацию общения, представлены в данной группе импликатур более широко и многообразно, по сравнению с конвенциональными импликатурами.

Прагматические мотивы могут быть представлены с семантической структуре импликатуры (ССИ) на различных глубинных уровнях (Мартемьянов). Подобные структуры часто представлены двух и даже трехуровневыми инференционными глубинными смыслами, причем на первом уровне выводимой информации находятся сами речевые действия, а более глубинные структуры представлены мотивирующими пресуппозиционными компонентами.

– *Рабочий день кончается.* (Просьба завершать работу и не задерживать коллег. Второй уровень – Ты всегда задерживаешься и нас задерживаешь потому, что вовремя не представляешь отчетность. Третий

уровень – Отчетность у всех сотрудников подразделения принимается одновременно.)

– *Рабочий день кончается.* (Приказ привести в порядок рабочее место. Второй уровень – У вас всегда на столе остается гора неразобранных бумаг, и целый час следующего рабочего дня вас будут ждать посетители.)

– *Рабочий день кончается.* (Просьба освободить помещение. Второй уровень – Помещение закрывается ровно в пять часов и подключается сигнализация и вы нас задерживаете) и т. д.

Имплицирование части передаваемой информации является совершенно необходимым механизмом адекватного диалогического взаимодействия в устном профессиональном общении безотносительно к прагматическим (тактическим и стратегическим) установкам коммуниканта. ИмPLICITные смыслы наряду с пресуппозициями являются частью семантико-прагматического потенциала высказывания. Однако можно выделить тематические смысловые блоки, регулярно представляемые имPLICITно в институциональном общении, которое характеризуется набором жестких этических и прагматических ограничений, нередко носящих регламентный характер.

Так в практике институционального общения имPLICITируются нежелательные смыслы, могущие представить говорящего в невыгодном свете, и смыслы, могущие разрушить или деструктурировать общение и взаимоотношения между коммуникантами, что рассматривается теорией речевых ограничений (ТРО). При этом важно учитывать различия в «смыслах говорящего» и «смыслах адресата» (Формановская). Высокая степень имPLICITированности устной речи объясняет затемненность в выведении интенций говорящих в диалоге для наблюдателя и воспринимающего диалог вне конситуационного погружения:

(Фрагмент расшифровки записи деловых переговоров.)

А. – *Я вот не поняла / и в одном и в другом договоре нам нужно / я лучше скажу / что нам нужно // Нам нужно/ чтобы вот два заказа у нас здесь / номера-то есть – нет? // Шестнадцать одиннадцать двадцать семь ноль два // Договор тридцать второй / шестнадцать одиннадцать / допустим / договор тридцать третий по заказу двадцать семь ноль два // Дело в том что...*

Б. – (Перебивает) *Нет / в одно объединили // По-моему / в один договор / и сумма одна.*

А. – *Нет / у нас / понимаете...*

Б. – (Перебивает) *Нет / здесь расчета нет.*

А. – *Расчеты общие.*

Б. – *Речь идет на триста // А там у нас остается остаток / сто семьдесят семь // Вот на сто семьдесят семь миллионов мы еще вам / допустим...*

А. – (перебивает) *Все / хорошо // Две работы на триста // Я принимаю / допустим / так // Тридцать третий договор / какие два наименования на сумму сто семьдесят семь миллионов? Это ведь наш остаток?*

Записанный и читаемый по расшифрованной записи, этот фрагмент диалога кажется трудно воспринимаемым и малопонятным не только потому, что читающий не владеет фоновыми знаниями, без которых сложно идентифицировать интенции, но и потому что эти интенции представлены имплицитно. Причем интерактанты понимают друг друга. Отрывок представляет собой союз иллокутивных сцеплений, характеризуется развитием темы.

Выведенная интенциональная партитура прагматического взаимодействия интерактантов в приведенном примере может быть представлена следующим образом:

А. – *Нам нужно (требование) объяснить окончательные расчеты по подписанным договорам, так как они составлены не должным образом (претензия).*

Б. **Оправдывается** и **предлагает** урегулировать спорный вопрос предоставлением услуг организации на остаточную сумму.

Экспликация взаимных *претензий и требований*, также как и экспликация *оправдания*, являются конвенционально неприемлемыми, так как провоцируют ответную негативную реакцию и относятся к числу интенций, передаваемых в институциональном общении исключительно косвенно. Возможная их экспликация экстраполирует позиции участников диалога и разрушает общение. Конфликтное и потенциально конфликтное диалогическое институциональное общение, таким образом, может определяться, в том числе, и по признаку интенсивности эксплицитности / имплицитности представленных в дискурсе интенций. В скрытом и потенциально конфликтном общении количество имплицитруемых прагматических мотивов кратно возрастает, это определяется стремлением к уходу из зоны конфликта.

В заключение необходимо отметить не только многообразие форм выражения директивных актов в устном деловом общении, большой диапазон степени их эксплицитности / имплицитности, различную степень их конвенционализации, но и устойчивую тенденцию закрепления директивных форм в соответствии с зонами официально/неофициального общения, социокультурными стереотипами общения в той или иной социальной группе и профессиональной среде.

Л и т е р а т у р а

1. *Азнабаева Л. А.* Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. Уфа, 1998.
2. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: зоны толерантного и нетолерантного общения // Филологические и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 371-397.
3. *Белецкая О. Д.* Подход к диалогу в разговорном анализе // Тверской лингвистический меридиан. Тверь, 1999. Вып. 2. С. 32-37.
4. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.
5. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
6. *Демьянков В. З.* Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 41, № 4, 1982.
7. *Ларина Т. В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
8. *Макаров М. Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
9. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
10. *Овищикова Н. Л.* О стереотипном речевом поведении // Вестник ОГУ 148, № 6, 2002.
11. *Рябинская Н. С.* Речь как социальное действие // Социологический журнал. 2002, № 4. С. 78-91.
12. *Рябцева Н. К.* Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1999.
13. *Стернин И. А.* Коммуникативное поведение и национальная культура // Дискурс: Новое в лингвистике. Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. Воронеж. 1996, № 2. С. 45-64.
14. *Стернин И. А.* Русское коммуникативное поведение // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. Воронеж, 2000. С. 95-128.
15. *Формановская Н. И.* Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994, № 5/6. С. 34-40.
16. *Grice H. P.* Logic and Conversations // P. Cole, J. Morgan (eds.). Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press. 1975. P. 41-58.
17. *Douglas M.* How Institutions Think. Syracuse, 1986.
18. *Leech G.* Principles of Pragmatics. London: Longman. 1983.
19. *Foundations of Speech Act Theory. Philosophical and Linguistic Perspectives.* London: Routledge. 1995. P. 350-364.
20. *Searl J. R.* Indirect Speech Acts // P. Cole, J. Morgan (eds.) Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press. 1975. P. 59-82.

К вопросу о системе экспрессивных синтаксических средств в научной речи

© кандидат филологических наук *С. Л. Нистратова (Италия), 2004*

До сих пор вопрос об экспрессивности в языке принадлежит к числу наиболее сложных и дискуссионных вопросов лингвистической науки, о чем свидетельствует отсутствие единообразной терминологии, разный состав компонентов экспрессивности. Как справедливо замечает Ю. М. Скребнев, «понятием экспрессивности как некоторой эмпирической очевидностью оперирует практически каждый стилист. Однако термин «экспрессивность», подобно многим другим терминам лингвистики, не только не имеет общепринятого содержания, но и онтологически по природе относится к разряду понятий неопределенного объема» [Скребнев 1992:19].

В данной статье мы коснемся лишь одного аспекта этой проблемы: связи экспрессивности с таким качеством речи как адресованность. При этом предметом исследования являются те функциональные разновидности литературного языка, которые рассчитаны прежде всего на логическое восприятие.

Долгое время в лингвистике господствовала точка зрения, согласно которой научной речи не свойственна экспрессивность, поскольку она не мотивируется функцией научного мышления. В связи с этим исследование экспрессивности проводилось, как правило, на материале художественных и публицистических текстов (М. М. Бахтин, Г. О. Винокур, Р. Якобсон, Г. В. Степанов и др.). Одной из первых подметила экспрессивность научной речи Е. М. Галкина-Федорук. Еще в 1958 году она писала: «экспрессивность свойственна не только языку писателей-художников, но и языку общественных деятелей, публицистов, даже ученых, хотя на первый взгляд кажется, что речь ученого бесстрастна, спокойна, лишена аффективности» [Галкина-Федорук 1958: 108]. В настоящее время не подвергается сомнению наличие определенных экспрессивных средств в текстах научного содержания: «выразительность, или экспрессивность (в смысле наилучшего осуществления коммуникации с учетом особенностей общения в данной сфере), является одним из существенных коммуникативных признаков научной речи. <...> Поэтому изучение экспрессивной стороны научного стиля предстает весьма актуальным и своевременным» [Кожина 1986: 38]. В последние десятилетия публикуются статьи, монографии и защищаются диссертации, посвященные описанию экспрессивных языко-

вых средств в научных текстах [см., например, Милованова 1982, Маевский 1992, Геллер 1991, Шарова 2002].

Употребление рассматриваемых средств в научной речи обусловлено таким ее качеством как диалогичность (см. работы М. Н. Кожиной, Л. В. Славгородской), т. е. установкой на контакт с получателем сообщения. Таким образом, экспрессивность связана не только с адресантом речи, но и с адресатом, т. е. имеет прагматический характер. Говорящий / пишущий прибегает к экспрессивности, исходя из «коммуникативно-прагматических установок, направленных на адресата» [Телия 1991: 105]. Некоторые ученые выделяют особые языковые единицы «прагмемы», целью которых является регулирование поведения адресата при помощи воздействия на его эмоционально-волевую сферу [Киселева 1980, Новиков 1982]. Следует, однако, заметить, что функционирование данных единиц, как правило, не рассматривается на материале научной речи. На наш взгляд, прагматический характер экспрессивности в наибольшей степени проявляется именно в текстах научного содержания.

Прежде чем переходить к проблеме экспрессивности научных текстов, необходимо уточнить объем и содержание этого понятия и отграничить его от других смежных понятий. Вслед за Е. М. Галкиной-Федорук мы считаем, что экспрессивность гораздо шире эмоциональности. Разграничение эмоциональности и экспрессивности позволяет избежать ошибочных суждений о недопустимости экспрессии в научной речи, которые являются следствием отождествления данных понятий. Принимая эту точку зрения, экспрессивность определяется как усиление выразительности высказывания, которое связано с ориентацией высказывания говорящим / пишущим на адресата с целью воздействия на его восприятие. Экспрессивность – это «свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не быть образным» [Арнольд 1981:62]. Экспрессивность может проявляться и усиливаться при соотношении данного высказывания с нейтральными по выразительности конструкциями. Это положение особенно актуально для научных текстов, в которых экспрессивные средства наиболее ярко выделяются на общем нейтральном фоне.

В некоторых разновидностях научной речи (в частности в устной научной и научно-популярной речи) наблюдается корреляция между степенью ориентации на адресата и степенью экспрессивности. Реализация контактоустанавливающей функции языка обуславливает регулярное использование в них специфических экспрессивных средств, что позволяет ставить вопрос о функции этих средств в данных разновидностях и об определении их лингвистического статуса.

Научная речь в целом, а также рассматриваемые ее разновидности относятся к типу речи, имеющему логическую доминанту, а поэтому функция экспрессивных средств здесь иная, чем, например, в художественной речи, она подчинена замыслу научного произведения. Экспрессивные элементы приобретают здесь своеобразное преломление, благодаря чему не нарушаются общие закономерности стиля: они способствуют усилению аргументированности высказывания, а также облегчению восприятия наиболее сложных моментов изложения, сопутствуя основным, характерным для научного стиля языковым средствам.

Вопрос о статусе экспрессивных средств в текстах научного содержания должен решаться с учетом тенденции к дифференциации функциональных стилей на разновидности, действующей в настоящее время в языке. Можно предположить, что в тех функциональных разновидностях, где данные средства не являются эпизодическими, сопутствующими, а регулярно используются для выполнения одной из основных коммуникативных задач – адресованности, экспрессивность имеет статус обязательного, стилиобразующего признака.

Таковыми разновидностями являются научно-популярная и устная научная речь. В первой использование экспрессивных элементов органически вытекает из задач и содержания научно-популярной литературы и поэтому не вступает в противоречие с ее основными стилевыми чертами. «С помощью экспрессивно-эмоциональных средств изложение материала уточняется, становится легко постижимым и наиболее убедительно выраженным» [Милованова 1976:142], что имеет немаловажное значение для общения с читателем-неспециалистом.

В условиях устного научного общения использование выразительных средств также является необходимым для успешного осуществления коммуникации, поскольку доходчивость речи во многом зависит от ее выразительности. Введение в устную научную речь экспрессивных элементов помогает «точнее и полнее донести до слушателя содержание излагаемой информации» [Кохтев 1976:32].

Экспрессивные средства в языке обладают системностью. Главной особенностью данной системы является то, что она представлена единицами разных уровней языка. Таким образом, экспрессивные элементы образуют не однородную систему, а систему систем. Ядром общезыковой системы экспрессивности можно считать лексические средства, в наибольшей степени выражающие данную категорию, а синтаксические средства можно отнести к дальней периферии [Шарова 2002: 4]. В научной же речи экспрессивные средства образуют систему, ядро которой, на наш взгляд, составляют не лексические, а именно синтаксические средства, т. к. употребление эмоционально-оценочной лексики ограничено нормами научного стиля. Данная система в рассматри-

ваемых разновидностях в свою очередь является частью общей системы синтаксических средств выражения адресованности речи [Нистратова 1985]. Экспрессивные синтаксические средства занимают в ней промежуточное положение между средствами адресации и авторизации (в соответствии со схемой коммуникативного акта К. Бюлера [Бюлер 1965]). Система синтаксических средств экспрессивности организована по принципу поля (центр – периферия).

К центру поля относятся восклицательные конструкции, у которых экспрессивность выражена наиболее интенсивно. Эмоциональное значение данных конструкций выражается с помощью интонации (графически – !), порядка слов (в препозиции – наиболее важное информативное слово: *Сказано замечательно!*), использования определенных лексических средств (частиц, междометий, наречий, местоимений. Например: *Ведь ум-то один! Ах, как похоже! Очень просто! Это было чистое совпадение, но какое!*). Для устной научной речи характерны конструкции с замещенной позицией оценочного определения: *Ну это просто изумительный случай!*

Восклицательные предложения употребляются в научно-популярном и устном научном изложении для выражения авторского отношения к фактам, для акцентирования на чем-либо внимания читателей или слушателей.

Периферию поля составляют средства с ослабленным проявлением экспрессивности. Они отличаются разной степенью усиления своих номинативных и иных модальных характеристик. На этом основании в периферийной области выделяются две зоны распределения средств: примыкающая к центру (вопросительные конструкции) и удаленная от него (повторы).

Вопросительные предложения, употребляемые в научно-популярных и устных научных текстах, неоднородны по своим функциям, структуре, характеру взаимосвязи с ответом и степени экспрессивности. Поэтому их можно разделить на несколько групп: риторический вопрос, вопросно-ответный комплекс, диалогическое единство.

Риторические вопросы (рассматриваемые здесь в их традиционном понимании) являются характерным средством публицистической и ораторской речи. В научно-популярном тексте они позволяют автору в эмоциональной форме выразить свое отношение к приведенным фактам, полемизируя со своим собственным или чужим мнением. Например: *Раз так, зачем возиться с людьми? Проще исследовать крыс; Но разве может быть какой-нибудь еще? А почему бы и нет?* Здесь риторический вопрос используется как специализированное средство имитации разговорности.

В устной научной речи данные конструкции являются характерным средством, заимствованным из ораторской речи. Однако доля этих вопросов незначительна по сравнению с другими типами вопросительных предложений, обладающими большим диалогическим потенциалом. Наличие в устной научной речи реального адресата обуславливает преимущественное использование здесь вопросно-ответного комплекса и диалогических единств, помогающих говорящему преодолеть разрыв между устной формой речи и ее книжным содержанием.

Вопросно-ответный комплекс представляет собой так называемый «монологический вопрос», привлекающий внимание читателя / слушателя к следующему за ним сообщению, которое является ответом автора на поставленный им же вопрос. В рассматриваемых текстах (в отличие от собственно научных) данные вопросы более разнообразны по своим функционально-смысловым типам и обладают большей экспрессивностью за счет использования разговорных частиц, союзов, наречий, вводных слов, эллипсов, непрямого порядка слов, а также повторов, содержащихся в ответной конструкции. Например: *Надо приобрести часы, да вот какие?; Минутку, почему мы оставляем поведение биологов?; А предложение какое?; Это – в вопросительном предложении. А не в вопросительном?; В чем заключается суть такого метода? А суть метода заключается в том, что...*

В научно-популярных и устных научных текстах вопросительные предложения регулярно используются для формулировки проблемы, введения дополнительных сведений, уточнения различных сторон рассматриваемой проблемы, передачи авторских размышлений, предположений. В целом, так же как и риторический вопрос, они способствуют психологической остановке, фиксации внимания читателей / слушателей на важных с точки зрения автора моментах, активизации их внимания.

Диалогические единства отличаются от предыдущих конструкций тем, что вопрос и ответ настолько связаны между собой лексикотематически и синтаксически, что теряют смысловую и синтаксическую самостоятельность. С их помощью пишущий / говорящий имитирует сиюминутность творчества, демонстрирует перед аудиторией ход своей мысли, размышлений, вовлекая в него читателей / слушателей, активизируя их внимание; заставляет вместе искать ответ на поставленный вопрос. Например: *Существительное, потому что склоняется? Так? Да, и в то же время не совсем.*

Диалогические единства в устной научной речи позволяют говорящему предугадывать возможные неясности, возражения слушателей, тут же давая ответ: *Ну вот такой метод вообще-то непродуктивен. Почему непродуктивен? Потому что здесь предмет не схватывается в самом существе.*

В таких построениях сообщаемая информация расчленяется, причем самая важная ее часть содержится в ответной реплике, оформляемой с помощью экспрессивных эллиптических конструкций. Например: *Что значит стать Человеком? Усвоить человеческую культуру, опыт многих поколений.* В диалогическом единстве не только ответная реплика, но и сам вопрос может быть представлен эллиптической конструкцией, что усиливает разговорный характер изложения: *Гипербола? Если и да, то небольшая; Все эти зависимости надо вскрывать. Как? Сопоставить различные издания.*

Экспрессивность диалогических единств часто усиливается за счет включения в ответную реплику разнообразных вводных и эмоционально окрашенных слов, частиц, междометий. Например: *Где в этой классификации русский язык? Конечно, на первой полочке; Не возврат ли это к бихевиоризму? Совсем нет; Но преодолела ли биология энтелехию окончательно? Увы, нет!; Что они перечисляют? Да что угодно!*

Особую роль в создании разговорного характера изложения играют диалогические единства, в которых ответная реплика представлена присущими устной речи частицами *да* и *нет* (либо содержит их в качестве компонента): *Если электрон летит, то летит со скоростью света? Нет! Нет!; Если «мягкий знак» когда-то обозначал гласный, то, может быть, все слова, кончающиеся на него, кончались на гласный?! Да; Невкусно? Да, конечно.*

К периферийной зоне экспрессивности, наиболее удаленной от центра, относятся различные виды повторов, которые отличаются от аналогичных построений в других стилях по регулярности употребления, своим функциям и степени распространенности.

В научно-популярных и устных научных текстах используются лексико-синтаксический и синтаксический повторы. Лексико-синтаксические повторы выполняют здесь экспрессивно-эмфатическую (выделительную) и экспрессивно-поясняющую (конкретизирующую) функции.

В экспрессивно-эмфатической функции повтор выделяет определенные части высказывания, лексически тождественные (полностью или частично) и занимающие одинаковую синтаксическую позицию, на которые падает логическое ударение. Данные повторы могут быть связаны либо с акцентуацией самого повторяющегося слова, либо следующего за ним слова. Следует отметить, что слова, следующие за повторяющимся словом, или синонимичны ему, или принадлежат к одному лексико-семантическому классу. Например: *И вот когда мы говорим об этих аспектах, мы всегда учитываем, всегда пишем, всегда помним о них; У вас нет условия необратимости, то есть не выделяются осадки, не выделяется газ, не выделяется много тепла; Животные обучаются*

сами, обучаются в играх со сверстниками, обучаются у родителей и обучаются у взрослых особей.

Повторяться могут не только члены предложения, но и союзы, предлоги, подчеркивающие связь между членами предложения: *В речи самых разных и по речевой манере, и по кругу общения, и по возрасту, и по профессии наших современников с удивительным постоянством повторяются одни и те же несовпадения с письменной нормой.*

Встречаются повторения частиц, входящих в состав однородных членов предложения: *Но нет нужды ни доказывать, ни объяснять, ни обосновывать, почему смешное смешно.*

В экспрессивно-поясняющей функции используются повторы с распространением повторяемого слова. Такие конструкции обычно употребляются для уточнения, выраженного повторяемым словом, и одновременно для его выделения. Например: *Ну вот китайцы выделили словарь и выделили другую область, область филологии; Нужна соответствующая теория – теория нечетных алгоритмов.*

Рассмотренные повторы могут совмещать данную функцию с функцией организаторов текста. Они способствуют созданию связности текста, выполняя при этом экспрессивную функцию, так как повторяется именно то слово или часть предыдущего высказывания, которое несет логическое ударение и является центром и исходной точкой для развертывания последующего высказывания. Например: *Это случилось в середине 60-х годов. Случилось – и начались магнитофонные и ручные записи услышанного; Я не случайно так много говорил о бихевиоризме. Говорил я о нем так много, что именно бихевиористы и породили большую часть существующих концепций обучения языку.* Следует отметить, что в повторах, выполняющих функцию организаторов текста, экспрессивность заметно снижается.

Синтаксический повтор способствует достижению ясности, четкости изложения, а также большей выразительности его ритмико-интонационной организации. На его основе строится такая фигура экспрессивного синтаксиса, как синтаксический параллелизм, который в научно-популярном тексте, как правило, осложняется еще и лексическим повтором (чаще всего анафорой). Этот вид повтора выполняет экспрессивно-выделительную, ритмическую, а иногда и экспрессивно-конкретизирующую функцию: *Еще нет плохого, а эмоция уже подсказывает: будет плохо. Еще нет хорошего, а эмоция подсказывает его появление; Речь идет прежде всего о перевооружении нашей промышленности. Речь идет о колоссальных вложениях в сельское хозяйство. Речь идет об особом внимании к эффективности и качеству; «Чистый» смех есть торжество познающего над познаваемым. Смех есть*

момент «прозрения», но прозрение это своеобразное, ибо возникает без усилий, затрачиваемых на понимание.

В научно-популярных текстах встречаются параллельные построения не только соседних предложений, но и целых абзацев, что служит дополнительным средством логического членения текста.

Рассмотренные выше синтаксические средства экспрессивности изложения регулярно используются в научно-популярных и устных научных текстах, поскольку их употребление органически вытекает из задач данных видов коммуникации. Это дает основание сделать вывод о том, что экспрессивность здесь имеет статус стилиобразующего признака.

Потребность в выделении и системном описании синтаксических средств экспрессивности диктуется не только теоретическими задачами лингвистики, но и практическими задачами преподавания русского языка как иностранного, поскольку общение на темы специальности является неотъемлемым компонентом коммуникации студентов-филологов и студентов-нефилологов. Исследование этих средств позволяет формировать речь студентов-иностранцев при общении на темы специальности в соответствии с нормами ведения научной коммуникации, поскольку структура высказывания в устной научной речи включает не только передачу предметного содержания, но и экспрессивно-оценочный компонент, а также коммуникативную направленность на адресата.

Л и т е р а т у р а

1. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М., 1981.
2. *Бюлер К.* Теория языка // Звезгинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965.
3. *Галкина-Федорук Е. М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию. Профессору Московского ун-та академику В. В. Виноградову в день его 60-летия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.
4. *Геллер Э. С.* Синтаксические средства экспрессивности и их роль в абзаце научных текстов: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л., 1991.
5. *Киселева Л. А.* Проблемы коммуникативной лингвистики как научной основы коммуникативной методики // Русский язык для студентов-иностранцев. Сб. метод. ст., №19. М.: Русский язык, 1980.
6. *Кожина М. Н.* О диалогичности научной речи: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1986.
7. *Кохтев Н. Н.* На трибуне ученые. М.: Знание, 1976.
8. *Маевский Н. Н.* Об экспрессивности заглавий научно-популярных произведений // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. / Отв. ред. Т. Г. Хазагеров. Ростов-на-Дону, 1992.
9. *Милованова Н. Я.* Выражение экспрессивности в научной речи. Баку, 1982.
10. *Милованова Н. Н.* Наблюдения над некоторыми средствами экспрессивности научной речи // Исследования по стилистике. Пермь, 1976. Вып.5.

11. *Нистратова С. Л.* Коммуникативная направленность и стилистическая дифференциация синтаксических средств выражения адресованности речи в письменной и устной сферах коммуникации на научные темы: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1985.
12. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
13. *Скребнев Ю. М.* Возникновение и становление языковой экспрессии // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып.2. / Отв. ред. Т. Г. Хазагеров. Ростов-на-Дону, 1992.
14. *Славгородская Л. В.* Научный диалог: Лингвистические проблемы. Л.: Наука, 1986.
15. *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991.
16. *Шарова В. В.* Категория экспрессивности в русском языке (на фоне английского языка): Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. СПб., 2002.

Прерванные конструкции устной речи в аспекте порождения и восприятия речи

© кандидат филологических наук С. А. Шульскис, 2004

Внутренние механизмы синтаксиса устной речи не раз становились объектом изучения в отечественном языкознании. Проблемы, связанные с организацией и использованием синтаксических единиц в устном тексте, сложны и разнообразны. В данной статье анализируются вопросы, устройства и функционирования прерванных конструкций устной речи. В качестве сферы их употребления рассматривается такая разновидность литературной речи, как устная публичная речь (УПР). УПР – это речь радио- и телевыступлений преимущественно монологического характера, записанная средствами аудиотехники и расшифрованная с позиции способов организации устного текста.

Одним из принципов организации устной речи, влияющим на формирование устно-речевых конструкций, является принцип прерывания синтаксической перспективы высказывания. Он проявляется в нарушении синтаксических связей между сегментами устно-речевых структур, возникающем непосредственно в процессе продуцирования речи. Появляются конструкции, которые невозможно интерпретировать как кодифицированное предложение. Они возникают в речи, когда говорящий, пытаясь выразить мысль, отказывается от продолжения начатой фразы, перестраивая ее по ходу речи. Возникновение подобных конструкций обусловлено спонтанностью устной речи, ее сегментированным характером, ассоциативностью течения мысли, а также отсутствием установки на контроль за правильностью речи, характерной для устной коммуникации.

Обращают на себя внимание конструкции с нарушением синтаксических связей на границе двух предикативных единиц. В этом случае имеется полипредикативная структура с формальным соблюдением особенностей сложного предложения (наличие предикативных центров, связочных средств в составных частях конструкции; соответствующее интонационное оформление: восходящий тон на границе предикативных единиц, нисходящий – в конце конструкции), но со структурно-смысловым несоответствием между предикативными частями, в силу которого интерпретировать подобные конструкции как кодифицированное сложное предложение не представляется возможным. Несмотря на разнообразие синтаксического оформления таких высказываний, можно выделить группы построений, сходных по своим структурно-семантическим характеристикам.

1. Начатая фраза обрывается, когда говорящий иными средствами передает информацию, которую предполагалось выразить в первой фразе. Фраза прерывается, как правило, произвольно (влияние фактора спонтанности):

Если физики математики / конвертируются довольно легко / более или менее / и на сегодняшний день Владимир Эммануилыч / ну известный / американский ученый / работы которого я читаю в ведущих / американских журналах / и получаю в общем-то / то же удовольствие / которое я получал в раннем / в ранней молодости // когда люди выбирают / на выборах / представителя спецслужб / я сейчас не говорю о моральном отношении / э-э / к спецслужбам как такового / а принцип меня интересует //

2. Фраза обрывается в результате того, что говорящий хочет уточнить что-либо из сказанного, внести дополнительную информацию и при этом забывает начало фразы. Основным фактором, влияющим на появление в речи таких конструкций, является ограниченность объема памяти. Вводя новую информацию (а для интеллектуализированного монолога, в форме которого преимущественно осуществляется УПР, характерны достаточно протяженные уточнения), говорящий не в состоянии удержать в памяти заданную в начале форму высказывания. В результате новая предикативная единица семантически не соотносится с началом высказывания:

Правила 56-го года / рекомендовали в этом случае только двоеточие / а мы / не значит что мы / как одна из газет написала / вообще предлагаем заменить двоеточие на тире // но э-э / то что мы занимаемся тюрьмами / вот я член Комиссии по помилованию / я был в Думе / член Комиссии по проверке тюрем // и ФБР / уже / было выяс / выяснили / что полиция / а полиция в Америке не имела централизованной структуры // и к негодованию дворян / э-э / власть / а редакционная комиссия / там сидели бюрократы / но бюрократы либеральные // но дело в том что / с чем бы ни пришел человек / с головной болью / а еще Авиценна писал что / э-э / так сказать / причин у головной боли / может быть / более чем тысяча / более чем тысяча // и любое государство может / мы знаем множество государств в мире / которые полностью использовали свое право / обеспечения суверенитета / в в том числе силой оружия / в том числе и тяжелого оружия //

3. Обрыв фразы в УПР может быть следствием различного рода сегментных компрессий текста:

Я считаю что /сокращение численности войск /э-э /находящихся особенно в стационарном положении /и я согласен с теми кто говорит /что войска могут разлагаться очень быстро //

Ср.:

Я считаю, что сокращение численности войск, особенно находящихся в стационарном положении, необходимо ...

Но если мы теряем Северный Кавказ /это уже регион //

Ср.:

Но если мы теряем Северный Кавказ, мы теряем уже стратегический регион //

Я пока не говорю о правомерности и конституционности его решений /а просто /говорю о возможностях /исполнения им как бы /а оно ничего не сделало там / для экономики Чечни //

Ср.:

... говорю о возможностях исполнения им (правительством – С.Ш.) своих обязанностей...

4. Иногда, напротив, обрыв фразы связан с наличием избыточных элементов:

Мы считаем что /если такого обращения нету /и они еще вернут голос /это ну полное /распишутся в своем бессилии /Парламентская ассамблея //(20, Борцов)

Ср.:

... это полное бессилие Парламентской ассамблеи.

Введение дополнительного предиката *распишутся* заставляет говорящего перестраивать фразу по ходу речи, хотя с точки зрения выражаемого смысла в этом не было необходимости. К тому же предикат и субъект в новом варианте фразы не согласуются друг с другом.

Конструкции с прерыванием, с перестройкой фразы по ходу речи являются весьма распространенными в УПР. В реально звучащей речи при посегментном восприятии информации они не воспринимаются слушателями как помехи для рецепции устного монолога. Смысловые несоответствия сегментных блоков, деформирующие текст, тем не менее не мешают пониманию смысла. Это происходит потому, что сегментное строение устной речи позволяет соединять в пределах одного высказывания множество относительно самостоятельных сегментов. Возникают длинные конструкции со слабой связью частей и аструктурированной формой их соединения. Однако слушатель в силу объема оперативной памяти воспринимает как бы по отдельности, поэтапно каждый сегментный отрезок, в результате чего структурно-смысловая несоотнесенность предикативных единиц в целом не осознается в той степени, в которой она могла бы восприниматься как нарушение синтаксической нормы. Но и при таких особенностях организации и вос-

приятия устного текста у говорящего часто возникает необходимость закончить фразу в ее изначально задуманной форме. В этом случае происходит восстановление синтаксической перспективы высказывания. Оно осуществляется по принципу подхвата, когда повторяется часть высказывания из начальной фразы. При этом между началом высказывания и его продолжением находится, как правило, несколько прерывающих сегментов, поэтому продолжение фразы интонационно оформляется как начало следующего предложения:

Несколько сот / ну э-э в будущем их называли / интеллигентами // Герцен называл образованным меньшинством // несколько сот человек в Москве и Петербурге / наверное / несколько тыщ на всю Россию / недовольных с позиции просвещенных / существующим положением / тоже не сила // но вот очень важный итог который / событие которое произошло / а на съезде были не только правозащитники в традиционном смысле понимания этого слова / то есть за гражданские / политические права // самый важный итог / что мы / объединились там вместе // я думаю что / Путин хочет чтобы Россия была / демократическим государством / но / как мне представляется / он готов / вот знаете / вот если мы находимся в пункте А / а надо добраться до пункта Б / очень хорошего такого пункта / он готов отказаться от некоторых демократических норм / ради того чтобы добраться / до этого / очень хорошего пункта Б //

В целом прерывание синтаксической перспективы высказывания является универсальным принципом устно-речевого синтаксиса. Его действие распространяется на сферу как простого, так и сложного предложения. При этом последняя оказывается охваченной в большей степени. Чем протяженнее конструкция, чем сложнее ее формально-семантическое устройство, тем больше возникает предпосылок для действия деструктурирующих тенденций. Для носителей русского языка наличие прерванных конструкций в устном монологе не является существенной помехой для понимания смысла сообщаемого, чего нельзя сказать об иностранных специалистах, изучающих русский язык. Понимание этиологии и внутренних механизмов образования прерванных конструкций позволяет снять объективные трудности, возникающие у них, в частности, при аудировании устной спонтанной речи на русском языке.

Л и т е р а т у р а

1. Лантева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии. М., 1999.
2. Предложение как многоаспектная единица. М., 1984.

3. *Скорикова Т. П.* Некоторые особенности ритмико-интонационного членения устного научного текста // Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981.
4. Современная русская устная научная речь. Синтаксические особенности. Т. II. М., 1994.
5. *Шведова Н. Ю.* Об идентификации предложений на основе их стационарных характеристик // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981.

Лексика, связанная с современными информационными технологиями, и процесс ангализации русской грамматики

© Ю. В. Роцина (Университет г. Виктория, Канада), 2004

Одним из существенных факторов, влияющих на развитие русского языка конца XX – начала XXI века, стало появление такого феномена, как Интернет. Современные информационные технологии позволяют огромному числу простых пользователей свободно общаться, публично выражая свои мысли в письменном виде. Появилась возможность непосредственно познакомиться с культурами и языками других стран. Межъязыковое и межкультурное взаимодействие России и других государств не может не отражаться на процессе языкового развития.

Интернет как уникальный лингвистический феномен обращает на себя все более пристальное внимание филологов. Активно изучается специфика компьютерного дискурса [Галичкина 2001, Дедова 2004 и др.], анализируются жанровые особенности электронной (компьютерной, сетевой) коммуникации, говорится о новой форме языкового взаимодействия языка Интернета – «письменной разговорной речи» [Михайлов 2004].

Объектом нашего исследования является новая лексика, появившаяся в языке в связи с развитием интернет-технологий, новых способов хранения и передачи информации (в частности, лексика, связанная с компьютером и Интернетом, а также современными СМИ). Лексика Интернета уже становилась предметом специальных исследований. Так, попытка осмысления и толкования слов, связанных с Интернетом, дана в серии работ Г. Н. Трофимовой [2000, 2001]. Иноязычность интернет-лексики как средство языковой игры рассмотрено в работе [Земская 2001].

Цель нашей статьи заключается в изучении вопроса о том, как подобная лексика отражает развитие аналитических тенденций в русской грамматике. Речь пойдет о таких лексических явлениях, которые не так давно вошли в нашу жизнь благодаря общению по электронной почте, интернет-форумам и конференциям, мобильной телефонной связи; лексика, связанная с данными формами коммуникации, уже не воспринимается как нечто инородное в русской речи и непонятное. Привычными становятся не просто отдельные лексические единицы, но и сочетания типа *интернет-газета*, *онлайн-новости*, *SMS-сообщения*, *мультимедиа техника*, т.е. нетипичные для русского языка грамматические конструкции, в состав которых входят неизменяемые определители.

Нередко слова для наименования новых реалий заимствуются непосредственно из языка-источника (в последнее время это, как правило, английский). При этом оригинальное звучание часто передается средствами кириллического алфавита. Ср.: *computer* – компьютер, *Internet* – Интернет, *diskette* – дискета, *player* – плейер / плеер и др.).

Иногда новая реалья может быть обозначена русским аналогом (переводом) слова. Таково, например, происхождение слова *сотовый телефон* (ср. английское наименование: *cellphone*, где слово *cell* в переводе на русский означает «пчелиные соты»).

В то же время наблюдается довольно большое количество случаев неустоявшегося употребления новых заимствований. Многие подобные слова функционируют в современных текстах (и даже в толковых словарях) в написании латиницей, сохраняя оригинальную орфографию. Так, в словаре ЯИ (список словарей-источников см. в конце статьи) ряд слов, в частности, *CD, IBM, Laptop, Windows, UNIX* и др., фиксируется в приложении на английском языке, дается их транскрипция, перевод и толкование.

Результатом конфликта узуса и нормы с живыми потребностями языка становится разноречие в написании многих неологизмов. В газетах и журналах новое слово нередко функционирует в нескольких графических вариантах. В основном это касается обозначений реалий компьютерного мира (ср.: *Internet* и *Интернет*, *ИнтерНет*, *web* и *веб*, *e-mail* и *имейл*, *и-мейл*, *е-мейл*), но встречаются и общеупотребительные слова (*VIP* и *ВИП*, *vip*; *PR* и *пиар*).

Иногда специалисты-русисты резко отрицательно относятся к использованию английской графики в русских текстах. Говорят о «разрушении принципов, стандартов употребления кириллического письма», о «варваризации языка через латиницу». Ср.: «Всё чаще встречаются слова-гибриды, слова-монстры, внутренняя форма которых доступна лишь тому, кто знает английский язык, а значит, для большинства русскоговорящих (читающих) слова бесформенны» [Пономарева 2001].

Действительно, открывшаяся возможность создания подобных образований стала поводом для модного в современных средствах массовой информации ерничества, языковой игры без границ. Появились разнообразные «*Deadушки*», «*Pro новости*», «*News блок weekly*», «*МузХtreme*», «*МузFilm*», «*Shэйker*» и пр. И все же подобные образования не являются, на наш взгляд, собственно словами с каким-то особым лексическим значением (чаще всего – это названия передач, журналов, обзоров, музыкальных групп). Основная масса таких «творений» недолговечна – это всего лишь дань моде, примета времени.

Многие исследователи тем не менее сходятся во мнении, что паниковать по поводу «порчи» языка не стоит. Такое положение дел перио-

дически возникает в живых языках вследствие взаимодействия, взаимопроникновения культур. Так, В. С. Елистратов в беседе в читателями на портале ГРАМОТА.РУ говорит о пяти периодах глобальной варваризации языка в русской истории: а) петровский (связанный с реформами Петра I); б) карамзинско-пушкинский (начало XIX века); в) разночинский (связанный с тем, что в культуру середины XIX века вошли представители средних классов); г) послеоктябрьский (советский) и д) перестроечно-постперестроечный. В такие периоды возникает особая потребность в новых словах, поскольку как никогда активно появляются новые реалии и понятия (В. С. Елистратов, www.gramota.ru, 14.11.2000).

Наряду с бессодержательной «игрой словами», шокирующим смешением кириллицы с латиницей, бывают случаи, когда действительно трудно оформить какое-то новое слово средствами кириллического письма. В первую очередь, это реалии и предметы, связанные с современной аудио-, видео- и компьютерной техникой. Слова типа *CD, DVD, IT, IP* и некоторые другие, пришедшие из профессионального жаргона, где сжатость и точность передачи информации является приоритетной задачей, где иноязычная аббревиатура довольно прозрачна, трудно встроить в русскую систему письма.

Попытки передать заимствованное слово средствами кириллицы не всегда бывают успешными, особенно в случае с заимствованными аббревиатурами. Теряется связь с базовыми производящими словами, в результате чего переданное кириллицей слово выглядит довольно бессмысленно (*сиди, дивиди, АйПи, АйТи, ЭсЭмЭс*, а то и вовсе курьезное *ПиСи*, с побочными собственными русскими коннотациями).

Так нарастает конфликт между узусом, нормой и потребностями речи на лексическом уровне языка. По определению М. В. Панова, подобный конфликт может разрешаться «либо заменой противоречащего норме наименования другим... либо его постепенным включением в норму» [Русский язык 1968, 1:30].

По нашим наблюдениям, разрешение данного конфликта происходит в большинстве случаев именно по второму сценарию. Непривычные поначалу употребления постепенно становятся нормой, новые слова и значения фиксируются словарями именно в том виде, в каком они укрепляются в устной и письменной речи (ср.: *CD-плеер, IBM-совместимый, DVD-фильмы, SMS-сообщения, IP-телефония, IT-проект*).

Как это ни странно, многие неологизмы постепенно становятся узуальными, стилистически нейтральными именно в оригинальном (английском) оформлении (*операционная система Windows, CD- и DVD-плеер, IT-специалист, отправить по e-mail'у* и пр.), в то время как их русифицированные собратья занимают свои места в рядах стилистически окрашенной, экспрессивной, жаргонной лексики (ср.: *виндуза*,

сидюк, дивидюк, айтишник, мыло / емеля). На работу приглашают *IT-специалистов* (не *айтишников*), в рекламных объявлениях нам предложат установить на компьютер не *виндузу*, а систему *Windows*, купить не *сидюки* и *дивидюки*, а *CD- и DVD-плееры, CD- и DVD-диски*, на визитной карточке будет указан именно *e-mail*, а не *мыло* или *емеля*.

Каким образом подобные языковые новшества влияют на тенденции развития русской грамматики?

Прежде всего отметим, что лексика, связанная с информационными технологиями, активно пополняет класс полифункциональных слов. К данному классу мы относим лексемы с широкой (нестандартной) грамматической валентностью. Такие лексемы формируют особый надчастеречный класс слов, где каждая из лексем реализуется как определенная часть речи лишь в контексте. При этом грамматическое значение определяется позицией слова в предложении, его окружением. Ср.: *экстра* – 1) существительное: *читать «Экстру»*, 2) прилагательное: *экстра-специалист*, 3) наречие: *экстра-авангардный*; также: *предвыборные шоу, шоу-индустрия; народное кароке, кароке-соревнование; авиа-ЧП, отправить письмо авиа*.

Лексемы с расширенной грамматической валентностью представляют собой явление, характерное для языков с аналитическими, по преимуществу, средствами выражения грамматического значения. Ср. в английском: *TV show – show business*.

Интернет-дискурс на сегодняшний день является одним из основных источников, пополняющих русский язык заимствованиями разного рода, в том числе, полифункциональными лексемами. Рассмотрим, к примеру, контексты употребления некоторых наиболее распространенных неологизмов.

Заимствованное английское сочетание существительного с предлогом *on line*, точнее порожденное им слово *online* ('работающий в сети в оперативном режиме'), в русском языке свободно употребляется в грамматических функциях сразу трех частей речи. Ср.:

(1) «Мелкий и средний бизнес идет *в онлайн* (1)» (НГ, 23.05.03); «300-летие Питера: шоу *в онлайн*» (www.rostov.ru, 26.05.03) (синтаксическая функция – обстоятельство; часть речи – существительное с полной парадигмой склонения);

(2) «Посетители вашего сайта смогут проверить написание слова... сразу в девяти *онлайн-словарях*» (www.slovari.gramota.ru, 02.07.03) (синтаксическая функция – несогласованное определение; часть речи – аналит-прилагательное, в терминологии М. В. Панова);

(3) «Почему ТВЦ может себе позволить транслировать дебаты "онлайн"...» (НГ, 05.11.03); «Правительство должно быть "онлайн"» (Известия, 21.02.02) (синтаксическая функция – обстоятельство; часть речи – наречие).

Логично, на наш взгляд, предположить, что заимствовано не просто слово *онлайн*, с каким-то одним частеречным значением, но также и его конкретные актуализации в предложении: субстантивная актуализация (1), соответствующие адъективная (2) и адverbиальная (3) актуализации.

Аналогичным образом функционирует и антоним слова *онлайн* – *офлайн* ('автономный, не подключенный к вычислительной системе'). Оно иногда используется как существительное: «Мероприятие по дискредитации "теневого кабинета" оппозиции <...> выплеснулось из Интернета в *офлайн*» (Правда, 24.03.01). Однако чаще это слово выступает как аналит-определитель: «По данным *офлайн*-опросов, АиФ – лидер среди российских общественных изданий» (АиФ Тур, 12.07.01). Слово может употребляться и как наречие: Отсутствие кого-то в компании современных пользователи Интернета обозначают просто: «Он сегодня *офлайн*» (АиФ, 16.07.03). Ср. также: проходить тест *офлайн*, работать *офлайн*, скачать и читать *офлайн*.

Как видно из примеров, графическое написание еще не устоялось (встречаются варианты: *офлайн*, *оффлайн*, *off-line*, *offline*), однако словари НСИС и РО рекомендуют писать *офлайн*. По нашим данным, именно такое написание встречается чаще всего.

Слово *медиа* необычайно популярно в средствах массовой информации, что не удивительно. Употребляется оно как существительное (Произведение, выполненное с использованием современных *медиа*, автоматически воспринимается как модное и актуальное. – НГ, 23.04.2003), и как аналит-определитель (Журналистика – это особый образ жизни. Это такая *медиа*-профессия. – НГ, 30.09.99; Минпечати наградило руководителей *медиа*-индустрии. – КП, 03.03.04).

Слово *Интернет* постепенно встроилось в парадигму склонений существительных мужского рода на согласную. Ср.: «В русском *Интернете* – при всей его молодости – свои традиции» (НГ, 11.04.01). Одновременно с ним в языке появились многочисленные сочетания типа *интернет-сайт*, *интернет-связь*, *интернет-технологии*, *интернет-публикации*, *интернет-услуги*, *интернет-магазины* и т. д. Пример из печати: «С *интернет*-связью (2) особых проблем не возникало» (МК-воскресенье, 16.06.02).

Чаще всего подобные конструкции пишут через дефис, но встречается и раздельное написание (*интернет студия «Муза»*). Интересно отметить, например, что в сборнике докладов II Международного конгресса исследователей русского языка один из докладчиков затрагивает некоторые аспекты *интернет дискурса* [Русский язык 2004: 496] (соче-

тание написано без дефиса). Очевидно, что слово *интернет* здесь является несклоняемым определителем существительного *дискурс*. В другой публикации того же сборника это сочетание написано через дефис: «... термин “компьютерный дискурс” является более предпочтительным, чем “интернет-дискурс”» [Там же: 387]. Несмотря на то, что сочетание *интернет-дискурс* по традиции написано через дефис, слово *интернет* и в этом случае выступает как неморфологизованный определитель – аналитическое прилагательное. Ср.: *компьютерный (какой?) дискурс* и *интернет (какой?) -дискурс*.

Еще одно широко распространенное заимствование – *веб*, оно отмечено в словаре РО следующим образом: «*веб*... первая часть сложных слов, пишется через дефис»; как «первую составную часть сложных слов, обозначающую: относящийся к сети Интернет» определяет *веб* и НСИС. Таким образом, статус самостоятельной лексической единицы за этим словом официально пока не признан. В то же время исследование материалов периодики показывает, что слово *веб* употребляется как существительное мужского рода с полной парадигмой склонения.

Приведем примеры: «Обладатель премии в номинации “*Веб* выбирает вас”» (АиФ, 29.03.00); «Мастера своего *веба*» (МК, 29.01.04). Ср. также: *Веба* и зрелищ; Плавать по *вебу* всей семьей; Не *вебом* единым жив человек; Русистика на *вебе*; Поэты в московском *вебе*.

Количество употреблений слова *веб* в качестве аналит-определителя превышает количество его употреблений как существительного: «Особого внимания заслуживают иностранные *веб*-ресурсы» (АиФ, Твой курс, 11.02.03); «Олегу 34, он *веб*-дизайнер. Машенька не единственная его работа, скорее – увлечение...» (АиФ, 11.04.02); «Официальный сайт теннисного Кубка Дэвиса продемонстрировал существенно новые элементы в технологии *веб*-трансляции матчей» (КП, 11.02.04).

Таким образом, Интернет как одно из ведущих направлений современных СМИ, становясь все более массовым явлением нашей жизни, привнося в нее новые реалии и соответствующие их обозначения, существенно расширяет границы употребления полифункциональных слов.

В связи с вопросом о влиянии лексики, связанной с информационными технологиями, на развитие грамматической системы русского языка, обращает на себя внимание еще один относительно новый тип заимствований – а б б р е в и а т у р ы иностранного происхождения.

Такие аббревиатуры фиксируют современные словари неологизмов. В частности, среди заимствованных аббревиатур в словаре ЯИ часть из них представлена как в английском, так и в русском графическом оформлении: *Ай-би-эм / ИБМ (IBM)*, *Би-би-си (BBC)*, *Би-би-эс (BBS)*, *ДОС (DOS)*, *СД (CD)* и некоторые др. Такие аббревиатуры в русском языке не склоняются, поскольку представляют собой комбинации названий англ-

лийских букв. На письме (в газетах, журналах) такого типа слова обычно передаются в оригинальном написании (латиницей), попадая в список так называемых «варваризмов», поскольку русская транслитерация не всегда точно отражает звучание (ср., например: *СД, ИБМ*).

В целом, по нашим наблюдениям, существует довольно четкая тенденция сохранять английское графическое оформление аббревиатур, связанных с компьютером, Интернетом и другими современными средствами коммуникации.

Каким образом подобные «варваризмы» функционируют в грамматической системе русского языка? Какие ниши они заполняют? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, мы проанализировали контексты употребления наиболее распространенных в последние десять лет новых заимствованных аббревиатур, тематически связанных с современными информационными технологиями. Анализ проводился на материале архивов шести многотиражных газет, онлайн-версии которых доступны в Интернете: «Аргументы и Факты», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский Комсомолец», «Независимая Газета», «Правда» (выпуски с 1999 по 2004 год включительно). Представим основные результаты нашего анализа на примере семи иноязычных аббревиатур: *CD, DVD, IT, IP, MP3, PC, SMS*.

CD [*sidi*] и редко *СиДи* [англ. compact disc] – компакт-диск. Слово широко распространено в речи и в периодике. Функционирует как существительное в значении ‘компакт-диск’ (*купить/поставить/записать CD*), а также как аналит-определитель: «Музыкальные и видеорынки, торгующие кассетами, *CD* и *DVD-палатки* у станций метро...» (МК, 16.07.2003); «После много писалось и говорилось о *CD-пиратстве*» (Известия, 14.10.02). Нам удалось отметить 23 примера употребления аббревиатуры *CD* в функции аналит-определителя. Русифицированная версия слова *СД* или *СиДи* практически не употребляется (видимо, по причине того, что в такой версии теряется внутренняя форма аббревиатуры).

Слово *DVD* [англ. Digital Video Disk] можно уже, как нам кажется, рассматривать в составе общеупотребительной лексики. В российской, как и в мировой, видео-индустрии *DVD*-диски постепенно вытесняют видеокассеты. Приведем примеры употребления данной аббревиатуры: «В версии «Бригады» на *DVD* и видео появится еще ряд сцен, не вошедших даже в «пополненную» телеверсию» (КП, 10.12.02); «Пиратских *DVD* – 90%» (Известия, 03.10.02). Мы обнаружили 30 различных контекстов употребления этого слова в функции приименного определителя типа: *DVD-проигрыватель, DVD-формат, DVD-фильм, DVD-технологии, DVD-стандарты*. Если учитывать многократно повторяю-

щиеся рекламные тексты, то количество отмечаемых в печати аббревиатур *CD* и *DVD* увеличится в десятки раз.

С развитием информационных технологий вошла в употребление и аббревиатура *IT* [англ. Information Technologies]. Аббревиатура в современных словарях пока не отмечена, однако в газетах и интернет-публикациях встречается часто: «*IT-рынок* ждет либерализации» (НГ, 10.06.03.); «За перспективный рынок сражаются крупнейшие *IT-компании*» (Известия, 22.01.03).

Широко распространен также русифицированный графический вариант *ИТ* [и-тэ] ('информационные технологии'). Вот лишь некоторые примеры: «Отчет <...> опровергает обнадеживающие новости о тенденциях роста в сфере инвестиций в *ИТ*» (Известия, 01.10.03); «Наиболее развитые в плане *ИТ* страны...» (НГ, 26.01.04); «Больше всего на информационную защиту в СНГ тратят *ИТ-компании*» (Известия, 19.09.2003).

Всего в печати нами отмечено 154 случая использования русифицированного графического варианта аббревиатуры – *ИТ* и порядка 100 случаев использования английского графического варианта – *IT*. Заметим, что в 80 % употреблений это сочетания типа *ИТ-специалисты*, в *ИТ-кругах*, *ИТ-бизнес*, *ИТ-служба* и пр.

Необходимо указать на тот факт, что в речи данная аббревиатура существует в своем оригинальном английском варианте звучания, т.е. произносится как [ай-ти] (ср. также образованное от него *айтишник*). Мы провели специальный опрос людей, так или иначе связанных с работой в сфере информационных технологий (программистов, компьютерных инженеров, продавцов компьютеров и специалистов по их обслуживанию), для которых слово *IT* является повседневным. Все 19 человек, с которыми нам удалось побеседовать, отрицательно отнеслись к высказываниям типа *инвестиции в [и-тэ]*, *работать в сфере [и-тэ]* и под.; при этом 16 человек положительно оценивают выражения типа *инвестиции в [ай-ти]*, *работать в сфере [ай-ти]*. Трое предпочитают по возможности расшифровывать аббревиатуру и говорить: *инвестиции в информационные технологии*, *работать в сфере информационных технологий*, хотя и вариант [ай-ти] им «не режет слух».

Таким образом, перед нами любопытное явление несовпадения форм написания и звучания. Несмотря на тот факт, что русифицированный графический вариант *ИТ* достаточно широко распространен в печати, в речи эта аббревиатура сохраняет свое оригинальное звучание [ай-ти].

Слово *IP* [англ. Internet protocol] – интернет-протокол (протокол сетевого уровня), которое тоже постепенно начинает переходить из технического жаргона в общую лексику, сохраняет свое английское написание и звучание [ай-пи]: «Просмотр *IP* пользователя» (*IP-адреса* – Ю.Р.) (на сайте газеты Известия); «Мне выдали сообщение, что с моего

IP уже получен один голос» (Гостевая книга на сайте газеты МК). Однако чаще всего *IP* употребляется в сочетаниях типа *IP-телефония* (телефонная связь по интернет-каналам), *IP-протокол*, *IP-сети* и под. Приведем примеры из печати: «Другой хит последних лет – так называемая *IP-телефония*» (НГ, 17.03.03); «Поразив компьютер, червь производит сканирование произвольных *IP-адресов*» (Известия, 13.08.03). Нам удалось зафиксировать около 20 контекстов употребления слова *IP* (чаще всего в рекламных объявлениях).

MP3 [эм-пэ-три] и реже *МПЗ* [англ. mp3 – от «Media Program Encoding Group» – ассоциация фирм-разработчиков] – стандартное расширение для аудиофайлов, сжатых по стандарту «mp3, уровень 3». Это слово, хорошо известное всем любителям слушать музыку в Интернете, словарями не отмечено. Выступает в основном в английском графическом варианте. В предложении может быть существительным, а также неизменяемым определителем существительного: «Размеры носимых *mp3-плееров* все уменьшаются и уменьшаются» (МК, 29.01.04); «Можно брать *MP3-записи* и из локальной компьютерной радиосети» (Известия, 30.09.03). Всего нами выявлено 14 сочетаний со словом *MP3* типа: *mp3 альбом*, *mp3 архив*, *MP3 диск*, *MP3-записи*, *MP3 коллекция*, *МПЗ музыка*, *МПЗ сайты*. Из примеров видно, что написание аббревиатуры и сочетаний с нею не устоялось. Используются английский и русский графические варианты, сочетания могут быть написаны отдельно и через дефис.

Довольно редко аббревиатуры иностранного происхождения, ставшие частью общеупотребительной лексики, функционируют в русском графическом варианте. Частью общеупотребительной лексики давно стала аббревиатура *PC* или *ПК* [Personal Computer] – персональный компьютер. Слово функционирует как существительное мужского рода. Что касается его графических вариантов, то в последнее время русский вариант *ПК* побеждает с большим перевесом (в печати нам встретилось 163 случая употребления *ПК* и 77 – *PC*). Приведем примеры: «Специалисты решили создать уникальную программу <...> которая способна оценить физическое состояние юного пользователя *ПК*» (МК, 21.07.03); «Один из крупнейших в России производителей *ПК*...» (Известия, 17.02.04); «Родители покупают домашний *PC* для своих детей» (НГ, 02.08.02).

Аббревиатура *SMS* [англ. short message service] – короткое письменное сообщение, которое можно отправить на мобильный телефон по электронной почте, не зафиксирована опубликованными на данный момент словарями неологизмов. Вместе с тем *SMS-сообщения* (или «эсмэски») становятся популярным средством связи. В газетах чаще встречаются контексты с оригинальным английским вариантом *SMS*:

«Хулиганские SMS ломают популярные мобильники» (Известия, 19.03.03); «Сотовые компании хотят обмениваться SMS по всей стране» (Известия, 16.07.02).

Достаточно широко распространенными являются сочетания типа *SMS-вирус*, *SMS-вредительство*, *СМС-голосование*, *SMS-оповещение*, *SMS-услуги*, *SMS-чат* и др. Ср.: «Специалисты предлагают потерявшим мобильник присылать на него *SMS-сообщение* с предложением выкупить находку» (Известия, 18.10.02); «*SMS-олимпиада* проводится справочно-информационным интернет-порталом ГРАМОТА.РУ и компанией *SMS Медиа Соллюнс...*» (новости на www.gramota.ru, 19.09.04); «Специалисты прогнозируют, что огласка уязвимости этих телефонов может сделать *SMS-хулиганство* массовым явлением» (Известия, 19.03.03).

Нами отмечено около 90 контекстов с таким вариантом. Русский вариант аббревиатуры – *СМС* в печати нам встретился примерно 20 раз. Ср.: «Возможность общаться онлайн через собственную систему *СМС*» (АиФ, 05.02.04).

Образованное от данной аббревиатуры слово *эсмэска* употребляется в основном в неформальном общении.

Итак, многие лексемы, связанные с современными информационными технологиями, по своей грамматической природе полифункциональны. Такие интернациональные слова, получая русское графическое оформление, приобретают соответствующие флексии, выступая в функции существительного (ср.: *в онлайнe*, *о вебе*), но в вместе с тем остаются неизменяемыми, аналитическими в функции приименного или приглагольного определителя (*онлайн-олимпиада*, *веб-индустрия*, *работать онлайн*).

Представляется весьма интересным следующее обстоятельство. Анализ заимствованных аббревиатур, относящихся к исследуемой тематической группе, показывает, что в русском языке они также употребляются не только как несклоняемые существительные, но и как аналитико-определители, т. е. также обладают свойством грамматической полифункциональности. Сочетания типа *CD-пиратство*, *SMS-викторина* широко распространены в печати и в речи, являя собой яркие примеры аналитизации русской грамматики.

Иностранные аббревиатуры в большинстве случаев употребляются в графическом облике родного для них языка, что объясняется, в частности, невозможностью сохранить смысловую связь с составляющими аббревиатуру словами при написании ее схожими по звучанию русскими буквами.

Завершим рассмотрение заимствованной лексики, связанной с новейшими информационными технологиями, наблюдениями над их деривационными возможностями. Если заимствованные аббревиатуры

имеют русифицированные аналоги, то дериваты, образуемые от подобных вариантов, распределены стилистически. В официально-деловом общении преобладают дериваты-композиции с иноязычными компонентами (*IT-бюджет, IT-специалист, IP-адрес, DVD-индустрия*; характерно, что многие ученые, например Е. А. Земская, отказывают таким композициям в словесном статусе, рассматривая их в качестве аналитических словосочетаний). В то же время дериваты, образованные от русских эквивалентов указанных аббревиатур преимущественно в молодежном жаргоне (*айтишник, айтишник, дивидюк, сидюк, эсэмэска*), употребляются исключительно в неформальном общении, при этом никто из лингвистов не сомневается в их словесном статусе.

Л и т е р а т у р а

1. *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
2. *Голанова Е. И.* 1998: О «мнимых сложных словах» (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // *Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской.* М., 1998.
3. *Дедова О. В.* О специфике компьютерного дискурса // *Русский язык: исторические судьбы и современность / II Международный конгресс. Труды и материалы.* М., 2004.
4. *Земская Е. А.* 2001: Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века / http://www.gramota.ru/mag_author.html, 05.02.2001.
5. *Михайлов С. Н.* Жанровая специфика электронной коммуникации // *Русский язык: исторические судьбы и современность / II Международный конгресс. Труды и материалы.* М., 2004.
6. *Панов М. В.* 1999: *Позиционная морфология русского языка.* М., 1999.
7. *Пономарева З. Н.* Графический образ иноязычного слова в современных русских текстах // *Мир русского слова*, № 2, 2001.
8. *Русский язык и советское общество, Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова.* М., 1968.
9. *Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Под ред. Е. А. Земской.* М., 1996.
10. *Русский язык: исторические судьбы и современность / II Международный конгресс. Труды и материалы.* М., 2004.
11. *Трофимова Г. Н.* О чем пока молчит Рунет // http://www.gramota.ru/mag_author.html, 14.11.2000.
12. *Трофимова Г. Н.* Кто такой сетевой онлайн? // http://www.gramota.ru/mag_author.html, 12.15.2000.
13. *Трофимова Г. Н.* Заходите в наш портал // http://www.gramota.ru/mag_author.html, 16.02.2001.

Словари-источники

1. *НСИС*: Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.
2. *НТС*: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М., 2000.
3. *РО*: Русский орфографический словарь Российской академии наук / Под ред. В. В. Лопатина. Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001–2002.
4. *ЯИ*: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Ритм и просодия художественного текста в прагматилистическом освещении

© И.Т. Григорьян, 2004

Вопрос о чтении художественного произведения и целый комплекс возникающих здесь сложнейших проблем не только языковедческого, но и психолингвистического характера всегда находился в центре внимания отечественной филологии. К нему постоянно обращались специалисты самых разных отраслей языкознания для того, чтобы выяснить, каким образом читающий может добиться полноты понимания произведения словесно-художественного творчества, с одной стороны, и, с другой – каким образом литературный текст выявляет заложенную в нем художественную образность и, следовательно, эстетическое намерение автора¹.

Сегодня интерес к этому вопросу во многом связан с тем, что положение с чтением книг как разновидностью интеллектуальной деятельности в последнее время крайне сложное. Происходит его постепенное вытеснение средствами массовой информации: постоянно возрастает число людей, предпочитающих проводить свое время перед экраном телевизора или компьютера. По этой причине даже в рамках гуманитарных специальностей обучение чтению стало одной из самых сложных задач.

Одна из очевидных сложностей здесь состоит в том, что чтение как «искусство» практически не получает должного внимания в довузовском образовании. Более того, сегодняшнее школьное образование больше ориентировано на «скорость» чтения, чем на понимание прочитанного. В качестве примера можно привести огромное количество широко рекламирующихся курсов, школ и центров, предлагающих обучение за короткий срок «быстрому чтению». При таком подходе к этому

¹ См., например, *Задорнова В.Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. М.: Высшая школа, 1984; *Задорнова В.Я.* Произведение словесно-художественного творчества на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: Дисс... доктора филологических наук. – М., 1992; *Чаковская М.С.* Текст как сообщение и воздействие. М.: Высшая школа, 1986; *Давыдов М.В., Яковлева Е.В.* Основы филологического чтения: Современный английский язык. М.: Диалог-МГУ, 1997 и др.

вопросу упускается из виду основная цель чтения – полнота понимания текста.

Конечно, существует и такая разновидность чтения, которая направлена преимущественно на поиск информации ('information retrieval') – имеется в виду прежде всего чтение научно-технической литературы, где от читающего требуется в первую очередь умение уловить основную мысль ('the gist') и, следовательно, в целом ряде случаев допускается практически «чтение по диагонали». Однако применение подобного подхода к серьезному чтению художественной литературы на определенном уровне языкового образования может только существенно навредить. Стремясь «проглотить» как можно большее количество текста за возможно более короткий срок, читающий вряд ли будет в состоянии обнаружить и воспринять красоту текста и насладиться ею, отреагировать на наиболее важные эстетические составляющие текста. Другими словами, у читающего текст подобным образом отсутствуют навыки обнаружения эстетически значимых элементов в тексте художественного произведения. Вместе с тем, именно эти навыки выдвигаются на передний план, когда речь идет о филологическом чтении, т.е. такой разновидности чтения, цель которой состоит в том, чтобы глубже проникнуть в то или иное произведение и, таким образом, прийти к пониманию самого основного – исходного замысла автора².

К сожалению, филологическому чтению до сих пор не уделяется должного внимания в широкой практике преподавания английского языка не только в довузовском, но и в вузовском образовании. Хотя на филологических факультетах университетов в нашей стране преподается большое количество теоретических курсов лингвостилистики и лингвопоэтики (не говоря о многочисленных курсах литературы и литературоведения), к сожалению, разрыв между теорией лингвостилистики и практикой чтения произведений словесно-художественного творчества все еще остается, и проблема требует дальнейшего рассмотрения.

В настоящее время особый интерес в этой области представляет прагмалингвистическое направление исследования³, чьей конечной целью является создание таких языковых материалов, которые были бы целиком ориентированы на наиболее существенные моменты стилистической организации художественного текста, т.е. такие его элементы,

² См., например, *Philological Phonetics* / Ed. by *Akhmanova O.S., Alexandrova O.V.*, MSLU, 1986. В отечественной англистике, в частности, на кафедре английского языкознания, за последние 20 лет было выполнено значительное число работ (в т.ч. кандидатских и докторских диссертаций).

³ *Магидова И.М.* Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: Дисс... доктора филологических наук. – М., 1989.

которые могут служить опорными в процессе филологического чтения. Поскольку эта отрасль в языкознании, в целом, относительно молодая и входит в состав функциональной стилистики, ее предмет требует дополнительного комментария. Имеется в виду особая сфера функционирования языка, расширяющая существующее деление на функциональные стили, разработанное акад. В.В. Виноградовым⁴ и его многочисленными последователями и составляющее основу языковедческих разысканий в отечественной науке второй половины XX – начала XXI вв. Основная мысль здесь состоит в том, что существует большое количество произведений устной и письменной речи, которые «имеют целью выявление и показ тех или иных свойств и особенностей данной языковой системы в научно-исследовательских и дидактических целях»⁵ и не могут быть непосредственно соотнесены ни с одной из выделенных функций языка. Так, например, их целью не является передача интеллективного сообщения или эмоционально-художественное воздействие на читателя. Их функция состоит преимущественно в том, чтобы «наиболее полно и наглядно раскрыть природу данного языкового явления и показать особенности его речевого функционирования»⁶. В течение долгого времени произведения речи такого рода (где язык фактически использовался для разъяснения и раскрытия специфики самого языка, т.е. направлялся как бы «на себя») не выделялись в отдельную функционально-стилистическую разновидность, подлежащую специальному научному изучению. Развитие прагмалингвистики позволило пересмотреть это традиционно сложившееся отношение, и в настоящее время мы говорим о существовании самостоятельного «моделирующего» (прагмалингвистического) функционального стиля, объединяющего эти произведения речи в единое функциональное «целое».

Основная задача прагмалингвистических разысканий состоит в том, чтобы разработать оптимальные способы выявления наиболее важных особенностей данной языковой системы, составляющих основу коммуникации на этом языке и являющихся ключевыми для понимания – с тем, чтобы «перевести» их в прагмалингвистический (моделирующий) функциональный стиль. Конечным результатом исследования в данном направлении является создание разнообразных лингвистических материалов (специально разработанных «текстов»), обращающих внимание изучающего язык на ту или иную особенность языкового выражения,

⁴ См. Виноградов В.В. Стилистика. – Теория поэтической речи. – Поэтика. М., 1963. – С. 5-6.

⁵ Магидова И.М. *Op. cit.* С. 6.

⁶ Магидова И.М. *Op. cit.* С. 7.

необходимую для понимания содержания и мета-содержания (в целом ряде случаев – и мета-мета-содержания) произведений речи, созданных на данном языке. Таким образом, прагмалингвистическое исследование сосредоточено на разработке способов выявления наиболее существенных для речевого общения языковых явлений и целенаправленного выведения их на передний план с тем, чтобы читающий подобный текст (созданный в прагмалингвистическом регистре), смог заострить внимание именно и преимущественно на этом языковом явлении и увидеть его «в действии».

До настоящего времени прагмалингвистический функциональный стиль был детально разработан на фонетическом, грамматическом, лексическом и фразеологическом уровнях⁷. Его стилистический раздел не получил еще достаточного внимания и, хотя этому аспекту был посвящен ряд работ⁸, вопрос о его детальной разработанности в значительной степени остается открытым. Сама природа художественного текста представляет собой особую сложность для прагмалингвистического исследования, если исходить из уже разработанных способов моделирования. Как показали результаты предшествующих разысканий, другие аспекты языка, такие, как вышеупомянутые фонетика, грамматика, лексика и фразеология, вполне могут подвергаться прагмалингвистическим «экспериментам», какими, например, являются разработка уже существующих текстов путем «насыщения» их элементами, показывающими фонетическое или грамматическое явление во всей полноте, осуществляя таким образом «внеязыковой перевод»⁹, или создание совершенно новых «авторских» прагмалингвистических текстов, ориентированных на «демонстрацию» того или иного языкового явления во всей его полноте. В отличие от этих аспектов языка, вопрос о возможности экспериментирования в области стилистики – т.е. с произведениями словесно-художественного творчества, где все языковые элементы нацелены на эстетическое воздействие на читателя, – предстает совершенно по-другому. Уже отработанные и достаточно прочно «устоявшиеся» методы прагмалингвистического моделирования вряд ли могут быть с легко-

⁷ Магидова И.М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: Дисс... доктора филологических наук. – М., 1989.

⁸ См. Завальская Г.П. «Вторичные тексты» в литературной традиции современного английского языка: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1988; Прохорова М.Ю. Филологический вертикальный контекст в прагмалингвистическом освещении: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1989; Селеменова Л.В. Аллюзивный аспект художественного текста как объект прагмалингвистического и лингвоэстетического исследования (на материале англ. и амер. лит.): Дисс... канд. филологических наук. – М., 2000.

⁹ См. Шелия М.Д. Диалектика языка и речи и методологические основы изучения равнозначности: Дисс... доктора филологических наук. – М., 1991.

стью применимы в этой сфере, где требуется особая осторожность и «бережность» в обращении с оригинальным текстовым материалом.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что прагмастистика как стилистический раздел указанного функционального стиля в значительной степени только начинает разрабатываться, и пути и способы выявления эстетически значимых элементов художественного текста только намечаются. Существующие в настоящий момент работы по прагмастилистике посвящены с одной стороны, наиболее общим вопросам – таким, как, например, литературная пародия и ее прагмалингвистическое значение (т.е. рассмотрение пародии как особой разновидности прагмалингвистического текста, представляющей собой готовую «модель» некоторых наиболее важных литературных приемов, характеризующих литературный стиль пародируемого писателя¹⁰). С другой стороны, в работах такого рода в центре внимания нередко оказывались также и отдельные составляющие художественного текста – например, аллюзивные фигуры речи¹¹.

За последние годы на передний план в прагмастилистических размышлениях выдвинулись проблемы изучения текстов словесно-художественного творчества с точки зрения ритма и просодии. Исходными здесь являлись положения, разработанные в ходе фонетических, синтаксических и стилистических исследований – прежде всего тех, которые проводятся на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ.

Основная цель здесь состоит в том, чтобы выявить важнейшие особенности ритмико-просодической организации художественного текста и показать их теснейшую связь со знаками препинания, представляющую особое значение для данного раздела прагмастилистики. В целом, как было показано фонетистами и синтаксистами кафедры английского языкознания¹², в английском языке именно система знаков препинания играет первостепенную роль при обнаружении «заложённых» в тексте ритма и просодии и, таким образом, способствует более глубокому проникновению в исходный замысел автора.

¹⁰ Завальская Г.П. *Op.cit.*

¹¹ Селеменова Л.В. *Op.cit.*

¹² См. например, Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М.: Высшая школа, 1984; Баранова Л.Л. Единство и взаимодействие устной и письменной форм научного изложения: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1983; Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи: Дисс. доктора филологических наук. – М., 1996; Магидова И.М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: Дисс... доктора филологических наук. – М., 1989; Maguidova I.M. Speech Modelling as the Subject of Functional Stylistics // *Folia Anglistica* – № 1; М., 1997.

С прагмалингвистической точки зрения значение знаков препинания было в первую очередь выявлено на уровне научной прозы¹³, где было показано, что пунктуация составляет прагмалингвистическую основу чтения с опорой на уже установленные тенденции, позволяющие соотнести тот или иной знак препинания с соответствующим ему просодическим выражением¹⁴. Сравнительно недавно прагмастилистическое исследование было переведено на уровень художественной прозы¹⁵, где знаки препинания рассматривались сквозь призму филологического чтения. При этом в центре внимания снова оказывалось соотношение пунктуации и ритма как одна их основных составляющих литературного произведения, обеспечивающих воплощение словесно-художественного образа в звучащем выражении и, таким образом, проясняющих эстетическое содержание-намерение ('pragmat') текста в целом.

До сих пор усилия прагмастилистов в этой области были направлены на изучение двоеточия и его прагмалингвистического значения для решения задач филологического чтения. В настоящей работе на передний план выдвигается другой знак препинания – точка с запятой и предпринимается попытка определить его место в прагмастилистическом исследовании.

Другими словами, целью данного исследования является выяснение роли точки с запятой в английском художественном тексте и возможностей прагмалингвистического выявления значения этого знака препинания для произведений английской художественной литературы XX в. Для этого требуется прежде всего ответить на вопрос, может ли использование точки с запятой рассматриваться как особый стилистический прием, применяемый индивидуально различными авторами для создания определенного стилистического эффекта. Мы попытаемся выяснить, насколько этот знак препинания может быть прагмалингвистически выделен, моделирован и переведен в прагмалингвистический регистр и какими могут быть способы этого транспонирования.

Проведенный анализ текстов английской художественной прозы (из произведений Вирджинии Вулф («Комната Джейкоба») и Олдоса Хаксли («Шутовской хоровод» и «Контрапункт») позволяет предположить,

¹³ См. Руденко Д.У. Прагмалингвистика чтения научной прозы в свете соотношения просодии и пунктуации: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1989.

¹⁴ См. Арапиева Л.У. Теория и практика знаков препинания в современном английском языке: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1985; Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи: Дисс. доктора филологических наук. – М., 1996.

¹⁵ См. Михайловская Е.В. Прагмалингвистические проблемы английской пунктуации (на материале двоеточия): Дисс... канд. филологических наук. – М., 2001.

что точка с запятой действительно может использоваться в качестве особого стилистически маркированного элемента, способствующего созданию определенных ритмических и просодических структур. Так как подобные структуры встречаются в рассматриваемых произведениях с достаточной регулярностью, можно сделать вывод о том, что функционированию точки с запятой в английской художественной прозе XX в. следует уделить особое внимание при создании прагмастилистических материалов. В ходе исследования было также выявлено, что разработанные ранее правила чтения знаков препинания¹⁶ в случае с точкой с запятой оказались вполне эффективными при переводе анализируемых художественных текстов из письменной формы в устную, так как позволяли воспроизвести заложенные в тексте ритм и просодию, и, таким образом, достигнуть более полного понимания исходного художественного замысла.

Прагмалингвистическое изучение точки с запятой и ее функционирования в отобранных текстах английской художественной прозы проводилось на основе сопоставительного метода – т.е. анализа оригинальных текстов в сопоставлении с различными гипотетическими вариантами их пунктуационного оформления. Подобное сопоставление позволило выявить разнообразие функций, выполняемых различными знаками препинания для создания определенного художественного эффекта. Наиболее важным результатом проведенного сопоставления стало определение места точки с запятой в составе филологического чтения. Другими словами, была показана необходимость рассмотрения этого знака препинания как неотъемлемого элемента создания различных, многократно повторяющихся в тексте ритмико-просодических структур, задуманных автором как средство создания особых художественных образов. Прагмастилистическое изучение точки с запятой, таким образом, способствовало проникновению в исходный замысел автора и, тем самым, более полному восприятию текста словесно-художественного творчества.

Особый интерес в этом плане представляют произведения Олдоса Хаксли. В целом, одной из характерных черт творчества этого английского писателя является «контрапунктное» построение, при котором в произведении параллельно развиваются несколько самостоятельных тем и линий. Наиболее четко этот принцип прослеживается в романе «Контрапункт» (1928). Само название произведения является музыкальным термином: «контрапункт (нем. Kontrapunkt, от лат. punctus (punctum)

¹⁶ См. Арапиева Л.В. *Op. cit.*; Баранова Л.Л. *Op. cit.*

contra punctum, букв. – точка против точки) – одновременное сочетание двух и более самостоятельных мелодических линий в разных голосах»¹⁷.

Стремление Хаксли к «музыкальному» построению романа продиктовано его воззрениями на искусство, которое он представляет себе как «организацию видимого хаоса в упорядоченный человеческий мир»¹⁸. В романе «Контрапункт», где автор предпринимает попытку построить литературное произведение по законам музыкального, создается своеобразное «многоголосие», в котором все «голоса» равноправны (по выражению Хаксли, для этого «нужно только достаточно много действующих лиц и контрапункт параллельных сюжетов»¹⁹).

Для того, чтобы продемонстрировать, как в этих целях используется Олдосом Хаксли точка с запятой, рассмотрим следующие предложения из романа «Контрапункт», построенные по одному и тому же ритмическому принципу, т.е. представляющие собой одну и ту же ритмическую «фигуру»:

1. *Time passed; the late afternoon turned into summer twilight; the twilight thickened slowly into darkness.*

2. *Time flowed; the island vanished; the air was if possible hotter.*

Оба предложения обладают сходными особенностями на различных уровнях языка, что позволяет нам сделать вывод о том, что здесь используется один и тот же литературный прием, обеспечивающий определенный художественный эффект. Рассмотрим эти сходные особенности более подробно.

С точки зрения плана содержания оба предложения дескриптивного характера (описание окружающей сцены).

С точки зрения синтаксической организации предложения являются сложносочиненными с тремя простыми предложениями без каких-либо лексических средств. Во всех трех простых предложениях сохраняется прямой порядок слов: за подлежащим, выраженным существительным, следует глагольное сказуемое в форме Past Indefinite.

Соединительная функция выполняется только средствами пунктуации: две точки с запятой после первого и второго простых предложений.

¹⁷ Музыкальный Энциклопедический Словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 268.

¹⁸ Huxley A. The Letters of Aldous Huxley / Ed. by Gr. Smith. – New York, London, 1969.

¹⁹ Хаксли О. Контрапункт. (Пер. с англ. И. Романовича). – СПб.: Амфора, 1999. – С. 411.

Для дальнейшего анализа потребуется обращение к широкому контексту не только всего абзаца в целом, но и к тексту всего последнего раздела главы XXX, из которого ниже приводятся отдельные отрывки:

'The hills on the other side of the valley were touched with sunlight and seemed to shine with their own radiance against the smoke and indigo of the clouds...

It was the cloud that enhanced the shining of her present felicity. A dark cloud, but how remote now, how curiously irrelevant! And that other happy brightness before the coming of the cloud – that too was tiny and far away, like an image in a curved mirror...

She felt as though she were melting into that green and golden tranquillity, sinking and being absorbed into it, dissolving out of separateness into union: stillness flowed into stillness, the silence without became one with the silence within her...

*But she didn't go. She sat where she was, quite still, deliberately forgetting him. The little sediment that Walter's coming had stirred up in her quickly settled again. Through the vacant lifelessness of trance her spirit sank slowly down once more into God, into the perfected absolute, into limitless and everlasting nothing. **Time passed; the late afternoon turned into summer twilight; the twilight thickened slowly into darkness.**'*

Одной из стилистически значимых особенностей данного текста является намеренное выделение некоторых важнейших для понимания образов. Художественный эффект основан на умелом использовании слов, принадлежащих к определенным лексическим группам – и, шире, семантическим полям²⁰. Так, например, здесь четко выявляется противопоставление **света и тьмы**²¹. Слова 'sunshine', 'sunlight', 'shine', 'shining', 'the shining', 'bright', 'brighter', 'brightness' встречаются несколько раз в тексте последней части главы и противопоставляются словам 'twilight', 'dark', 'darkness'.

Еще одно семантическое поле, которое можно здесь выделить – **«тишина», «спокойствие», «медлительность»** ('silence', 'stillness', 'slowness'). Здесь особый упор делается на слова 'tranquillity', 'stillness' (повторяется 2 раза), 'silence' (2 раза), 'calm' (2 раза), 'slowly' (4 раза), 'noiselessly', 'whispered' (2 раза), 'still', 'lifelessness', 'peace' (4 раза). Можно предположить, что слова второго семантического поля были намеренно отобраны автором для того, чтобы привлечь внимание читателя к господствующему состоянию покоя, тишины, неподвижности. Данный художественный эффект достигается именно путем повторения

²⁰ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969, с.118; Olga Akhmanova, A.N. Marchenko. Meaning equivalence and linguistic expression. М., 1973. С. 89-90.

²¹ В принципе данную линию исследования можно было бы продолжить на концептологическом уровне и попытаться выделить здесь различные особенности воплощения концептов «света», «покоя» и т.д. Особый интерес в этой связи представляют работы О.Д. Вишняковой, разрабатывающей эту проблематику на материале английской поэзии – см., например, Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство. На материале современного английского языка. М.: МАКС-Пресс, 2002.

этих слов ('stillness', 'silence', 'slowly', 'peace'), способствующих раскрытию особого образа размышления, созерцания и медитации.

Для анализа второго предложения потребуется также обратиться к более широкому контексту – последней части главы XIV:

There was no breeze except the wind of the ship's own speed, and that was like a blast from the engine room. Stretched in their chairs, Philip and Elinor watched the gradual diminution against the sky of a jagged island of bare red rock... walking on principle or for an appetite, their fellow passengers passed and re-passed with the predictable regularity of comets...

There was a silence. Burnt down, burnt scarlet, the young men on leave passed laughing, four to a girl. Sun-dried and curry-pickled veterans of the East strolled by... Two female missionaries padded past in a rarely broken silence...

Time flowed; the island vanished; the air was if possible hotter...

He looked over the top of his book at the enormous blue glare of the sea...

Во втором тексте на передний план выходят образы воды и моря. Впечатление «текучести», «движения», «колебания» подкрепляется тем, что читателю уже известно, что действие происходит на борту корабля, что создает определенный ассоциативный фон. Анализируя весь отрывок в целом, мы можем выделить два тесно связанных между собой семантических поля. Первое из них – семантическое поле «море», «огромное водное пространство».

На протяжении всего текста мы находим также элементы, относящиеся к другому семантическому полю – «движения»: 'walking', 'passed' (3 раза), 're-passed', 'strolled by', 'padded past', 'flowed', 'vanished', 'marched past', 'passed by', 'faded into', 'rounded the corner into hearing'.

Теперь обратимся к собственно ритмической стороне данного материала и покажем, как рассмотренные особенности морфосинтаксического и лексического характера влияют на его ритмико-просодические свойства. Основополагающими ритмическими элементами являются здесь простые ритмические единицы, непосредственно предшествующие каждой точке с запятой и завершающие каждую сложную ритмическую единицу. Для придания рассуждению большей убедительности в нижеследующей таблице каждая сложная ритмическая единица представлена отдельно (одна под другой), простые ритмические единицы обозначены, соответственно: одноударные – М, троические – Т и дактилические – D²².

²² В докторской диссертации И.М. Магидовой было обращено внимание на особые возможности, которые дает для прагмафонетического изучения ритма прозы, описание ритмической организации текста в терминах поэтической ритмологии. На удобство такой системы описания речевого ритма указывал еще Д. Боллинджер при сопоставительном

Предложение 1	Предложение 2
<i>Time passed;</i> М М	<i>Time flowed;</i> М М
<i>the late afternoon turned into summer twilight;</i> Д М Д Т Т	<i>the island vanished;</i> Т Т
<i>the twilight thickened slowly into darkness.</i> Т Т Д Т	<i>the air was if possible hotter.</i> Д Д Т

Данная таблица показывает, что здесь прослеживается четкая тенденция к удлинению простых ритмических единиц к концу рассматриваемой ритмической фигуры. Основу первой сложной ритмической единицы составляют две односложные единицы, в то время как вторая сложная ритмическая группа основана на двух трохеических последовательностях слогов, а конец предложения в обоих случаях организован как дактилическая и трохеическая последовательности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что внутреннее ритмическое движение каждого предложения в каждом случае подкрепляет образ «изменения» и, в частности, «увядания». Образ проходящего времени перерастает в картину текучести, движения, постепенного изменения, перехода из одного состояния в другое, увядания и растворения («исчезания»), что непосредственно связано с ритмической организацией каждого предложения в виде трех сложных ритмических единиц. Таким образом, анализ ритмической организации каждого из этих предложений (с учетом других отличительных языковых характеристик) помогает прояснить заложенную в тексте образность.

Первая сложная ритмическая единица в предложении 1 констатирует определенный период движения времени, а вторая и третья сложные ритмические единицы описывают то, что произошло в этот период времени. Таким образом, первая сложная ритмическая единица тяготеет скорее к статическому образу, в то время как две остальные сложные ритмические единицы ориентированы более на динамическую сторону происходящего. Следует отметить, что глагол *'to pass'* в первой сложной ритмической единице обладает преимущественно динамическим

исследовании базовых различий в ритме разных языков. См. об этом более подробно в *Bollinger D. Aspects of Language. New York, 1975.*

значением. Однако широкое обобщение, которое обнаруживается в первом простом предложении, делает его наоборот скорее статическим, чем динамическим.

Как и в предложении 1 (*'time passed'*), в начале предложения 2 (*'time flowed'*) дается указание на общую констатацию проходящего времени. Более того, во втором случае глагол *'to flow'* создает гораздо более живописный образ, который в дальнейшем развивается с помощью еще одного элемента семантического поля «море», «вода»: *'the island'*.

Таким образом, здесь мы снова сталкиваемся с движением от абстрактного к конкретному, с вовлечением в процесс восприятия все новых органов чувств. Второе простое предложение (*'the island vanished'*) представляет собой не просто указание на проходящее время, но уже визуальный образ объекта, постепенно исчезающего из виду. Последнее простое предложение (*'the air was if possible hotter'*) подхватывает эту искусную нить образов и обращается к физическим ощущениям читателя – его способности почувствовать жар и влажность воздуха. Другими словами, образ текучего времени (нечто, что можно понять на уровне абстрактного мышления) перерастает в нечто, что можно увидеть, и далее – осязать.

Особая напряженная торжественность тембра, воспроизводящегося в этой ритмической структуре, подкрепляется различными сегментными и сверхсегментными особенностями анализируемых предложений. Имеются в виду:

1. преобладание взрывных и фрикативных согласных звуков
2. слабое начальное [d], произносимое как глухой звук
3. фонестемный эффект [st], [sl], [s], [t], [l]
4. напряженные гласные звуки
5. организация движения тона трех простых предложений в обоих случаях в виде «нисходящей шкалы», где каждый последующее простое предложение произносится ниже предыдущего
6. замедленный темп и немного ослабленная громкость.

При дальнейшем рассмотрении данной ритмической структуры необходимо снова подчеркнуть роль музыки и музыкального структуры в творчестве Олдоса Хаксли. Контрапунктное построение проявляется не только на уровне макро-структуры (продолжительные отрезки текста: главы, абзацы) – на уровне взаимодействия различных героев и эпизодов («мелодий») – но также и на микро-уровне – уровне предложения. Внутри этой сложной структуры из трех простых предложений с двумя точками с запятой каждая из трех сложных ритмических единиц соот-

ветствует новой музыкальной фразе одной и той же развивающейся мелодии.

Для создания прагмастилистических материалов, выявляющих особую лингвостилистическую функцию точки с запятой в текстах данного автора, оказалось необходимым провести сопоставительный анализ и представить в соположенном виде текст оригинала и его гипотетические варианты. Анализ оригинального текста и его гипотетических вариантов с видоизмененной пунктуацией в данном случае основан на двух различных оппозициях: точка с запятой <=> точка, точка с запятой <=> запятая:

Оригинальный текст	Вариант с точкой	Вариант с запятой
<i>Time passed; the late afternoon turned into summer twilight; the twilight thickened slowly into darkness.</i>	<i>Time passed. The late afternoon turned into summer twilight. The twilight thickened slowly into darkness.</i>	<i>Time passed, the late afternoon turned into summer twilight, the twilight thickened slowly into darkness.</i>
<i>Time flowed; the island vanished; the air was if possible hotter.</i>	<i>Time flowed. The island vanished. The air was if possible hotter.</i>	<i>Time flowed, the island vanished, the air was if possible hotter.</i>

Сначала рассмотрим первую оппозицию, содержащую варианты, в которых точки с запятой были заменены на точки. Исходя из основных положений синтаксической просодии, которая составляет основу чтения любой разновидности текста, в этом случае каждая парцеллированная часть предложения становится отдельным предложением, необходимо завершающимся нисходящим тоном и долгой паузой. Более того, так как предложения имеют идентичную синтаксическую структуру, в случае разделения точками они бы звучали как завершенное высказывание, что привело бы к определенному эффекту на сверхсинтаксическом уровне, т.е. к намеренно резкому и эмоциональному звучанию. Таким образом, предложение утратило бы свою объединяющую мысль и соответствующее ей стилистическое воздействие. Получившиеся в результате самостоятельные предложения разорвали бы изначальную мягкую

«текучую» последовательность на отдельные несвязные образы, оторванные друг от друга.

В пределах второй оппозиции – там, где изначальная точка с запятой противопоставляется вариантам с запятой, оригинальный звуковой образ также претерпевает изменения. Более короткие паузы вместе с возможностью предшествующего низкого восходящего тона также влияют на ритмическую и просодическую организацию. Ритмическая последовательность оригинального текста (когда каждая сложная ритмическая единица намеренно отделяется достаточно протяженной паузой) в случае с запятыми превратилась бы в сухое и даже торопливое перечисление описываемых событий, лишенное эмоциональной окраски. При такой организации предложения все наиболее важные контрасты скорее всего оказались бы размыты. Другими словами, гармоничная структура оригинального текста, состоящая из трех элементов, была бы разрушена. Предложение утратило бы свое художественное воздействие, растворившись в более крупном отрезке текста.

При использовании точки с запятой, напротив, создается совершенно другой образ. У читателя складывается впечатление, что автор отводит ему некоторое время для того, чтобы сделать паузу и осмыслить каждый вновь появляющийся образ, осознать его значение в общей картине.

В заключение следует подчеркнуть, что прагмалингвистическое изучение точки с запятой позволило выделить некоторые из наиболее важных особенностей индивидуального стиля писателя. Детальное рассмотрение ритмико-просодических и семантико-стилистических последствий, к которым привели экспериментальные пунктуационные замены и их последовательное сопоставление с текстом оригинала позволяют проследить мотивацию выбора точки с запятой (а не какого-либо другого знака препинания), определить роль точки с запятой в создании определенной ритмической и просодической картины и попытаться, таким образом, оценить лингвостилистически и лингвопоэтически возможности этого знака препинания.

Л и т е р а т у р а

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., Высшая школа, 1984.
2. *Арапцева Л.У.* Теория и практика знаков препинания в современном английском языке: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1985.
3. *Баранова Л.Л.* Единство и взаимодействие устной и письменной форм научного изложения: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1983.
4. *Баранова Л.Л.* Онтология английской письменной речи. – М., 1998.

5. *Магидова И.М.* Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: Дисс... доктора филологических наук. – М., 1989
6. *Михайловская Е.В.* Прагмалингвистические проблемы английской пунктуации (на материале двоеточия): Дисс... канд. филологических наук. – М., 2001.
7. *Руденко Д.У.* Прагмалингвистика чтения научной прозы в свете соотношения просодии и пунктуации: Дисс... канд. филологических наук. – М., 1989.
8. *Maguidova I.M.* Speech Modelling as the Subject of Functional Stylistics // *Folia Anglistica* – № 1; М., 1997.
9. *Maguidova I.M., Mikhailovskaia E.V.* The ABC of Reading. М., 1999.
10. *Philological Phonetics* / Ed. by O.S. Akhmanova, O.V. Alexandrova. Moscow, 1986.
11. *Registers and Rhythm* / Ed. by O.S. Akhmanova and T.N. Šiškina. Moscow, 1975.

РЕЦЕНЗИИ

Бекасова Е.Н. Руководство по изучению старославянского языка¹

© кандидат филологических наук А.И. Изотов, 2004

Рецензируемое пособие являет собой удачное совмещение лаконизма изложения и полноты охвата материала. Широкое использование контрольных вопросов, отсылающих студента к одному из существующих учебников старославянского языка или же к лекции, позволяет буквально на нескольких десятках страниц рассмотреть все предусмотренные программой курса аспекты. Например, параграф «Историко-культурные предпосылки возникновения древнейшего литературно-письменного языка славян» ВВЕДЕНИЯ выглядят следующим образом:

«1. Почему IX в. является одним из важнейших периодов в судьбах славянских народов?

2. Каковы исторические предпосылки появления в Константинополе посольства моравского князя Ростислава? (В «Материалах для самостоятельной работы по истории русского литературного языка» прочитайте статьи «Византия», «Христианство», ознакомьтесь с географическим положением Великой Моравии и Паннонии.)

3. Расскажите биографии солунских братьев. Почему в учителя славянскому народу были выбраны именно они?

4. Чем осложнялось осуществление переводов Библии с греческого языка на славянский язык? (В «Материалах для самостоятельной работы по истории русского литературного языка» прочитайте статьи «Богослужбные книги», «Памятники письменности», «Библия», «Новый Завет», «Ветхий Завет».) В пособиях по старославянскому языку рассмотрите воспроизведение отрывков из глаголических и кириллических памятников, попытайтесь их прочесть и перевести.

5. Как осуществлялась миссионерская деятельность Константина и Мефодия? В чём существенное отличие их деятельности от формальной христианизации варваров? Что определяло выбор и очерёдность перевода произведений? Какое значение это имело для просвещения славян?

¹ Бекасова Е.Н. Руководство по изучению старославянского языка: Учебное пособие. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – 48 с.

6. Расскажите о борьбе первоучителей славянского народа со сторонниками трёхязычной доктрины.

7. Каким образом славянская письменность получила признание и право на существование?

8. Каково значение деятельности Константина и Мефодия и их учеников для формирования и развития культуры славян, формирования их собственной литературы и литературных языков?» [Бекасова 2004: 5-6].

Как мы видим, речь фактически идет о тезисах, ориентирующих не только студента, но и лектора.

Весьма полезными для студентов представляются содержащиеся в основном тексте пособия 27 таблиц, в которых логически структурируется трудный и объемный материал.

Несомненным достоинством пособия для будущих преподавателей-словесников видится и последовательное обращение к материалу современного русского языка. Например, параграф, посвященный изменениям дифтонгических сочетаний с плавными содержит, в частности, список корней с неполногласием и полногласием в современном русском языке: 1. благ-/болог-; 2. бран-/борон-; 3. брег-/берег-; 4. бреж-/берег(ж)-; 5. брем-/берем-; 6. влад-/волод-; 7. влак-/влек-/волок-; 8. враг-/ворог-; 9. врат-/ворот-; 10. вред-/веред-; ... 12. глав-/голов-; 13. глас-/голос-; 14. град-/город-; 15. древ-/дерев-; 16. жреб-/жереб-; 17. здрав-/здоров-; 18. злат-/золот-; 19. млад-/молод-; 20. мрад-/мород-; 21. мрак-/морок-; 22. мреж-/мереж-; 23. нрав-/норов-; 24. плен-/полон-; 25. празд-/порож-; 26. прах-/порох-; 27. прек-/перек-; 28. слад-/солод-; 29. страж-/сторож-; 30. срам-/сором-; 31. сред-/серед-; 32. стран-/сторон-; 33. треб-/тереб-; 34. хлад-/холод-; 35. храбр-/хоробр-; 36. храм-/хором-; 37. хран-/хорон-; 38. шлем-/шелом- [Бекасова 2004: 22].

Пособие состоит из Предисловия, 5 разделов (тем), списка рекомендуемой литературы и двух приложений.

Шесть параграфов «Введения» посвящены соответственно рассмотрению историко-культурных предпосылок возникновения древнейшего литературно-письменного языка славян; месту старославянского языка в кругу других славянских языков; краткой характеристике шести глаголических (Киевские листки, Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, Сборник Клоца, Синайская псалтырь) и семи кириллических (Саввина книга, Супрасльская рукопись, Енинский апостол, Хиландарские листки, Македонский листок, Остромирово евангелие) рукописей, а также граффити; описанию глаголицы и кириллицы; выявлению значения изучения старославянского языка; описанию методов и приемов, используемых в палеославистике.

В двух параграфах раздела «Фонетическая система старославянского языка» рассматриваются системы гласных и согласных старославянского языка IX века.

В четырех параграфах раздела «Основные фонетические процессы, протекавшие в праславянский период» дается характеристика праславянского языка как феномена, систем гласных и согласных (периода непосредственно после распада балто-славянского языкового сообщества), описываются основные общеславянские фонетические изменения дописьменного периода.

Четвертый и пятый разделы пособия посвящены описанию морфологии и синтаксиса старославянского языка.

Приложение 1 содержит отрывки из Саввиной книги, Зографского евангелия и Остромирова Евангелия (в том числе один отрывок глаголицей), а также задания к текстам, Приложение 2 – таблицы склонения существительных, местоимений и полных прилагательных, а также спряжения глаголов в настоящем времени, аористе, имперфекте, перфекте, плюсквамперфекте и повелительном наклонении.

Вкравшиеся по техническим причинам в текст пособия немногочисленные опечатки (например, отсутствие последней буквы в слове **земля** на стр. 8² или неправильные инициалы на стр. 40) и неточности (например, этимология **дъждь** *dozgjōs вместо *dūzdjōs на стр. 26), так хорошо знакомые всем авторам, редакторам и наборщикам материалов по древним языкам, будут, без всякого сомнения, исправлены при переиздании. По нашему мнению, в случае такого переиздания автору сто́ит вернуться к вопросу об оправданности обозначения звуков старославянского языка старославянскими буквами вместо традиционной транскрипции на основе латиницы или гражданской кириллицы (не провоцирует ли это у первокурсника путаницу, ведь в пособии зачастую речь идет не только о звуках, но и о буквах). Возможно, сто́ит также хронологически унифицировать и приводимые праславянские формы, не смотря на существующую в справочной и даже учебной литературе традицию игнорировать относительную хронологию. «Взрослый» пользователь этимологического словаря прекрасно осознает условность форм типа *met|ti или *kaisaġ (до изменения слогораздела дифтонг $\hat{e}\dot{i}$ суффикса инфинитива еще не успел монофтонгизироваться, а гласный в составе дифтонга $\hat{a}\dot{i}$ сокращался и в силу этого менял качество до перехода *ī > ъ; отдельно стоит вопрос о контаминации заимствованного латинского имени и латинского же, но прошедшего через германскую

² Впрочем, возможно, речь идет о типографском браке в экземпляре рецензента.

языковую среду суффикса деятеля)³, однако в учебном тексте, наверное, предпочтительнее более сбалансированные хронологически примеры (например, *mĕtteĭ, *kaĭsāgĭōs). Впрочем, речь идет об индивидуальных пристрастиях рецензента.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что рецензируемое пособие полностью соответствует требованиям жанра, содержит необходимый теоретический минимум для изучения курса «Старославянский язык» на филологических факультетах высших учебных заведений, и его возможное переиздание представляется весьма полезным.

³ Рецензент просит прощения у коллег, не разделяющих относительной хронологии С.Б. Бернштейна.

Свет голубой звезды¹

© кандидат филологических наук Е. А. Певак, 2004

В течение последних двух десятилетий – на исходе века – вышли наконец в свет книги, чтение которых долгое время было уделом специалистов – историков литературы, изучающих творчество писателей рубежа XIX–XX вв., так называемого Серебряного века. И подход к анализу этого материала был, разумеется, литературоведческим, историко- или теоретико-литературным, но отнюдь не лингвистическим. Быть может, настала пора исправить это досадное упущение и обратить более пристальное внимание на тексты прозаиков-модернистов второго и третьего ряда, принимавших посильное участие в создании языковых «формул», которые должны были стать адекватным выражением сложных процессов, протекавших в микромире писательской души.

Второй и третий ряд упомянут умышленно. Не секрет, что авторы *типоге*, не столь яркие индивидуальности, менее самостоятельные в своих исканиях, аккумулируют в своем творчестве важнейшие тенденции в поиске новых форм; сквозь их произведения, как через увеличительное стекло, проще увидеть и явные просчеты и несомненные достижения реформатов отечественной словесности, экспериментировавших не только с эстетическими и религиозно-философскими, социальными и политическими концепциями, но и с книжным литературным языком, полученным в наследство от классиков XIX в.

Иван Новиков формировался как писатель в том бурном литературном потоке, в котором смешались традиционно-реалистическое и декадентско-индивидуалистическое начала. Заговорив на непонятном русскому читателю языке, символисты-декаденты будто бы твердо встали на путь освобождения от старых форм. Однако чем более проч-

¹ Силами сотрудников Мценской городской библиотеки им. И. А. Новикова подготовлен и вышел в свет сборник прозы русского писателя Ивана Новикова, известного далеко не всем специалистам: *Новиков И. Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы* / Сост. Л. С. Новикова; предисл. М. В. Михайловой; худож. С. В. Прокопов. Мценск: Мценская городская библиотека им. И. А. Новикова, 2004. 444 с.; илл.

В своей вступительной статье М. В. Михайлова, в очередной раз заставившая нас вспомнить еще одно почти забытое имя, еще одну искалеченную судьбу, не случайно отсылает читателя к повести Б. К. Зайцева «Голубая звезда». Главный ее герой – Алексей Петрович Христофоров – словно бы сияет отраженным светом утренней голубой звезды, Веги, с которой связан таинственными узами. Прототипом этого героя и стал Иван Алексеевич Новиков, друг и единомышленник Зайцева в те далекие годы.

ными становились позиции нового искусства, тем очевиднее было, что новое коснулось в большей степени содержания, а вот в области формы пришлось ограничиться размыванием жанровых границ, разрушением целостной структуры произведения, которую подтачивал изнутри лирический поток писательского сознания. Такая лирическая экспансия вполне объяснима: индивидуализация искусства не может не сопровождаться вытеснением из прозаических произведений повествования как такового, и нет ничего более подходящего для отражения бездн человеческого сознания, чем лирические приемы. Но сами же творцы нового искусства скоро заметили эту подмену одного литературного рода другим – вместо создания третьей, синтетической формы – и, не найдя другого способа, поспешили вернуться к истокам – пушкинской новелле.

В сфере же языка произведений прозаиков-модернистов происходила консервация несколько иного толка. Символизация языка, протекавшая параллельно с выстраиванием соответствий между двумя реальностями, высшей и низшей, начавшаяся с раскрепощения авторской речи, привела к появлению словесных штампов, с особенной определенностью обнаруживающих свою «темноту» и «вялость», когда они оказывались в руках у эпигонов символизма. Но и мастерам далеко не всегда удавалось облекать абстрактные, нарочито затуманенные образы в «живые» слова.

Умерщвление слова, пожалуй, самый страшный грех символизма – и самая большая его беда. Шлейф мертвых слов тянулся за символизмом и тогда, когда ясной и осознанной стала для писателей этого лагеря необходимость упрощения прозаических текстов, которые постепенно приобретали внешнее сходство с обычным, не препарированным языком – и все-таки не меняли своей «темной» сути. Пример безуспешной попытки вернуть утраченную языковую простоту, превратить перегруженное символическими смыслами словесное «покрывало Изиды» в прозрачную, пропускающую свет авторской мысли ткань – роман Новикова «Золотые кресты». В нем не найти синтаксических безумств Андрея Белого, или словесных игр, которым с самозабвением предавался А. Ремизов, или стилистических «оплошностей», свойственных произведениям М. Кузмина. Новиков, скорее, по манере своей близок к петербургской экс-декадентке (в это время) З. Гиппиус, к сохранившему верность индивидуалистическому искусству Ф. Сологубу, из москвичей – и к В. Брюсову, и к С. Соловьеву. А всех их, независимо от литературного «чина», объединяет одно – безжизненность, в абсолютном большинстве, словоформ. И невольно возникает вопрос, чем вызвано

это языковое бессилие? Язык ли держит в плену мысль, догматизируя ее (а это еще одна важная причина кризиса, в котором оказался символизм и который так и не смог преодолеть), или догматическая мысль сковывает язык, лишает писателя возможности «оживить» словесную ткань произведения?

Обратимся к тексту романа «Золотые кресты»:

«Глеб оторвался от сна. Лицо было бледно; тайный экстаз пронизал его душу и отразился жгучим отсветом в чертах лица; Глеб неба не видел, Глебу было видение.

По нитям вечерним, по золотым путям, между одеждами легких молитв, оберегавших, хранивших покой избранной небом души, дыхание тела пришло, и имело оно розовый, нежный божественный облик, с немою улыбкой восторга, с хрустальным бокалом солнечной влаги – золотым напитком заката...»²

Удивляет несходство образа – простого, ясного, прозрачного, – который запечатлел на страницах «Голубой звезды» Зайцев, и этих строк. Едва ли Зайцев столь существенно переработал характер прототипа, что ничего не сохранилось в облике последователя Франциска Ассизского, Алексея Петровича Христофорова, от реального человека, Ивана Алексеевича Новикова. И сам собой напрашивается вывод: мысленная абстракция, а вместе с ней тот замкнутый круг, по которому, подобно Агасферу – вечному страннику, блуждали символисты и близкие им по духу авторы – вечное, земное, вечное и снова земное, способствовали их отчуждению и от живого чувства, и от живой мысли, и от живого слова.

Выбраться из этого заколдованного круга удалось литераторам совершенно новой формации – футуристам, причем с помощью отвергнутого символизма интуитивного постижения «эмоциональной основы слов»³, хотя начинался символизм, символизм декадентского периода, в том числе и утверждением интуитивного подхода к искусству и к жизни. Но очень скоро интуиция в символизме уступила место холодному рассудку, а живое чувство растворилось в абстрактном, для которого тут же нашлись подходящие слова, значительные и – пустые. «Хаос живой тревожил его, – пишет об одном из героев «Золотых крестов» Новиков, – нужен был план, стройность, система. Скоро сбросил скелет железных законов необходимости, стадий развития, весь такой арсенал, каким по-военному – военная строгость и точность – строили жизнь; покачнулся, похилился, но снова обрел себя, новый свой план светлого

² Новиков И. Золотые кресты. С. 47.

³ Ховин В. Ветрогоны, сумасброды, летатели. (Из доклада) // Очарованный странник. № 10. Альманах весенний. Пг., 1916. С. 11.

архитектурно-прекрасного храма»⁴. Не такой ли «архитектурно-прекрасной» постройкой – как корсет для человека с поврежденным позвоночником – были для символистов те сменяющие одна другую или существующие параллельно, в двух «изводах» – московском и петербургском, концепции творчества, создающие видимость «горения», видимость жизни, как и видимость «горящих», эмоционально насыщенных слов, которые были сметены, как и сам символизм, мощной волной литературного авангарда? И не таким ли добровольным узником символистских догматов оказался Новиков, лучистая душа которого едва видна сквозь тенета слов, покрывающих плотным слоем тумана те лучезарные прозрения, которые были ему ведомы?

⁴ *Новиков И.* Золотые кресты. С. 37.